

ЭДУАРД НОРДМАН
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ:
ГЕНЕРАЛ КГБ РАССКАЗЫВАЕТ

Эдуард Богуславович Нордман Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279856

Штрихи к портретам: генерал КГБ рассказывает...: БЕЛТА; Минск;

2004

ISBN 985-6302-40-4

Аннотация

Эта книга – документальный рассказ о выдающихся людях второй половины XX века. Среди них – легендарный партизанский командир В.З. Корж, руководители СССР и союзных республик А.Н. Косыгин, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, К.Т. Мазуров, П.М. Машеров, С.О. Притыцкий, Ш. Рашидов и другие не менее известные личности, с которыми автору приходилось встречаться. В книге много интересных эпизодов и фактов, оригинальных фотографий, публикуемых впервые. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Предисловие	6
ЮРИЙ АНДРОПОВ	9
МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ	25
ВЛАДИМИР ДОЛГИХ	49
МИХАИЛ ЗИМЯТИН	64
ГЕНЕРАЛ КОРЖ	73
АЛЕКСЕЙ КОСЫГИН	92
АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО	105
КИРИЛЛ МАЗУРОВ	119
ПЕТР МАШЕРОВ	137
СЕРГЕЙ ПРИТЫЦКИЙ	151
ШАРАФ РАШИДОВ	164
НИКОЛАЙ РЫЖКОВ	181
ЕВГЕНИЙ ЧАЗОВ	191
ЧЕКИСТЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	202
ФИЛИПП БОБКОВ	214
ВИТАЛИЙ БОЯРОВ	218
ЛЕОНИД ШЕБАРШИН	222
ДОРОГИ... ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ...	230
ПОСЛЕСЛОВИЕ	231
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	232
ИЗ ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ	243
МЫСЛИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК	252

Иллюстрации	259
Об авторе	319
Выходные данные	322

Э.Б. Нордман

Штрихи к портретам:

Генерал КГБ рассказывает

Предисловие

Книга носит мемуарный характер. В ней, между прочим, любопытен образ автора, нарисованный им самим. Это прослеживается во всех главах, особенно в рассказах о Ю. Андропове, К. Мазурове, П. Машерове, В. Корже, Ш. Рашидове, М. Горбачеве.

Автор – уникальная личность. С июня 1941 до июля 1944 года (1119 дней и ночей) воевал в глубоком тылу врага, находясь в рядах пинских партизан. В первые сутки войны девятнадцатилетний юноша получил винтовку, 90 патронов, гранату. 28 июня состоялось боевое крещение отряда. В этом бою прозвучал первый партизанский выстрел в Великую Отечественную войну.

Он часто попадал в безвыходные, казалось бы, ситуации, но всегда уходил от смерти. В 1941-м о нем ходили легенды на Полесье. На его боевом счету – бронепоезд и 9 эшелонов, пущенных под откос, десятки боев и дерзких операций, в которых он был на переднем крае. Разведчик в обозе не отсиживался.

8 июля 1941 года был создан Пинский подпольный обком комсомола (впервые в Великую Отечественную войну). В течение трех лет Э.Б. Нордман сначала был заместителем секретаря, потом секретарем и членом обкома. Одновременно он возглавлял Пинский подпольный горком комсомола. Это был героизм повседневный. О нем в 1942 году писал К.Т. Мазуров из тыла врага: «Нордман – геройский парень. Прославился здесь в 41-м. Однажды надел немецкую форму,

подобрал «полицейских» из партизан и в роли «коменданта» разоружил несколько гарнизонов».

Совесть автора всегда была чиста. Не кланялся пулям в войну, не прогибался после войны, никому не кланяется сегодня. Может, сознание правоты, чувство исполненного долга и позволяли ему говорить правду в лицо товарищам – будь то член Политбюро ЦК КПСС или рядовой сотрудник.

Прямота и честность вызывали уважение у одних, озлобление и ненависть у других. Правда, первых было значительно больше.

Партизанская жизнь не воспитывала чиновничества. Почитание мужества – да. Но не лизоблюдства.

Автор пишет только о том, что лично видел и слышал, вымысла не допускает.

Это о нем в «Российской газете» за 28 июня 2001 г. написала журналистка Я. Юферова: «Один из самых заслуженных белорусов в Москве и авторитетных москвичей в Белоруссии причастен к такому количеству событий, что надо торопиться слушать и слышать эту живую легенду».

Я.Я. Алексейчик.

ЮРИЙ АНДРОПОВ

19 мая 1967 года председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР был назначен Юрий Владимирович Андропов. Об этом я услышал утром по радио «Свобода». Пришел на «водопой» к колоннаде в Карловых Варах, где встретил группу генералов из центрального аппарата КГБ. Тогда на этом курорте передачи советского телевидения не принимались, газеты из Союза приходили с опозданием на сутки, потому мое сообщение для них было полной неожиданностью. Первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Н.С. Захаров даже изменился в лице:

– Откуда ты взял такую информацию? Что ты мелешь?

– Николай Степанович! Мне товарищи подтвердили, что они то же самое слышали по московскому радио. Семичастного освободили, Андропова назначили.

Генералы быстренько ушли в свой санаторий звонить в Прагу и в Москву. В обеденный «водопой» высокие московские чины из Комитета уже скупно комментировали это назначение. Н.С. Захаров сразу же улетел в Москву. Мы же – работники рангом пониже – продолжали спокойно лечиться и отдыхать. Нас это сообщение не взволновало.

Летом того же 1967 года в КГБ СССР готовился к рассмотрению на коллегии вопрос о введении личных лицевых счетов для каждого оперативного работника. Мне тогда поручили возглавить рабочую группу по подготовке соответствующих материалов.

Изучили историю вопроса, начиная с 1918 года. Оказалось, что дело это в системе госбезопасности отнюдь не новое. Просматривая документы 20–30-х годов, мы уловили удивительную закономерность. За введением в 1934 году лицевых счетов в НКВД последовали репрессии 1936–1938 годов. Среди других причин сработал и «стимул личной заинтересованности».

Появились желающие состряпать побольше дел, найти побольше «врагов» и тем отличиться на службе. Чем больше дел завел, чем больше людей арестовал, тем больше поощрений, наград и прочих благ. Были ведь и в органах прожженные карьеристы, интриганы, просто подлецы. Возможно, не так уж много, но были.

Так зачем заново создавать ситуацию 30-х годов, думалось мне тогда. Ведь в свое время, работая в Белоруссии, я рассматривал тысячи дел по реабилитации осужденных в 1937—1938 годах. И начитался там такого, что сорок лет забыть не могу...

Я в то время не знал, что идею о личных лицевых счетах оперативных работников подали Андропову генералы Ци-

нев, Титов и Горбатенко. Уже потом мне В.А. Крючков показал их записку с резолюцией Юрия Владимировича: «Подготовить вопрос на коллегиям».

В августе 1967 года меня вызвали на третий этаж Лубянки, где был кабинет председателя. Дежурный секретарь подполковник Юрий Сергеевич Плеханов (впоследствии генерал-лейтенант) записал мое сообщение и пошел докладывать Андропову. Меня попросил не уходить, вдруг понадобятся какие-либо уточнения. Из кабинета председателя он вышел довольно быстро, поскольку Андропов сказал: «А чего это он докладывает через «переводчика», пусть заходит сам».

Зашел. Доложил:

– Нордман, заместитель начальника службы № 1 Второго главного управления.

Извинился, что небрит, всю ночь провел на работе, выполняя поручение руководства, связанное с острым сигналом из Средней Азии. К счастью, то была ложная тревога.

– Ну что ж, вам испортили выходной, и мне приходится работать в субботу.

Юрий Владимирович предложил присесть. Принесли чай с лимоном и сушками. Чай я выпил, а к сушкам прикоснуться постеснялся, хотя в десять утра уже и не мешало бы подкрепиться.

И начался содержательный разговор по проблемам работы КГБ. Андропова интересовали многие вопросы и детали. Его можно было по-человечески понять: он был новым

руководителем и только осваивал работу Комитета. Помню, на один щепетильный вопрос отвечать не хотелось. На мой уклончивый ответ, что мне, полковнику, по рангу вроде бы и не положено давать оценку этой государственной проблеме, он среагировал быстро: «Мы же разговариваем как коммунист с коммунистом, а не как начальник с подчиненным». Юрий Владимирович перешел на «ты» и как-то незаметно расположил к откровенной беседе. Скованность моя пропала. Высказывал свою точку зрения без оглядки.

Разговор продолжался три часа. Чай приносили еще несколько раз. Пошли в ход и сушки.

– Как относишься к идее введения личных лицевых счетов для каждого чекиста? – спросил Андропов.

– Крайне отрицательно, Юрий Владимирович.

– Почему?

Я обстоятельно аргументировал ответ, высказал сомнения. И добавил:

– Тот председатель, который подпишет приказ о введении этого «новшества», через пять-шесть лет может получить новый 1937 год.

– Не боишься говорить мне об этом? Я же дважды выступал на коллегии и требовал ускорить подготовку приказа.

– Нет, не боюсь. Я ведь разговариваю как коммунист с коммунистом. И убежден в своей правоте.

– Да, запустил ты мне жука в ухо... Почему же члены коллегии не могли сказать мне так откровенно?..

– Не знаю, не могу ответить за них.

На том вопрос был закрыт. Вот уже тридцать пять лет о нем не вспоминают.

Умел Андропов слушать, умел отказаться от своей же точки зрения, если получал доказательства, что был не прав.

Я рассказал, казалось бы, о рядовом вопросе. Но этот эпизод свидетельствует о том, что Юрий Владимирович умел на все смотреть масштабно, по-государственному. Кто знает, может быть, отвергнув предложение о лицевых счетах, он предотвратил развитие советского общества по пути далеко не лучшему. Только за одно это мудрое решение он заслуживает народного уважения.

* * *

После выходных, как обычно, пришел на службу. В обеденный перерыв пообщался и почувствовал, что изменился «климат». Мне приветливо улыбались, не сторонились, как это было после моего выступления на партактиве (выступая в прениях, я резко критиковал идею введения личных счетов. Это было неслыханным делом по тем временам. Друзья мне говорили: собирай чемоданы). Что произошло с этим «климатом», я узнал через несколько дней. Секреты не держались, о нашем с председателем разговоре стало известно. Спасибо «господину случаю», что он вывел на откровенный разговор с Андроповым. Нарочно не придумаешь и не спла-

нируешь.

Прошли годы. Я все время искал ответ на вопрос, почему Юрий Владимирович относился ко мне с особым доверием в те времена. Думаю, тот субботний откровенный разговор послужил мне «охранной грамотой», поворотным пунктом в моей судьбе.

Оказывается, после выступления на партактиве (по поводу лицевых счетов) мне стали подыскивать место подальше от Москвы. Думаю, выбраться из такой опалы мне не удалось бы.

* * *

Когда я работал начальником УКГБ Ставропольского края, Ю.В. Андропов каждый год приезжал на лечение в санатории Кисловодска и Железноводска. Застолья не любил. Много читал. Два раза в неделю – кино. Привозил с собой записи Галича, Высоцкого, Рубашкина. В то время это было недоступно для меня в крае. Записи храню до сих пор.

Любил Юрий Владимирович забивать «козла», т.е. играть в домино. Эта игра, шутил он, по интеллекту стоит на втором месте после перетягивания каната. Она отвлекала его от государственных забот хоть на пару часов.

На отдыхе он много работал. Фельдъегерь ежедневно привозил из Москвы пакет документов. Отдыхал с женой Татьяной Филипповной. Иногда на неделю-другую приезжали сын

Игорь и дочь Ирина. Но часто я оказывался единственным собеседником Юрия Владимировича. Говорили о многом и откровенно.

Однажды я рассказывал ему о партизанских делах. Как все было в самом начале войны. О том, что уже через несколько месяцев после прихода гитлеровцев появились полицаи, предатели, другие прислужники оккупантов, из эмиграции вернулись помещики.

В то время у меня, комсомольца, 19-летнего юноши, не укладывалось в голове, как это могло быть. Перед войной столько говорилось о могучем морально-политическом единстве народа – и вдруг такое...

Андропов задает вопрос:

– Ну а если, не дай бог, в наше время возникнет ситуация, подобная 1941 году (разговор шел в 1971-м)?

– Юрий Владимирович, теперь, когда я знаю обстановку не только на Северном Кавказе, но и по всей стране, могу сказать, что предателей и негодяев будет в несколько раз больше, чем в 1941 году.

– Подумай, что говоришь.

– Я думал об этом не один день и не одну ночь.

Опять разговор был долгим...

Прошлись по всем проблемам: об опасности национализма, о мусульманском факторе, о влиянии враждебной идеологии на молодежь и т.д.

Юрий Владимирович – немногословный по характеру и

даже молчаливый по долгу службы человек, в чем убеждались люди, знавшие его лично, – постоянно думал. Думал о будущем. Должность у него была такая – отвечать за государственную безопасность в полном объеме.

* * *

Вспоминаю еще об одном эпизоде, об одном откровенном разговоре, который не прибавил мне доброжелателей. Лето 1970 года. Кисловодск. Юрий Владимирович на отдыхе.

– Скажи откровенно, почему Второй главк (штаб контрразведки страны) не работает, как того требует обстановка?

– Не знаю, Юрий Владимирович.

Не хотелось мне отвечать. Уклонился от прямого ответа. Стал что-то объяснять, но туманно и расплывчато.

– Нет, ты давай откровенно, прямо, как всегда. Или не хочешь отвечать на вопрос?

– Не хочу, Юрий Владимирович.

– Сам ведь работал в Главке, знаешь его изнутри.

– Ну, раз откровенно, так откровенно.

И стал перечислять, загибая пальцы, проблемы контрразведки, мешающие, на мой взгляд, работать. А закончил вот чем:

– Главная проблема, Юрий Владимирович, в руководстве.

Пока Г.К. Цинев будет начальником Главка, толку не будет. Он всех задержал, запугал...

– А куда же его денешь. Всем известна его личная дружба с Брежневым.

– Знаю, Юрий Владимирович. Самый простой выход – выдвинуть его заместителем председателя Комитета и дать ему второстепенные вопросы – хозяйственные, финансы, архивы. И Цинев будет доволен, и Брежнев не станет возражать.

Посмотрел он на меня, задумался. А через несколько месяцев выдвинул Цинева в замы. Кто мог предположить, что по прошествии еще нескольких лет Цинев станет первым заместителем председателя КГБ СССР, Героем Социалистического Труда, генералом армии, членом ЦК КПСС?! Фактически больше, чем первый зам.

Все бы ничего. Состоялся откровенный разговор, мало ли таких было. Я стал о нем забывать. По обыкновению, в середине отпуска Юрий Владимирович улетел в Москву провести заседание коллегии. И повел на ней разговор о недостатках в работе контрразведки, перечисляя их и спрашивая остальных.

– Вот такой недостаток?

– Правильно, Юрий Владимирович.

– А это?

– Правильно.

Перечислил все и говорит:

– Сегодня вы дружно подтверждаете: «Правильно, правильно, Юрий Владимирович!» А почему вы, члены коллегии, за все эти годы ни разу не сказали мне об этом? Нордман

в Кисловодске за десять дней мог сказать, а вы... правильно, правильно...

Это был еще тот «подарочек» для меня. Потом мне некоторые по-дружески говорили, мол, чудак ты или мурак, сам же своими руками плодишь себе недругов.

– А как я мог поступить? Пытался уйти от ответа, но Юрий Владимирович настоял: «Всегда между нами была откровенность, а теперь...».

Кое-кто все это запомнил и долго не забывал. Особенно остро я на своей шкуре почувствовал силу этой «памяти» после того, как маятник моей биографии пошел вниз... Даже в 80-е годы, когда представляли к наградам, чья-то «заботливая» рука вычеркивала мою фамилию из списков.

Вот так пооткровенничал. Но не жалею – не покривил душой, значит, поступил правильно.

* * *

Однажды в Домбае Юрий Владимирович любовался белоснежными вершинами, радовался жизни и вдруг, обращаясь к первому секретарю крайкома партии М.С. Горбачеву, говорит:

– Скажите, какому марксизму-ленинизму мы учим в системе политпросвещения? Принуждаем ходить на занятия и сухим бесстрастным языком излагаем прописные истины. Мухидохнут от скуки. Мы же этим опошляем марксизм, от-

вращаем от него людей. А газеты? Прочитал первую страницу «Правды», и в остальные издания можешь не заглядывать. Те же отчеты о мероприятиях, встречах в верхах...

Моя младшая дочь Галина, тогда студентка медицинского института и свидетель того разговора, после сказала: «Меня поразило – член Политбюро, председатель КГБ, а как говорит. Мы, студенты, в курилках об этом шепотом судачим, чтобы чекисты не услышали».

* * *

В 1973 году я отдыхал в санатории и стал невольным слушателем разговора группы рабочих. Стояли они у Нарзанной галереи Кисловодска, пили нарзан. Не знаю, о чем они говорили до этого, но запомнилось следующее:

– Советская власть – наша власть, рабочих. Ее только надо хорошенько очистить от плесени, бюрократов и прочей гадости. Хорошенько почистить, с наждачком. А так власть наша, другой нам не надо.

За ужином я рассказал Юрию Владимировичу об услышанном разговоре. Он подумал, подумал и резюмировал: «А ведь лучше не скажешь».

* * *

Извини, читатель, что пересказываю в XXI век.

Солнечное утро 9 мая 2002 года. Стою на троллейбусной остановке на проспекте Мира. Стою при «всем параде», орденах и медалях. Собрался ехать на Красную площадь, благо,

Совет ветеранов дал пригласительный билет. Долго стоял. Троллейбусы № 9 и 48 не торопятся. В День Победы к ветеранам – особое внимание, интерес к твоему «иконостасу». Пристально смотрит на меня человек, опрятно одетый, на небольшом подпитии по случаю праздника.

– Скажи, генерал, почему в августе 91-го нас никто не позвал на защиту Советской власти? Ответь, только честно ответь.

– Что молчишь, генерал? Мы бы пришли всем заводом.

Что я мог ответить человеку. Подошел троллейбус. Я уехал, а вопрос остался. До сих пор покоя не дает. И Андропова нет, посоветоваться не с кем.

Вот такая картинка жизни в начале XXI века.

* * *

Ранней осенью 1972 года едем в «Чайке» из Кисловодска в Домбай по новой дороге (в то время новой). Удивительно чистое небо, прозрачный горный воздух. Слева панорама Главного Кавказского хребта. Залюбуешься, такая неопишуемая красота. Куда там швейцарским Альпам! Справа на склонах – добротные кирпичные дома карачаевцев, новостройки.

Ф. Бурмистров, секретарь Карачаево-Черкесского обкома, убеждает Андропова:

– Юрий Владимирович, надо принять строгий закон и не разрешать строить дома свыше положенной нормы в 100 квадратных метров.

Андропов терпеливо и вежливо слушал. Вижу – кривится, не нравится ему разговор. Не выдержал и говорит:

– Вы хотите моими руками члена Политбюро и председателя КГБ принять такой строгий закон? Разве вы не понимаете, что для больших карачаевских семей по 10–12 человек надо строить именно большие дома. Тогда человек не будет стремиться уехать из родных мест. Он будет здесь жить. Он не пойдет в исполком становиться в очередь на получение квартиры. Если есть возможность у людей – пусть строят большие, хорошие дома. Радоваться, поощрять надо, а не запрещать.

Одним словом, пристыдил Бурмистрова.

Это к вопросу о том, что Андропову приписывают, будто он запрещал строительство дач, домов. Да, Юрий Владимирович был категорически против строительства дач начальством. Не раз говорил: «На свою зарплату ни один начальник коттедж не построит, значит, будет злоупотреблять, строить за чужой счет. Это непозволительно руководящим работникам, особенно чекистам. Им некогда будет работать, будут думать, как обогатиться. За чей счет? За счет трудового человека. Я против этого».

* * *

На отдыхе, случилось, выезжали на шашлык в горы. Помню августовский вечер, восходящая луна. В горах она, как огромный шар, в Беларуси так не бывает. Сухое вино (Андропов позволял себе только пригубить) несколько расслабляло, раскрепощало. Запевал кто-нибудь песню. Пел и Юрий Владимирович. Да еще как пел. У него был прекрасный баритон. Много песен знал, особенно казачьих. Мы старались подпевать, но не все знали слова. Он, обращаясь к Горбачеву, сказал однажды: «Понимаю, Нордман – белорус, может и не знать этой казачьей песни, а ты же местный... Как тебе не совестно не знать». И запевал новую. И опять Горбачев не знал слов.

Знали, что Юрий Владимирович пишет стихи. Однажды у костра упросили почитать их. Нам понравились. Душевные были стихи.

– Юрий Владимирович, – спросили, – а почему вы их не опубликуете?

– Я не поэт, пишу только для себя. Пусть печатаются профессионалы.

* * *

Не могу не вспомнить еще об одном. К юбилею членам

Политбюро было положено издать книгу – статьи, речи и т.д. Издали и книгу Андропова. От приличного гонорара он отказался. Но редакция настаивала: надо получить, Брежнев не отказывается, другие получают...

Нашли выход. Перечислили деньги детдому имени Дзержинского. Помощникам своим Андропов строго сказал сделать так, чтобы ничего не попало в прессу.

Нет, не показная у него была скромность. В примыкающей к его рабочему кабинету комнатке отдыха стояла обычная койка, на манер солдатской, застеленная обычным солдатским одеялом.

Умер Юрий Андропов в феврале 1984 года. Хоронили морозным днем. Провожал я его в последний путь со смешанным чувством.

Была все-таки обида за то, что Андропов не защитил меня, председателя КГБ Узбекистана, в 1978 году. Почему не защитил? Все стало ясно, когда узнал об одной фразе Юрия Владимировича: «Ну не мог я из-за Эдуарда сталкиваться с Шарафом». Это значит с Рашидовым и не только.

Проходят годы. В памяти народной Андропов остается светлой личностью. Нет ему равных среди политических деятелей второй половины XX века.

Андропов понимал, что многое надо менять в стране. Искал новые подходы в решении международных проблем. Но он никогда не допустил бы такого беспредела по отношению к народу, не допустил бы развала державы, как это сделали

Горбачев и Ельцин.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Я знал двух Горбачевых. Горбачев Михаил Сергеевич в 60—70-е годы и до 1986 года – это один Горбачев. А после 1986 года – уже другой.

* * *

Судьба меня забросила на Ставрополье летом 1968 года. В мае – июне во главе большой группы офицеров я был в командировке в Грозном. Готовился вопрос на заседание коллегии Комитета государственной безопасности СССР. Почти полтора месяца знакомились с оперативной обстановкой и работой чекистов Чечено-Ингушской Республики, которая уже в те годы была, как бы помягче сказать, не «холодной точкой». В середине июня по аппарату правительственной ВЧ-связи позвонил из Москвы начальник управления кадров КГБ СССР В.М. Чебриков:

– Один в кабинете? Попроси товарищей уйти.

После некоторой паузы:

– Прошу завтра быть в Москве. Вылетай первым рейсом.

– А что случилось?

– Вчера было заседание коллегии, посоветовались и решили, что ты поедешь работать в Ставрополь начальником краевого управления.

– Виктор Михайлович, я ведь только три года как из Белоруссии приехал, семья толком не акклиматизировалась в Москве, дети учатся. Дайте хоть с женой посоветоваться.

– Но мы ведь не жену посылаем работать, а тебя. Советуйся, но завтра быть в Москве.

Позвонил жене:

– Собирай чемоданы, переезжаем в Ставрополь.

– А это где? Там, где Сочи?

– Нет, там, где Ессентуки.

Неделя в столице прошла быстро. Побывал на беседе в отделе ЦК КПСС, у секретарей ЦК, членов коллегии Комитета.

И у всех – непременно: расскажите о Чечне. Рассказывал подробно, благо за время командировки не только изучил тогдашнюю обстановку, но и заглянул в историю.

А ситуация в республике была напряженной. Население терроризировали две вооруженные банды, действовавшие еще с 1944 года. Плохо решались социальные вопросы, особенно беспокоили национальные отношения...

* * *

Утвердили меня начальником краевого управления на удивление быстро. Уже первого июля я был на новом месте службы. Ставрополь встретил жарой под сорок градусов и пылью. Старый, уютный губернский город. В основном

двух– и трехэтажные дома, зеленые улицы.

В двадцатых числах июля 1968 года на пленуме вторым секретарем краевого комитета партии утвердили Михаила Сергеевича Горбачева. Первый секретарь крайкома Л.Н. Ефремов, толковый руководитель и мудрый человек, приболел, затем уехал в отпуск. На хозяйстве, как говорится, остался Горбачев. Общались с ним почти ежедневно. Это помогало мне осваиваться на новом месте, знакомиться с людьми.

Михаил Сергеевич производил хорошее впечатление. Молодой, энергичный, общительный. Рядом с умудренным опытом Ефремовым – совсем даже неплохо.

Обстановка на Ставрополье чем-то напоминала Белоруссию. Отношения между людьми – простые. В меру – строгость, в меру – веселье.

На севере края – степь, лесостепь, на юге – горы, на востоке, ближе к Каспию, – полупустыня. Сейчас, когда туда пришла вода Большого Ставропольского канала, там оазис. Все знают, что это житница России, но не всем известно, что это зона рискованного земледелия. Природа закаляла людей, не давала расслабиться.

Жемчужины края – здравницы Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск, Теберда, Домбай. За последние сорок лет в крае выросли такие промышленные гиганты, как Невинномысск, Буденновск, Георгиевск, Минеральные Воды, сам Ставрополь стал городом-красавцем.

Но вернемся к Горбачеву. Семья была скромной. Дочь

Ирина – умная, красивая девочка-старшеклассница, Раиса Максимовна – скромный преподаватель сельхозинститута. Жили они без излишеств. Даже дачи – обычного финского домика – не имели. По выходным выезжали на природу. Ходили пешком по двадцать и более километров. Бражничать не любили. Правда, по праздникам собирались у друзей. По очереди.

Ко мне присматривались, что за человек приехал на Ставрополье. Но вскоре приняли в коллектив. И как-то незаметно это произошло. Осенью 1969 года подошла очередь нашей семье принимать гостей. Приняли по-белорусски. С драниками, мачанкой, грибочками и «Беловежской». После очередной чарки тамада предложил тост за нас с Ольгой Александровной и, между прочим, сказал: «У нас, казаков, людей принимают или на всю жизнь, или, если ты с червоточиной, хоть двадцать или пятьдесят лет живи в станице, все равно будешь чужаком. А вы за год вошли в нашу среду, как нож в масло. Будто всю жизнь с нами»...

Прикипел я к гостеприимному краю, внуки здесь родились и выросли, и приезжаю на Ставрополье, как в родные места.

* * *

Подходил 1970 год. Звонит первый заместитель Ю.В. Андропова С.К. Цвигун:

– Приезжай в Москву на пару дней.

– Да я недавно был, Семен Кузьмич, у меня вопросов в Москве нет.

– Ну я же не каждый день приглашаю, приезжай.

Во время встречи за чашкой чая Цвигун поинтересовался, как жизнь в крае и т.д., а затем задает вопрос:

– Кого ты видишь первым секретарем в крае?

– Двух человек. Босенко Николай Васильевич. Порядочный человек, инженер, участник войны, хороший организатор и работник. И Горбачев Михаил Сергеевич. Он моложе Босенко на 13 лет, юрист, далеко не глупый, перспективный.

– Он ведь первым секретарем крайкома ВЛКСМ работал в одно время с Шелепиным и Семичастным. Одна ведь команда.

Тогда «старики» в Политбюро, и особенно Брежнев, панически боялись тех, кто работал с Шелепиным и Семичастным. Я же не понимал и до сих пор не понимаю этих игр. Но тогда среагировал быстро:

– Семен Кузьмич, не входит Горбачев в эту команду.

– Откуда ты это знаешь, ведь недавно там работаешь.

Я привел убедительный пример. В 1966 году, отправляясь в командировку в Ставрополь, я получил конфиденциальное поручение заместителя председателя КГБ СССР по кадрам А.И. Перепелицина присмотреться к людям и подобрать кандидатуру на должность начальника УКГБ из местных. Мой партизанский товарищ Николай Лыжин, долго ра-

ботавший секретарем крайкома партии по кадрам, посоветовал присмотреться к Горбачеву, секретарю горкома. Короче, «привез» я тогда кандидатуру Горбачева, объективную характеристику на него. Когда доложили тогдашнему председателю КГБ СССР В.Е. Семичастному, тот отверг ее категорически: «Не подойдет, не показывайте больше эту кандидатуру».

Вот об этом я и рассказал С.К. Цвигуну, который был особо доверенным человеком у Брежнева, его старым товарищем. Это по его поручению Цвигун проявил интерес к Горбачеву. Большинству читателей, видимо, трудно представить все тонкости кадровых дел на «Олимпе» власти.

Для Горбачева это была последняя и решающая проверка. В январе 1970 года он занял высшую ступеньку в руководстве краем. Карьерный маятник круто пошел вверх. Его величество случай сыграл свою роль не только в жизни Михаила Сергеевича, но и, как оказалось впоследствии, в истории государства, Европы, мира, XX века. Сознал ли я тогда значимость своего поступка? Нет, разумеется. Для меня было важным то, что поступил честно, не оклеветал человека, а сказал о нем то, что тогда думал и знал.

Тогда, в 70-е годы, по отношению к Горбачеву я поступил элементарно порядочно. Мне и во сне дурном не могло прийтись то, что сделает Горбачев с государством, во главе которого волею судьбы окажется.

* * *

Все было впереди. А тогда, будучи первым секретарем крайкома, М.С. Горбачев работал много, заботился о развитии экономики края. Поддерживал и подхватывал добрые инициативы. Интересно работал над своими докладами, статьями. Подготовит ему аппарат уйму материалов, напишет «болванку». Он все это прочитывал, осмысливал, затем закрывался на несколько дней в кабинете и диктовал стенографистке свой текст, который затем обсуждался коллегиально.

* * *

Не один раз наедине мы обсуждали проблемы в крае и стране. Уже тогда всех тревожила обстановка. Понимали, что нужны реформы. Но я не помню, чтобы у Горбачева возникали идеи, подобные тем, которые у него появились в 1986-м и в последующие годы.

* * *

Как-то в Домбае за завтраком, на котором присутствовали П.М. Машеров, руководители Эстонии И. Кэбин и К. Вайно, разгорелась дискуссия об отчислениях в союзный фонд. Кэбин страстно доказывал, что 90 процентов производимых в республике мяса и молочных продуктов надо оставлять в

Эстонии. Горбачев ставил вопрос так: а как тогда кормить рабочих Урала, которые для тех же эстонцев производят технику, как кормить армию? Машеров и Вайно улыбались, слушая спор, а Кэбин запальчиво отстаивал свою точку зрения:

– Как я могу сдерживать в республике национализм, если в 70-е годы эстонец потребляет мяса меньше, чем в 1940 году?

Горбачев взорвался:

– Не пугайте эстонским национализмом. Вы никогда не задумывались о русском национализме? Если он проснется, всем будет плохо.

* * *

На Кавказские Минеральные Воды после 1968 года приезжали на лечение – летом и зимой – многие члены Политбюро, министры, деятели культуры, зарубежные гости. Круг общения был широкий. Естественно, интересовались личностью молодого первого секретаря крайкома. Присматривались. Многие присматривались, так сказать, на перспективу.

Не скрою, и меня часто доверительно спрашивали о нем. Я душой не кривил. Говорил, что знал, что чувствовал. Не любил интриговать. Всегда придерживался правила: если хочешь добра, не приукрашивай, не льсти, говори правду, как ее видишь и понимаешь. Согласитесь, хорошее правило, хотя оно и не всегда шло мне на пользу.

Конечно, и Ю.В. Андропов во время ежегодных приездов на курорт тоже близко познакомился с Михаилом Сергеевичем и, разумеется, мог сравнивать его со «старцами» на «кремлевском Олимпе». На фоне немощных Брежнева, Черненко, Тихонова, Подгорного Горбачев выглядел орлом. Ему легко досталась власть, в 1985 году его встретили с восторгом, надеждой, облегчением, даже триумфом. Наконец-то к власти пришел активный, дееспособный человек. И выступает не по бумажке...

* * *

13 марта 1985 года я позвонил в приемную М.С. Горбачева на пятом этаже здания на Старой площади. Хотел поздравить с избранием Генеральным секретарем ЦК КПСС. Дежурил секретарь Владимир Маркелович Савицкий. Его неоднократные попытки соединить по телефону с Михаилом Сергеевичем были тщетными. Телефонные аппараты были раскалены – все спешили поздравить.

Вечером по «вертушке» позвонил на дачу. Трубку взяла Раиса Максимовна.

– Прошу передать мои поздравления и добрые пожелания Михаилу Сергеевичу. Понимаю, что с сего дня он принадлежит истории. Теперь нам, смертным, к нему не дозвониться.

С этого мартовского дня личное общение прекратилось. Хотя еще в конце 1984 года мы хорошо, по-семейному, про-

вели вечер у нас дома.

* * *

В начале лета 1991 года в субботний день, утром, раздался телефонный звонок.

– Будете разговаривать с председателем КГБ Владимиром Александровичем Крючковым. Соединяем...

– Слушаю вас, Владимир Александрович...

– Можешь сейчас приехать в Комитет?

– Могу.

– Сколько времени потребуется? Машина есть?

– Машина есть, но шоферы, члены профсоюза, в выходные дни не работают. На трамвай и троллейбус уйдет около часа.

– Сейчас придет машина.

Через 15–20 минут прибыл на Лубянку.

Крючков:

– Мне поручили с тобой переговорить. Михаил Сергеевич весьма встревожен твоим вчерашним разговором по телефону с Раисой Максимовной. Очень обеспокоен...

Я стал подробно рассказывать Крючкову о вчерашнем телефонном разговоре.

Дело было в пятницу. К концу рабочего дня я позвонил на дачу, чтобы передать какую-то бытовую просьбу наших общих друзей из Ставрополя (дозвониться до Горбачевых они,

естественно, не смогли). Но затем разговор переключился на другие темы. Вначале общеполитические.

Раиса Максимовна:

– Как вы считаете, сколько понадобится времени, чтобы страна вышла из экономического кризиса?

– Думаю, лет десять, не меньше.

– Ну, такой пессимизм. Не ожидала такого ответа от оптимиста.

– Ну, если пессимист, то лет двадцать, а может, и все тридцать понадобится.

Завязалась телефонная дискуссия. Между нами это было не впервой. И тут я, по своей старой привычке говорить предельно откровенно, сказал: «В последнее время никто не может взять в толк, куда ведет страну Горбачев... Как вы думаете жить дальше. Кем вы себя окружили, какими людьми? Советники в политике, идеологии – Яковлев, Медведев, в экономике – академик Шаталин. Я пару дней назад смотрел его интервью по телевидению. Большой человек. Жалко смотреть, полная беспомощность».

Слово за слово... В общем, меня понесло.

– Раиса Максимовна, неужели не понимаете, что вы же докатитесь до румынского варианта. Вы хотите разделить участь Чаушеску?

Не помню деталей дальнейшего разговора. Расстроился. Посмотрел на часы – больше часа проговорил. На дачу уже ехать поздно. А главное – злой на себя: зачем разоткровен-

ничался, наговорил лишнего.

Ну а утром, в субботу, – длинный разговор у В.А. Крючкова. Человек он обстоятельный, разумный, тактичный. Изредка задаст вопрос и внимательно слушает, не перебивает. Я поймал себя на мысли: он хорошо знает содержание вчерашнего разговора, причем в мельчайших деталях. Выходит, записали вчерашний разговор?

Приехал домой. Стал анализировать, размышлять. О том, что сказал, не раскаивался. Но как же так: разговор-то доверительный с Раисой Максимовной, хотя и резкий, особенно о возможности повторить судьбу Чаушеску. В таком случае мог сам Горбачев позвонить и сказать по-товарищески: «Чего это ты болтаешь, Эдуард...» Коротко и ясно. Или же пригласить на обстоятельный разговор.

Так нет же, поручает разговаривать председателю КГБ, прямому моему начальнику. Поручает Крючкову сказать о том, что он очень обеспокоен содержанием разговора. Вот тебе и дружба, наивный человек.

До этого случая я еще верил в нашу дружбу.

* * *

О Горбачеве 90-х годов писать не хочется. Не хочется писать о десятилетии «великого предательства». Но и топтать поверженного не хочется.

Его многие винят в сегодняшних бедах. Но особенно до-

стается Горбачеву на его родине – на Ставрополье. За то, что жестоко обманул их надежды. Не прощают земляки за то, что случилось со страной, в которой родились и живем, за унижения, последовавшие за развалом СССР, за то, что Ставрополье стало прифронтовой зоной.

Не прощают за то, что допустил к государственной политике такую зловещую фигуру XX века, как Александр Яковлев, и таких беспринципных, как Борис Ельцин. У меня иногда возникает мысль, что поссорились Горбачев и Ельцин потому, что оба они по сути (не по форме) одинаковы. Одинаковы в смысле беспринципности. Когда партия и власть были в силе, они верой и правдой служили им и даже производили впечатление прогрессивно мыслящих, энергичных людей. Как только партия, бывшая стержнем власти, ослабела, они первыми и начали ее лягать. Это – по своей сути – лакейская философия и рабская мораль. Пока хозяин силен, раб и лакей ему верны. Лишь только на хозяина обрушились неприятности, тот же верный раб или лакей начинают думать о том, чтобы найти нового, сильного покровителя. Или занять хозяйское место, если обстоятельства этому очень уж способствуют.

* * *

С приходом Горбачева многие ждали ветра перемен. А ветер перемен, по выражению политолога В. Никонова, приоб-

рел шквалистый характер, в итоге разразился тайфун, после которого исчезло государство, где мы жили.

Горбачева любили и любят иностранцы и не любит собственный народ. Нельзя же принимать за народную любовь словоблудие трехсот чествовавших его на юбилее 2 марта 2001 года в самом дорогом, фешенебельном ресторане Москвы.

В интервью «Трибуне» М.С. Горбачев на вопрос, что его больше всего отталкивает в людях, ответил: ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Большого предательства в XX веке, чем совершил Горбачев, история России не знает.

* * *

После написания главы о Горбачеве состоялся телефонный разговор с талантливым белорусским журналистом А. Юдчицом: «А надо ли сегодня писать о Горбачеве в светлых тонах? Ваши дороги разошлись в 1974 году. До этого периода можно, наверное. А потом? Писать о нем хорошо – ручка вываливается, чернила пересыхают».

Я заново перечитал страницы написанного. Нет, я не могу отказаться от своих слов. Иначе будет необъективно, от правды отступать не могу.

Да, я знал двух Горбачевых. В то время, когда начиналось мое узнавание, он был человеком трезвомыслящим, выступающим против лжи, обмана, пьянства, догматизма, коррупции.

ции, культура. Были и клятвы в верности идеям. Сами понимаете, каким. Потом пришло другое. Эти две стороны характера и деятельности Горбачева еще долго будут интересовать исследователей. И очень важно оставить потомкам объективные свидетельства тех, кто знал Горбачева лично.

* * *

В последнее десятилетие о Михаиле Сергеевиче написано много мифов. Он и сам создает эти мифы. Он пишет о том, например, как состоялась его первая встреча с Ю.В. Андроповым в Железноводске в 1969 году, как он ждал в коридоре целых сорок минут, пока его примут.

А ведь я тоже помню ту первую встречу. Она была не тет-а-тет, как пишет Михаил Сергеевич. Дело было по-иному. Тогда на встречу приехали первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС Леонид Николаевич Ефремов (бывший кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, пребывавший на Ставрополье в опале после смещения Н.С. Хрущева), второй секретарь М.С. Горбачев – никому еще не известный деятель, а также ваш покорный слуга – начальник краевого управления госбезопасности, лично отвечавший за жизнь охраняемого лица, коим был Юрий Владимирович во время его пребывания в крае. В санатории «Дубовая роща» нас ждали, а не мы ожидали.

Вопреки утверждениям, которые содержатся в книгах Роя

Медведева и других, ни одна встреча с Юрием Владимировичем в те годы НЕ ПРОХОДИЛА БЕЗ МОЕГО УЧАСТИЯ. (Пока живы свидетели, можно их спросить, через несколько лет спрашивать будет не у кого.) Дело в том, что в то время я пользовался безграничным (без преувеличения) доверием Юрия Владимировича. (Через пять-шесть лет этого доверия поубавилось. Но это иной разговор и по иному поводу.) Горбачев в ту пору таким доверием не пользовался.

Ю.В. Андропов в те годы (1968–1974) доверял моим оценкам личности Горбачева. Они были объективными, т.е. такими, каким был Михаил Сергеевич, а не таким, каким он стал позже.

Почему важно быть беспристрастным свидетелем истории? История делается нами, грешными людьми. По крайней мере, если не делается, то проходит на наших глазах, с нашим участием. В начале жизненной карьеры мои мудрые учителя В.З. Корж, В.З. Хоружая, К.Т. Мазуров учили меня всегда (а не иногда) быть объективным в оценках людей. Не хочу изменять этому правилу.

Что произошло с Горбачевым за последние тридцать лет – от правоверного коммуниста до антикоммуниста? Может, XXI век ответит?

Меня до глубины души возмутило сообщение в газетах о том, что Горбачев в речи на семинаре в Американском университете в Турции в 1999 году сказал: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма...».

Или у меня крыша поехала, или у Горбачева? Я не хотел верить этому. Ждал от него опровержения или подтверждения. Но их не было. Как это понимать? Сказал или не сказал? Были мучительные сомнения, не верилось, что это могло быть. И только в мае 2001 года прочитал в книге Горбачева «Неоконченная история» (3000 экз.): «Все это глупость, очередная фальшивка... Вы прекрасно понимаете, что ничего подобного ни я, ни Раиса Максимовна делать не могли». В данном случае хочу верить этим словам Горбачева.

Дело не в словах, а в делах. Великой державы не стало. Этим все сказано.

Наши (я не сказал, что мои) скромные свидетельства, возможно, в чем-то помогут будущим исследователям истории. Между прочим, за последние десятилетия ко мне ни разу не обратились ни Рой Медведев, ни другие, часто пишущие о Горбачеве. Почему? Не знаю, могу только догадываться. Дорога ко мне всегда открыта.

Было бы неправильно умалчивать о положительном в деятельности Горбачева. Главное – открыл миру Советский Союз не как «империю зла», ввел некоторые демократические нормы.

Горбачев, конечно, не додумался бы дирижировать оркестром в Берлине. Не пописал бы в Америке на колесо самолета. Не проспал бы по пьянке остановку в Шенноне. Вообще, трезвый президент СССР отличался от нетрезвого президента России.

* * *

Итак, об объективности. Какой образ хотим лепить, какими красками будем рисовать? Только черными, белыми или розовыми? Дело не только вкуса, но и совести. В конце XX века получилось то, что получилось. Виноват в этом Горбачев и его высокое окружение.

А мы? Виноваты или невинны? С каким восторгом встретили приход молодого, энергичного и неглупого лидера страны в 1985-м!.. Кажется, с восторгом переборщили. И не упрекаем себя. Виню ли я людей за их восторг? Нет. Ищу им оправдания. Люди верили в наступление лучшей жизни, ждали хороших перемен. Обманулись в ожиданиях. Вернее – их обманули. Жестоко обманули. Кто? Горбачев, Ельцин, члены Политбюро – в первую очередь А.Н. Яковлев и иже с ним. Ответил кто-нибудь за обман народа? Да нет, процветают, недурно устроились в жизни. Посмотрите на дачные поселки «борцов с привилегиями», на их шикарные лимузины. А рабочий, крестьянин, офицер, всю жизнь тянувшие лямку, что получили от «великих демократов»? Получили «мерседесы», счета в швейцарских банках? Или только вачеры Чубайса?

Так надо ли писать о Горбачеве? Надо. Какой краской? Это дело совести и убеждений пишущего. У каждого свое право. Но объективность нужна во всех случаях.

Так как же все-таки писать? Может, как Эрнст Неизвестный подошел к ваянию памятника Н.С. Хрущеву? Одна половина светлая, а вторая – черная?

* * *

P.S. Учитывая, что бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС не читает «Правду», позволю себе процитировать статью в № 4 от 15–16 января 2002 года. Речь идет о планах развала СССР (хронология).

1925 год. Адольф Гитлер в «Майн кампф» цинично провозгласил: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев и белорусов. Нет никаких причин не сделать этого». Как известно, с планом «Барбаросса» шла разработка и плана «Ост», согласно которому после своей победы над СССР фашизм намеревался покрыть Сибирь лагерями типа Освенцим и осуществить на практике массовое истребление советских людей. Примерно за 30 лет намечалось физически уничтожить подавляющую часть населения Советского Союза, в первую очередь – русских как объединительное начало славянских и проживающих с ними рядом других народов. Это были цели расширения жизненного пространства для германской нации. Бредовым замыслом Гитлера не суждено было сбыться – Красная армия разгромила десяти-

миллионную гитлеровскую армию и водрузила Знамя Победы над Берлином. По крайней мере полмира было освобождено от угрозы гитлеровской чумы.

1945 год. Война шла к концу, победоносному для СССР. Директор ЦРУ Аллен Даллес подготовил план развала СССР изнутри. Этот план энергично поддержал Трумэн, 33-й президент США. Ставка делалась на внутреннюю контрреволюцию, на развал страны изнутри, путем идейно-нравственного разложения советского общества, подмены социалистических ценностей фальшивыми западными, разжигания национальной вражды, поощрения коррупции и взяточничества и, самое главное, растления молодежи.

1948 год, август. Появилась секретная директива Совету национальной безопасности США, в которой отмечалось: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России. Наша цель – свержение Советской власти. Наше дело – работать и добиться того, чтобы там, в СССР, свершились внутренние события. Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом и военном отношениях».

1948 год. Комитет начальников штабов США подготовил проект уничтожения СССР под кодовым названием «Дрошпот».

1948 год, апрель. Трумэн утверждает директиву Совета

национальной безопасности № 68, означавшую продолжение плана Даллеса.

«Нам нужно, – говорилось в директиве, – вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, психологической и политической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах».

1959 год. В США появляется документ, конкретизирующий цель американской политики: «США должны стремиться к расчленению советского монстра на 22 государства».

При президенте Р. Рейгане секретными директивами Совета национальной безопасности определялась последовательность акции «окончательного демонтажа СССР». Предусматривалось «произвести фундаментальные изменения советской системы» под видом реализации программы «Расширение демократии и публичной дипломатии». Рейган получил от финансовой элиты «Мандат президенту» и огромные средства на подготовку кадров, создание прозападных партий, движений и органов информации. На эти деньги десятки и сотни молодых и не очень, но перспективных, с точки зрения госдепа, людей стали «повышать квалификацию в области политологии в США». Готовились уже не «агенты влияния», а прямые разрушители СССР. Многие

и сейчас на виду и на слуху.

Конец 80 – начало 90-х годов. Планировалось вместо единой России шесть новых образований: Западная Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, северные образования. Вместо СССР – государства Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, Украина, Молдова и Белоруссия.

1992 год. При Буше (старшем) появился закон «О свободе для России» с программой контроля экономики России. Предусматривалось в 1999 году сворачивание финансовой помощи России, кроме отраслей, в которых заинтересованы США.

1995 год. Президент Клинтон: «Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занимал проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство... За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и многое другое».

Все это делалось при активной помощи Ельцина и его приближенных. Он знал, не мог не знать, о подлинных целях своего «друга Билла» и с помощью своего окружения выполнял все, что предписывал Запад. Клинтон оценил это по достоинству, сообщив начальникам штабов, что «нынешнее руководство страны (России) нас устраивает во всех отношениях». Он также сообщил, что администрация не поспеет на расходы для того, чтобы «не допустить к власти коммунистов» и «обеспечить занятие Ельциным президентства на второй срок, тем самым создать полигон, с которого уже никогда не уйдем...».

И кульминация выступления Клинтона:

«Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

- расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;
- окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;
- установление в республиках, оторвавшихся от России, режимов, нужных нам. Да, мы позволили России быть державой. Но империей будет только одна страна – США».

Вот так откровенно, предельно нагло и цинично прописана судьба нашей страны на ближайшие годы.

Кредо американской политики сформулировал З.Бжезинский: «Новый мировой порядок будет строиться против Рос-

сии, за счет России и на обломках России».

И последнее. После выборов 43-го президента США госсекретарь Колин Пауэлл заявил, что восстановление СССР не входит в стратегические планы США. Россия должна забыть, что у нее есть какие-то интересы в республиках бывшего СССР.

Старые идеи Гитлера теперь обрели американскую упаковку.

Я изложил часть статьи в «Правде» – для размышления не только М. Горбачева. Излишне задавать вопрос: знал или не знал глава СССР эти общеизвестные факты.

В заключение так и хочется сказать: «Оглянись, посмотри, что же ты натворил, Михаил Сергеевич?!».

ВЛАДИМИР ДОЛГИХ

9-го февраля 1943 года. Рота ведет тяжелый бой за ж.-д. станцию Змеевка Орловской области. На наши передовые позиции волной накатываются пикирующие «юнкеры». Взрывы бомб, мин, огонь, дым... Кромешный ад.

Солдаты вжались в мерзлую землю. Кажется, зубами грызли бы землю. Расступись, земля-матушка, заступись, родимая. Бой не утихает. Фашисты ведут шквальный минометный огонь по нашей передовой. Рвутся мины слева, справа – кругом. Замполит роты Владимир Долгих подбадривает солдат: «Держись, ребята...».

Мина разорвалась совсем рядом. Сильный удар. Потерял сознание. Осколком вырвало большой кусок тела.

Ура, раскатистое уррра...а...а... Долгих этого уже не слышал. Атакующие рванули вперед. Политрук роты остался лежать неподвижно, истекая кровью. Вечерело. Пошел сильный снег. Убитых и раненых собирали по всему полю боя.

Нашли его санитары, запорошенного снегом, без сознания, без шапки-ушанки.

«Братцы, да он еще живой, дышит». Укутали в плащ-накидку и – в медсанбат.

Большая брезентовая палатка. Под «потолком» керосиновая лампа. И хирурги в белых халатах.

Сколько пролежал на мерзлой земле – не помнит. Если бы

не могучий молодой организм, то умер бы из-за переохлаждения и потери крови. По всем медицинским канонам – смерть обеспечена. Сибиряк выжил. В эвакогоспиталь санитары тащили «кулем» в одеяле, без шапки. Кто-то снял с убитого шапку-ушанку: «Ему уже не холодно, а ты уши отморозишь».

И пошел солдат по госпитальным койкам. Сначала в эвакогоспиталь в Туле (прифронтовой), затем Нижнем Новгороде, Арзамасе. Но даже в госпитале немцы достали. При авианалете на Горький одна бомба попала в госпиталь, разрушила конюшню.

* * *

В начале 1944 года Владимира Долгих комиссовали. Не годен к строевой службе. На фронт не пустили. Долечился и пошел... в десятый класс. Дело в том, что семнадцатилетний комсорг Иланской школы в 1941 году добровольцем ушел на фронт, не окончив среднюю школу. Воевал в 25 полку 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Отличился в боях под Москвой. Смышленный сибиряк был зам. командира пулеметной роты, не имея офицерского звания, а затем заместителем командира роты ПТР (противотанковых ружей). Фронтовики знают, что это такое – истребитель танков. Знают, что это за «привилегия» – смотреть смерти в лицо. Ротный... Войну выиграла взводные да ротные командиры и

комбаты. Они ближе всего к солдату, ближе всего к смерти.

В 1949 году В. Долгих закончил Иркутский горно-металлургический институт. Работал начальником смены, цеха, главным инженером «Красцветмета».

В июне 1958 года его назначили главным инженером Норильского горно-металлургического комбината. Было ему 33 года. Интересная деталь. Когда Владимир прибыл на комбинат, директор Дроздов тут же улетел в отпуск. То ли это случайность, то ли воспитательный трюк. Выплывет – хорошо. Не выплывет...

Выплыл. Завоевал авторитет в коллективе. Не с первого, конечно, дня (варягов везде не любят). В начале 1962 года стал директором комбината.

* * *

Норильский комбинат – это лучшая пора его жизни, считает В.И. Долгих. Одиннадцать лет вместе с супругой Валентиной Петровной и двумя детьми – за Полярным кругом. В экстремальных условиях – «десять месяцев зима, остальное – лето», как в песне поется. Норильский комбинат для него тот же фронт. Трудностей хватало. Нужны были сильная воля, организаторский талант и железное сибирское здоровье. Итог десятилетнего труда: Норильский комбинат стал флагманом цветной индустрии СССР и предприятием мирового значения.

В 1965 году Владимиру Ивановичу присвоили звание Героя Социалистического Труда за выдающиеся заслуги в развитии производства цветных и драгоценных металлов на Норильском горно-металлургическом комбинате. Заслуженная награда.

* * *

Зимой 1968 года в Норильск прилетел Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Понравился ему и город, и комбинат, и молодой толковый директор. Работают люди без шума, без показухи, обстоятельно.

Хотел забрать Долгих к себе заместителем. По всем статьям тот подходил: металлург, строитель, великолепный организатор, молодой, прошел войну. Но Л.И. Брежнев возразил: «Нет опыта партийной работы».

* * *

В 1969 году состоялся разговор с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым. О той беседе Владимир Иванович вспоминает:

«Надо видеть Л.И. Брежнева не только как немощного человека, перенесшего инсульт в 1976 году, каким он запомнился по кадрам на ТВ и хохмам юмористов-пересмешников.

Надо видеть его и молодым, энергичным, полным сил и энергии.

Помню, как он разговаривал со мной, как в 1969 году агитировал пойти первым секретарем Красноярского крайкома КПСС.

– Леонид Ильич, я технарь, никогда не был на партийной работе. Не работал в партийных аппаратах.

У Брежнева свои доводы:

– А я ведь тоже инженер, и не помышлял о партийной карьере.

Я продолжал сопротивляться. Не хотелось мне покидать дружный коллектив Норильска. Сопротивлялся искренне, не ломался.

Разговор тот длился долго. На часах уже 12 ночи, а Брежнев продолжал:

– Пойми, Владимир Иванович, надо – для дела, для людей. Ты, как никто другой, подходишь для партийного руководителя, хорошо знаешь хозяйство, экономику. Умеешь работать с людьми, и они тебя уважают. За твою доброжелательность, отзывчивость. Мы видим в тебе отличного организатора. А Красноярский край с его минерально-сырьевыми и энергетическими ресурсами – не простая территория. Впереди нелегкая работа, не каждый справится».

* * *

В 1969 году В.И. Долгих избрали первым секретарем Красноярского крайкома КПСС. Край сибирский, огромный. Красноярье – это дом величиной в седьмую часть России. Протягивается от Северного Ледовитого океана до Южных и Западных Саян. Его площадь 2401,6 тыс. кв. км. Если лететь самолетом, то с юга до севера края – 4 тысячи километров, 3,5 миллиона человек населяло регион. Край включает в себя Хакасскую автономную область, теперь Республика Хакасия, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский округа.

В нем выросло много промышленных предприятий, в т. ч. уникальных. Построены крупнейшая в мире ГЭС на Енисее, а также Саяно-Шушенская и Усть-Хантайская ГЭС, Назаровская ГРЭС. Красноярье – важный сельскохозяйственный район Сибири. На протяжении всей территории тайга, лесостепь, тундра, где встречается почти вся таблица Менделеева (железная руда, уголь, руды цветных и редких металлов). Все это дает возможность для развития горнодобывающей, химической, деревообрабатывающей, пищевой промышленности, рыболовства. Река Енисей судоходна. Есть научно-исследовательские институты и вузы. Всего и не перечислишь.

* * *

Нельзя понять стиль работы секретаря ЦК КПСС В.И. Долгих, не поняв природу сибирского характера. Воспользу-

емся услугами интересной книги «Красноярский материк».

* * *

«...Сибиряки отличаются душевными особенностями. они умны, любознательны, предприимчивы» (Екатерина II).

Освоение Сибири – это героизм русского человека.

Многое в жизни меняется, а Сибирь остается Сибирью.

Публицисты XIX века отмечали открытость сибиряка, его раскрепощенность и эмоциональность.

В те времена была популярной такая поговорка: «Упрям, лукав и расчетлив, как сибиряк». Упрямый – значит настойчивый, прямо идущий к цели. Упрямство и лукавство – качества, проявляемые для достижения цели.

Сибиряки – народ человеколюбивый и снисходительный.

Нравственно для сибиряка – радушие, гостеприимство, сострадание. Так писал о сибиряках в 1833 году Иван Пестов.

А вот что писал знаменитый художник и земляк В.И. Суриков: «...В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый. И край-то какой у нас! Сибирь западная – плоская, а за Енисеем у нас уже горы начинаются: к югу – тайга, а к северу – холмы, глинистые – розово-красные. И Красноярск – отсюда имя: про нас говорят «Краснояры – сердцем яры», «...мощные люди были. Сильные духом. Размах во всем был широкий».

* * *

Осень 1942 г. – один из трудных периодов Великой Отечественной войны. Разговор двух офицеров в окопах Сталинграда:

– Тебе-то хорошо, у тебя во взводе аж 18 человек! А у меня всего 10.

– Хорошо-то хорошо, но у тебя из десяти – четверо сибиряков!

– На них у меня вся оборона и держится.

Стойкость, выносливость, храбрость – лучшие качества сибирского характера проявились в обороне Москвы, в боях за Ленинград и Сталинград.

* * *

Любое дело сибиряк выполняет просчитанно, аккуратно, с гарантией успеха. Сибирский характер не приемлет «авось». Не отсюда ли знаменитый стиль работы В.И. Долгих и в Красноярске, и в ЦК КПСС. Не за эти ли качества уважали и уважают люди этого человека?

* * *

В 1972 году В.И. Долгих избрали секретарем ЦК КПСС.

С 1982 г. – кандидат в члены Политбюро.

Авторитет Владимира Ивановича как секретаря ЦК КПСС был очень высоким. Он не приобрел качеств, присущих высокопоставленным бюрократам. Оставался скромным, не проявлял никаких карьеристских замашек. Для него было главным делом – интересы государства. Многим было очевидно, что это достойная замена главе Правительства А.Н. Косыгину. Но возобладали другие мотивы – днепропетровского землячества. Премьером стал Тихонов Н.А. А зря. Страна от этого не выиграла.

* * *

Вторую Звезду Героя ему вручили в 1984 году за освоение новых месторождений нефти и газа Советского Союза. То, что страна вышла в мировые лидеры по добыче газа и нефти, – огромная личная (без преувеличения) заслуга Владимира Ивановича. Он всегда подчеркивает, что заслуга не его одного.

«Огромный вклад в освоение Западно-Сибирской нефтегазовой провинции внесли выдающиеся государственные деятели нашей страны: А.Н. Косыгин, Н.К. Байбаков, В.И. Долгих, Г.П. Богомяков, М.А. Евсеенко, В.И. Игревский, Е.А. Козловский, Е.К. Лигачев, Н.А. Мальцев, С.А. Оруджев, Л.И. Ровнин, А.В. Сидоренко, Р.А. Сумбатов, В.Д. Шашин, Г.И. Шмаль, А.Т. Шмарев, В.С. Черномырдин, Б.Е.

Щербина, А.К. Протазанов, Л.И. Филимонов и многие другие («Российская газета», 7/10/2003 г.).

Сибирь и Урал, Туркмения и Узбекистан, Казахстан, другие регионы – грандиозные стройки не обходились без Долгих. Он мыслил широкомасштабно. Смотрел на многие десятилетия вперед. Думал о будущих поколениях страны.

* * *

Удивительная скромность. Наблюдая его со стороны, кажется, что он никогда не требовал привилегий и вообще не требовал ничего для себя. (Правда, от бани и охоты сибиряк не отказывался.)

Оставался простым и доступным, как солдат, и в то же время вел себя с достоинством. И ничего показного. Достойная простота. Я не слышал, чтобы он повышал голос, и, тем не менее, его слушали и слышали. В. Долгих, как никто другой, понимал необходимость реформ в экономике страны.

Она (экономика) была беременна реформами. Но реформа, как и ребенок, должна созреть. К чему ведет поспешность? Появляются на свет недоноски, уродцы, дебилы. Может быть, сказано цинично, но верно.

Умные люди это понимали и не искали легких путей. Демагоги же от экономики изобретали рецепты шоковых преобразований.

Долгих с его сибирской основательностью не мог позво-

лить легкомысленного подхода к проведению экономических реформ. Его сибирский характер не приемлет знаменитое «авось». Его, секретаря ЦК КПСС, часто приглашали в Совет Министров при обсуждении кардинальных проблем экономики страны. Это раздражало Горбачева, он ревновал Долгих, видел в нем конкурента. «Опять Тихонов зовет Долгих на совещание в Совмин. Вождя хотят из него сделать».

На заседании Политбюро он не занимался критикой других, а высказывал четкие продуманные предложения.

* * *

В сентябре 1988 г. одного из самых профессиональных, эффективно работавших секретарей ЦК – В.И. Долгих, куратора тяжелой промышленности и топливно-энергетического комплекса, отправили на пенсию. В расцвете творческих сил! Опыт и мудрость оказались ненужными! М.С. Горбачев в 1995 г. напишет, что «...не подходил этот человек по своему стилю, по менталитету для нового времени... Да и спроса на него не было». Это на талант не было спроса? Поразительное легкомыслие для лидера страны. А чему удивляться? Он на самом деле не нужен был для разрушителей державы. Он мешал им.

* * *

Я не один раз замечал: умному человеку трудно работать, когда рядом менее умные. Сожрут!!!

* * *

Интересно свидетельство главного помощника Генерального секретаря ЦК КПСС Болдина В.И.: «Будучи на пенсии, Долгих часто приходил в здание ЦК и передавал письма на имя М.С. Горбачева с просьбой разрешить ему заниматься какой-нибудь работой, дать ему дело. «Ишь ты, чего захотел. Пусть отдыхает», – в ответ».

* * *

Еще один, может быть, не лишний штрих к портрету.

1968 год. Директор Норильского комбината возвращается из командировки в Москву. Нелетная погода. Самолет застрял на двое суток в Амдерме. Переговорили с собеседником обо всем, в том числе и о вводе войск в Чехословакию. Долгих: «Еще неизвестно, что из этого получится».

1979, декабрь. Секретарь ЦК КПСС Долгих В.И. вступление советских войск в Афганистан назвал политической и военной ошибкой.

* * *

В семидесятилетний юбилей (1994 г.) Владимиру Ивановичу пришло много теплых поздравлений от друзей, товарищей, от норильчан. Только не вспомнили о нем ни в Кремле, ни в Белом доме.

* * *

Может, и не стоит писать об этом эпизоде. О нем уже рассказал в своей книге Б.Н. Ельцин.

При обсуждении на заседании Политбюро предложения об утверждении Ельцина секретарем ЦК КПСС Долгих В.И. высказался против, ссылаясь на его недостатки и болезнь. Ельцина при обсуждении не было. Когда ему пересказали смысл выступления Владимира Ивановича, он подошел к нему, по его словам, «не для того, чтобы выяснять отношения, а просто хотелось услышать его мнение не в пересказе, да важно было и самому разобраться в своих ошибках, все-таки я только начинал работу в ЦК».

Каково же было удивление Б.Н., когда его собеседник, глядя ему в глаза, спокойно подтвердил то, что говорил на Политбюро и посоветовал свои эмоции, свою натуру сдерживать. «Как ни странно, этот не слишком приятный для меня эпизод не отдалил нас, а, наоборот, сблизил. Появился особый человеческий контакт, доверительность – вещи совершенно дефицитные в стенах здания ЦК КПСС».

Страной сегодня «правят не талант лучших, а воровские

способности худших» (А. Кива). Можно ли поставить в один ряд вождей так называемой демократии и фронтовиков: В. Долгих, К. Мазурова, Н. Машерова, В. Щербицкого. Ни у кого язык не повернется назвать их взяточниками, коррупционерами. Это были люди чести.

* * *

В настоящее время В.И. Долгих возглавляет Московский городской Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Это два миллиона пятьсот тысяч ветеранов.

Забот у председателя Совета, если сказать немало, то ничего не сказать. И работает он, как и в былые годы, не считаясь со временем. Так же бодр, подтянут, организован. Поражает ясность ума и трезвая оценка жизни. Стареть ему некогда.

Грудь украшают две Звезды Героя Социалистического Труда, 2 ордена Отечественной войны I степени и 6 орденов Ленина. Все награды добыты кровью и трудом.

* * *

Он выполнил свой последний долг солдата. По его инициативе на 42 километре Волоколамского шоссе создан «Мемориал сибирякам». Это память героизму советского солда-

та. Это символ мужества. Поклонитесь сибиряку, воину и труженику. Он того заслуживает.

МИХАИЛ ЗИМЯТИН

Люди, знавшие Михаила Васильевича Зимянина лично, говорят о нем по-разному. Одни – с восхищением, другие – сдержанно и осторожно, третьи не скрывают своих негативных эмоций. Порой удивляешься, что все это говорится об одном и том же человеке. Однако бесспорно одно: это была личность крупного масштаба. Зимянин прочно вписан в новейшую историю Беларуси.

* * *

До войны Зимянина я не знал. Но слышал о нем. Говорили – толковый секретарь ЦК комсомола.

В конце января 1943 года подполковник Зимянин прибыл в тыл врага. Человек подвижный, необычайно энергичный, целеустремленный, он всех заражал своим энтузиазмом. Его обаяние, широкий политический кругозор, талант организатора, смелость и выдержка в сложной обстановке снискали ему уважение среди партизан.

В конце февраля 1943 года Пинское партизанское соединение вело тяжелые бои с превосходящими силами оккупантов. На нас бросили сорокатысячную группировку войск, танки, авиацию. Немцы окружили партизан...

После нескольких дней упорных боев отряды стали от-

ходить на запад, в Логишинский и Телеханский районы. А три роты отряда «Комарова» (В.З. Коржа) оказались за кольцом окружения. Корж приказал командовать «отколовшимся» отрядом Николаю Баранову, а я стал комиссаром. Пришлось нам выходить в Любанскую партизанскую зону. Это был трудный переход. Мы везли на санях и несли на себе своих раненых. Их предстояло самолетом отправить на Большую землю. Люди измучились до предела.

В штабе Минского партизанского соединения Р.Н. Мацульский и И.А. Бельский отдали приказ: нашему отряду временно перейти в их подчинение. Через сутки приказали атаковать крупный гарнизон в Постолах. Капитан Николай Баранов ответил:

– Есть разгромить гарнизон противника.

Я как комиссар отряда возразил: приказ выполнять нельзя. Погубим людей. У партизан по сотне патронов на винтовку, по два диска на РПД. Это на полчаса боя. А наступать придется по чистому снегу. Надо подкрепить нас патронами, гранатами, дать время на разведку и подготовку к бою. В общем, по своему комиссарскому праву я «тормознул» приказ командира отряда.

Сразу же вызвали в штаб соединения: почему не выполняете приказ? Я объяснил.

– Вы не наши, вы пинские, боеприпасов не дадим.

Завязалась словесная перепалка.

Бельский:

– Вы трусы. Расстреляем за трусость.

– Это кто трус, я? – И за автомат.

Мы с 1941-го знали цену каждому, кто трус, а кто нет.

Выражения мои были, разумеется, непечатные.

Зимянин был около хаты и слушал всю эту перепалку. Ворвался разъяренный:

– Как разговариваешь со старшими, мальчишка! Стать смирно!

Я подтянулся, насупился, молчу.

– Как смеешь возражать в таком тоне заместителю командира соединения?

– А как он смеет называть нас трусами? Мы вырвались из пекла, у нас обоз с ранеными. Патроны на исходе, а он посылает на штурм гарнизона. Не поведем людей на верную гибель. Можете меня расстрелять, но я свой приказ не отменю. И если уж на то пошло, то у нас свой командир соединения. Юзику (Бельскому) не подчинюсь.

Зимянину был в диковинку такой партизанский разговор. Он не знал наших взаимоотношений, но интуитивно понял: тут что-то не так. И посоветовал минчанам их приказ отменить.

Правда, вызвали начальника штаба соединения Григория Гнусова и предложили написать приказ об объявлении выговоров Баранову и мне.

– Мне выговор – ладно. А за что командиру отряда? Он знает, что приказ не может выполняться, если возражает ко-

миссар.

Не знаю, был подписан такой приказ или нет. Зимянин, Мачульский и Бельский все годы после войны об этом не вспоминали. Думаю, что обошлось шумом. Да и Гнусов при встречах не напоминал об этом инциденте.

* * *

И еще раз досталось мне от Зимянина. А дело было так.

После освобождения Пинской области работал я первым секретарем горкома комсомола. В штате горкома – шесть девчат. Организуем субботники, помогаем восстанавливать школы, предприятия. Обычная работа.

В начале сентября 1944 года часов в десять вечера раздался телефонный звонок от начальника штаба соединения Н.С. Федотова:

– Лошадь, седло есть? Седлай, бери автомат и гранаты – и срочно к штабу.

Прибыл в штаб, доложил. Мне кратко объяснили обстановку: крупная банда бандеровцев подходит из Ровенской области с целью захватить наш областной центр. В Пинске сил мало: горстка моряков, несколько десятков милиционеров и неполный партизанский эскадрон при штабе соединения. Вот и все воинство. Задача – упредить и уничтожить банду на дальних подступах к Пинску. Учитывая, что я хорошо знал Пинский район, мне и пришлось ее выполнять.

За ночь мы выдвинулись километров на двадцать в заречную часть района. Бандиты от боя уклонялись. Только изда- лека конные разведчики постреляют и уходят. И так сутки, вторые.

На третьи сутки появился на «виллисе» начальник УН-КВД полковник Уткин. Интеллигентный такой человек, пенсне на носу, но матом меня покрыл отборным:

– Третьи сутки тебя ищут! Быстро в машину – и в Пинск.

Оказывается, в область прибыл второй секретарь ЦК ЛКСМБ К.Т. Мазуров. На второй день попросил, чтобы пришел секретарь горкома комсомола и доложил о делах. А секретаря-то в городе нет. Может быть, загулял по молодости парень.

К.Т. Мазуров:

– Как же так, секретаря два дня нет?

Справились в военной комендатуре – убийств не было. А тогда еще частенько постреливали в офицеров и активистов. Только на третий день кто-то догадался, что я с конным отрядом гоняюсь за бандитами. И послали за мной полковника Уткина.

Потом на пленуме ЦК ЛКСМБ Михаил Зимянин выдал мне по полной программе:

– До каких пор секретари райкомов и горкомов будут партизанить? Один закрыл на ключ горком и три дня гоняется за бандой. Другой выпил, учинил дебош в райцентре, открыл стрельбу из автомата (в Могилевской области). Не понима-

ют некоторые, что война для них закончилась. Создавать и укреплять надо первичные комсомольские организации, хозяйство восстанавливать, а они еще партизанят...

Молодость, лихая бесшабашная молодость... Сейчас вспоминаешь, какими мы были, и улыбаешься... Но от работы в комсомоле освободили, повысили, назначили помощником секретаря горкома партии.

* * *

В 70-е годы работал я уже на Северном Кавказе. Приехал в Москву в командировку. Позвонил вечером Михаилу Васильевичу Зимянину – главному редактору «Правды».

– Ты надолго в Москву?

– На два-три дня.

– Приезжай в «Правду», в 22.00.

Поздновато, но поехал. Принял меня Зимянин тепло. Сразу чай заказал.

– Садись, смотри, как делается газета.

Около полуночи звонок по правительственному телефону. Зимянин говорит как-то нервно, но твердо:

– Не могу, Николай Викторович. Звоните сами в ЦК партии. Я этого не сделаю.

После телефонного разговора главный редактор «Правды» в сердцах бросил:

– Надо же, не унимаются даже ночью.

– А что такое, Михаил Васильевич?

– Подгорный (тогда председатель Президиума Верховного Совета СССР) требует, чтобы в отчете о его встрече с избирателями написали «Президент СССР Подгорный». Два раза за вечер объяснял его помощникам, что нет такой должности в СССР, в Конституции нет. Видишь, сам позвонил...

Затем Зимянин подумал и позвонил Сулову. Объяснил тому суть звонка, получил соответствующий совет и продолжил работу над очередным номером «Правды».

* * *

У Зимянина была феноменальная память, цепкий взгляд. Перед ним за многие годы прошли сотни людей. Но и через год, и через пять, и через десять лет он мог по памяти восстановить все анкетные данные человека, если эта анкета когда-то уже лежала у него на столе.

Ему достаточно было в течение пяти минут просмотреть газетную страницу, и он уже мог обсуждать все, о чем там говорилось.

* * *

В 1953 году с должности второго секретаря ЦК КПБ М.В. Зимянин был направлен на работу в МИД СССР. А происходило все так.

В июне 1953 года ЦК КПСС рекомендовал Михаила Васильевича на должность первого секретаря ЦК КПБ. Перед этим он был на беседе у Хрущева, Молотова, Маленкова и Берии. При аресте Берии в его записной книжке среди прочих обнаружили запись: «Патоличева снять, Зимянина назначить». Эту запись Михаилу Васильевичу долго помнили.

Между тем пленум ЦК КПБ поддержал Патоличева и не освободил его от должности первого секретаря. Это был небывалый, неслыханный случай. Минск не подчинился...

К Зимянину пленум отнесся уважительно, утвердив его председателем Совета Министров.

Зимянин тогда как-то тихо исчез из Беларуси. Уехал работать в МИД. Заведовал отделом, был членом коллегии МИДа, послом во Вьетнаме, Чехословакии, заместителем министра иностранных дел СССР.

Хорошо зарекомендовал себя М.В. Зимянин на посту главного редактора «Правды».

В 1976 году на XXV съезде КПСС его избрали секретарем ЦК КПСС. В этом качестве он приезжал на похороны Петра Мироновича Машерова.

Талантливый был человек, со сложным характером и непростой судьбой. Богатств не накопил. В последние годы жил на нищенскую пенсию...

Простого витебского паренька советская власть подняла на очень большую высоту. Пролетел он над землей, словно яркая комета...

Михаил Зимянин был человеком своего времени, но не маленьким «винтиком» той системы, а, скорее всего, одним из ее рычагов, поскольку занимал должности крупные, от сказанного им «да» или «нет» зависело очень многое.

Михаил Зимянин служил Отечеству, как мог.

Михаил Зимянин сделал для Отечества, сколько мог.

ГЕНЕРАЛ КОРЖ

Родился Василий Захарович Корж 1 января 1899 года в деревне Хоростово Солигорского района в трудолюбивой полешуцкой семье. Он был выдающимся и легендарным партизаном XX века. В двадцатые годы партизанил на территории Западной Белоруссии, не давал покоя польским оккупантам. В тридцатые воевал в Испании, помогал республиканцам. В сороковые снова партизанил на Полесье, защищал свой родной край от немцев. Его псевдоним – Комаров.

* * *

На рассвете 22 июня 1941 года Василия Захаровича Коржа вызвали в Пинский обком партии. Первый секретарь обкома Авксентий Малахович Минченко и второй секретарь Петр Гапеевич Шаповалов были уже там.

– Василь, немцы бомбили аэродром в Жабчицах (девять километров от Пинска), связи с Брестом и Минском нет. Наверное, это провокация.

– Нет, товарищи, это война. Разрешите мне подбирать людей в партизанский отряд.

– Не поднимай паники, Василь Захарович. Красная армия даст отпор на Буге, какие еще партизаны. Воевать будем на чужой территории.

– Ну что ж, я буду водить отряд за линию фронта, за Буг, под Варшаву. Те места я знаю.

Так ему думалось в первые часы войны.

* * *

Поздно вечером 22 июня работники райвоенкомата привезли винтовки, патроны, гранаты. Я получил винтовку выпуска 1896 года, 90 патронов, гранату.

В первую неделю войны в Пинске несколько раз поднималась паника. 26 июня взорвали склад бомб и артиллерийских снарядов. Это усилило панику. В беспорядке стали уходить на Лунинец. В Городищах погрузились на пустые платформы. На станции Ловча эшелон остановили...

Корж вместе с комендантом железнодорожного участка – старшим лейтенантом (фамилии не знаю) – и секретарем горкома И. Гимельштейном стали подбирать добровольцев для возвращения в Пинск. Платформы обложили шпалами – получился «бронепоезд». Уходило нас из Пинска много, а добровольцев набралось человек 30–40. К вечеру прибыли в Пинск. Корж организовал охрану железнодорожной станции, типографии, почты, обкома. Вскоре вернулись в город секретари обкома, горкома, работники облисполкома.

28 июня 1941 года отряд подняли по тревоге и на двух автомашинах выдвинули к Рябому мосту на тракте Логишин – Пинск.

Укрылись в засаде.

И вот на дороге появились три легких танка, как потом выяснилось – разведвзвод 293-й немецкой дивизии.

Инструктор райкома партии Салохин связкой гранат подбил первый танк. Партизаны открыли огонь из винтовок. Два танка задымили и повернули обратно. Взяли первых пленных, планшет с картой, трофеи.

В этом бою взяли мы в плен немецкого обер-лейтенанта. Холеный такой с виду, породистый. А как открыл рот, так и понес. Возмущается:

– Кто такие? Почему цивилильные люди задерживают меня? Приказываю немедленно доставить меня к военным властям!

Отвезли пленного в Пинск, сдали в советскую военную комендатуру.

В числе трофеев был добротный блокнот, в котором Корж вел записи с 4 июля 1941 по ноябрь 1942 года. Это был даже не блокнот, а солидная книжка для деловых записей, говоря современным языком, в кожаном переплете, с застежкой, снабженной небольшим замочком и даже ключиком. На внутренней стороне обложки подарившая его немецкая девушка сделала посвящение своему парню, но сам тот не успел сделать ни одной записи. В.З.Корж на первой страничке переписал слова песни «На закате ходит парень...», которая ему очень нравилась, а дальше фиксировал уже свои впечатления и соображения. Был взят и бельгийский автомат

калибра девять миллиметров, с которым Василий Захарович не расставался до освобождения Белоруссии.

В истории Великой Отечественной войны этот бой зафиксирован как первый партизанский бой. А второй состоялся 4 июля у деревни Галево... Немецкий эскадрон потерял тогда 20 человек.

Партизанские бои – конечно, не фронтовые сражения. Но увидеть спины удиравших немцев в первые недели войны – много значило для морального духа партизан. Потом были десятки боев, разгром крупных и мелких вражеских гарнизонов, пущенные под откос эшелоны. Все это было потом...

* * *

1941 год был самым трудным для партизан. В Белоруссии в июле – августе было создано более 200 отрядов, к ноябрю их осталось немного. Опыта не было. Многие партизаны погибли в боях, другие ушли вслед за фронтом или к друзьям, родственникам, в подполье, с тем чтобы, перезимовав, весной снова уйти в леса.

Из нашего отряда в 60 человек, вышедшего из Пинска, к осени осталась половина. Первая группа – Березин, Ласута и другие – ушла в конце июля. Вторая группа во главе с Ф. Положенцевым – в октябре. Но на смену им приходили другие люди. В ноябре 1941 года отряд насчитывал около 80 человек, а зимой – в феврале – уже более 200.

Отряд «Комарова» (Коржа) продолжал сражаться. Тактика партизан в первые месяцы войны состояла в том, чтобы внезапно нападать на одиночные автомашины, мотоциклистов, небольшие гарнизоны. Уничтожали линии связи, разрушали мосты. Василий Захарович действовал внезапно, дерзко, стремительно. Он был непревзойденным мастером скоротечного партизанского боя. Ближний бой – он трудный самый... Уже в первые месяцы войны оккупанты почувствовали, что покоя им не будет.

* * *

Из записок солдата вермахта Эриха Мирека

«22 июня 1941 года 293-я пехотная дивизия вермахта, в составе которой я находился, переправилась через Буг в районе Бреста и двинулась на Пинск.

Я был автослесарем в небольшой ремонтно-восстановительной команде, расквартированной в Пинске.

С первого же месяца войны белорусские партизаны дали о себе знать. По шоссе спокойно не проедешь – эту истину офицер штаба дивизии Кальбфель, наш шеф, уяснил быстро. И если в первые дни вторжения его «мерседес» возглавлял колонну, то теперь он твердо держался в ее хвосте».

* * *

В начале сентября 1941 года в карательной операции против партизан в районе Пинских болот участвовали два полка 1-й кавалерийской дивизии, моторизованная и артиллерийские части 162-й и 225-й пехотных дивизий и корабли речной флотилии.

Партизаны отчаянно сражались. Многие погибли, в т.ч. секретарь Пинского подпольного обкома партии П.Г. Шаповалов. Крупный отряд пинских и полесских партизан перестал существовать. Причина трагедии: отсутствие опытного командира, владевшего партизанской тактикой, и необдуманное сосредоточение больших партизанских сил в одном месте, что давало фашистам возможность использовать свое преимущество в живой силе и технике. Партизаны не могли противостоять регулярным войскам вермахта. Корж это понимал и действовал не по шаблону.

* * *

Пинский отряд сохранил свою боеспособность только благодаря большому опыту Василия Захаровича. В двадцатые годы он партизанил под началом К.П. Орловского, легендарного Мухи-Михальского. Иногда он рассказывал отдельные эпизоды. О том, например, как они остановили поезд около Лунинца, обезоружили жандармов, а воеводу Довнаровича публично высекли розгами за издевательство над крестьянами.

В 1941 году отряду не хватало оружия, особенно автоматов и ручных пулеметов. В обрез было патронов и гранат.

В.З.Корж в августе – сентябре 1941 года несколько раз отправлялся в сопровождении двух-трех партизан искать старые базы «НЗ» в глухих лесах вдоль старой советско-польской границы по реке Случь. Все они были уничтожены. Военная доктрина в предвоенные годы была такова: воевать будем на территории противника. И вообще, молниеносно разгромим врага, зачем партизанские базы.

Еще с 1932 по 1936 год Корж возглавлял т.н. партизанское направление в Слуцком окружном отделе НКВД. Кроме подбора и подготовки будущих партизан это «направление» закладывало базы «НЗ» на случай войны.

Только в Белорусском военном округе, которым командовал Иероним Петрович Уборевич, было заложено в тайники десятки тысяч винтовок, тысячи пулеметов и боекомплекты к ним. В тайники закладывались запасы продовольствия и обмундирования.

После расстрела Уборевича все это попало под ликвидацию. Пострадали и кадры подготовленных партизанских командиров. Корж, Орловский, Ваупшасов вернулись из Испании с орденами, а впоследствии стали Героями Советского Союза. Они были подготовлены к партизанской войне. Другим же командирам пришлось учиться в ходе войны.

Василий Захарович личным примером обучал нас, молодых, неопытных ребят, премудростям партизанской жизни. Предупреждал: мы воюем за народ. Никогда не обижайте мужика. Попроси кусок хлеба, но никогда не бери силой. Обидишь мужика – конец твоей партизанской войне. Под землей найдет обидчика...

Крестьяне делились с партизанами последним куском хлеба.

Летом 1941 года мы даже платили деньги за продукты, расписки писали. Например: «У гражданина Добролета для нужд Красной армии изъят поросенок весом примерно 60 килограммов. Стоимость подлежит возмещению после войны. Комаров». Верилось в скорую победу, через несколько месяцев. ...Была ли послевоенная компенсация? В 1945–1946 годах многим крестьянам Ленинского и других районов отдали трофейный скот, который гнали из Германии. Ну а так, война списала...

Никаких поблажек себе Василий Захарович не позволял. Когда отряд был небольшой, командир в порядке очереди стоял на посту, таскал валежник для костра, ел из общего котла. Никаких привилегий! А в бою первым поднимался в атаку.

Корж был беспощаден в случаях самоуправства и мародерства. Помню, как он зимой 1942–1943 годов расстрелял перед строем старшего лейтенанта за то, что тот разорил

ульи на пасеке крестьянина. Жестоко? Видимо, да. Но в тех условиях требовались и особые меры, которые бы не позволяли распускаться.

В партизанских зонах Корж ввел партизанские комендантуры, которые обеспечивали порядок в деревнях. Без их разрешения партизаны не имели права заготавливать продукты, брать лошадей и т.д. Он ссорился с командирами других отрядов, которые приходили на Пинщину из иных мест, если они нарушали установившийся порядок взаимоотношений с населением. К нему, как представителю советской власти в тылу врага, шел народ с жалобами.

* * *

Кстати, для тех, кто в наши дни пытается называть партизан бандитами, приведу одну справку, свидетельствующую о том, что они не оригинальны. Еще 25 августа 1942 года Гитлер издал директиву, запрещающую употреблять термин «партизаны», «партизанский отряд», повелевалось называть их «бандитами», «бандитскими шайками».

* * *

20 ноября 1941 года после трудного боя отряд вынужден был оставить хорошо оборудованные землянки у д. Сквашин и отходить на Любанщину. Оторвавшись от преследования,

остановились вначале в бараках на реке Оресса, а затем в Нежине и Загалье. Узнали, что на острове Зыслав находится группа Минского подпольного обкома партии: В. Козлов, Р. Мачульский, А. Бондарь, И. Бельский. Они очень бедствовали...

Корж снарядил несколько санных упряжек и в сопровождении Герасима Гальчени вывез обком в расположение отряда в д. Загалье. У Бондаря после ранения не заживала нога, а Козлов болел. Ни врача, ни фельдшера в отряде не было. Лечить пришлось мне. Только в марте появился в отряде фельдшер.

Корж спас Минский подпольный обком КПБ. Что было бы с ними, если бы Василий Захарович не вывез их в расположение отряда? Выжили бы они до весны на Зыславе?

В первую партизанскую зиму несколько отрядов: «Комарова», Н. Розова, А. Далидовича, А. Патрина, Г. Столярова под общим командованием Коржа совершили рейд по Любанскому, Старобинскому, Стародорожскому, Житковичскому, Ганцевичскому, Краснослободскому и Ленинскому районам. Его значение для развертывания партизанского движения было очень большим: представьте себе, немцы под Москвой, а несколько сотен партизан на лошадях прошли по глубокому тылу врага. Немцы были в панике, а население радовалось «приходу наших».

После возвращения из рейда на Любанщину между Коржом и Козловым произошла размолвка. Василий Иванович

решил подчинить себе Василия Захаровича. Но не тут-то было. «Я тебя спас, а теперь ты мною командовать собрался?» – сразу обозначил Корж намерения Козлова.

И увел отряд на родную Пинщину.

Позже это было преподнесено Центру как неподчинение Минскому обкому партии, проявление анархии. И не прощали Коржу долго. Звание Героя Советского Союза ему присвоили позже других, только в 1944 году, уже после освобождения Белоруссии от оккупантов.

Корж говорил всегда немного, но зато правду. Это прибавляло ему друзей. Прибавляло и недругов.

Личная неприязнь между Коржом и Козловым продолжалась, к сожалению, и после войны...

* * *

Василий Захарович вел дневник с 4 июля 1941 года... Краткие записи – одна, две, три строчки. Очень скудные записи. Но одна есть попространнее. Не могу не привести ее полностью, сохраняя орфографию.

«7.IX.41. С утра были в двух деревнях: д. Милевичи и д. Залючицы... Какую жуть наводят эти деревни, ни в одном доме не найдешь мужчину. Только ребятки и женщины. Когда спросишь, где папа или где муж – получаешь один ответ: папу или мужа давно забрали... Спросишь: за что? Тот же получаешь один ответ: не знаю, за

что, он не виноват. Просто злые люди наговорили, а товарищи не разобрались и взяли. И я пришел к убеждению, что столько противников советской власти не было и не могло быть. А иначе она бы не удержалась и не имела бы таких успехов, какие имела...

Это действительно «шпиономания»... Всякому дураку дают решать судьбу человека. Этот дурак, воображая больше, чем соображая, не жалея народ и не соображая, что противопоставляет народ советской власти, подписывает протокол допроса – и решается судьба целого семейства, то есть обвиняемый идет в тюрьму, на высылку или к уничтожению, а вся семья, зная, что он не виноват, враждует и не доверяет советской власти. Но между прочим знает, что нет лучше власти для трудящегося, как советская. А почему так делается, он не разберет.

Вот этот прохвост, горе-руководитель, негодяй, подхалим, гонясь за дешевым авторитетом, желающий сострять больше дел и «найти больше врагов», решает судьбу человека. А другая сволочь, сидя где-нибудь в центральном аппарате, утверждает эту бездушную бумажку, и судьба человека решена. Попробовали бы они завоевать советскую власть, поработать действительно с народом в тылу противника, чтобы он узнал, что такое советская власть и кто ее опора, и как жалеть надо свой народ – этот ценнейший капитал. Я записал

свои соображения и соображения народа в отряде, поскольку все откровенничают.

Другой пример, который подтверждает мною написанное. Это мой разговор 2. IX. 41 в бывшей Польше (по другую сторону р. Случь, бывшей государственной границы. – Э.Н.Б. Отряд дневал на хуторе, потому что был сильный дождь. Холод, кушать нечего. На этом хуторе был старик восьмидесяти лет и его уже пожилые два сына. Они нас кормили, конечно, лишь только потому, что мы были вооружены.

И вот я спросил старика: как живет, дедушка? Эй, говорит, детки, плохо. При польской власти еще кое-как жили, а при этих большевиках жизни никакой нет. Вот был я за рекой у своих. Там же, говорит, не осталось ни одного мужчины около границы. Всех побили (арестовали, выселили. – Э.Н.Б. Разве это власть? Так робит сейчас Гитлер, убивает, расстреливает людей за ничто. Это, говорит, не власть, если она уничтожает ни за что своих людей».

Пусть извинит читатель за малограмотность записи. Но за ней – крик души, боль сердца. Потрясающие строки по своей глубине и откровенности. Я сравниваю их с рассуждениями Ю.В. Андропова в 1967 году по поводу попытки ввести личные лицевые счета оперативным работникам КГБ. Я отдаю должное и В.З.Коржу, и Ю.В. Андропову, которые в разное время, в разных условиях мыслили на сей счет примерно

Одинаково.

И еще хочу обратить внимание читателя на одну фразу в дневнике: «народ в отряде откровенничает».

Сентябрь – октябрь 1941 года, немец ведет бои под Москвой. Мы в глубоком тылу врага. У костра идут неспешные разговоры о послевоенной жизни. Рассуждают молодые партизаны: «Когда война кончится, наемся от пуза хлеба, сала, борща». У тех, кто постарше да еще городской житель, запросы иные: «Пойду в ресторан, закажу отбивную, ростбиф, пивка, водочки графинчик, салатика всякие там... Поеду в санаторий».

Но разговоры велись не только о еде. Говорили и о том, как будем строить жизнь после войны. Единодушны были в том, что очистим жизнь от бюрократов, подхалимов и прочей нечисти. А Корж слушал, слушал да и сказал: «После войны – это как половодье весной. Талая вода поднимет весь мусор. Пожалуй, мусор будет плавать наверху, а вот все ценное, как золото, окажется на дне».

Далеко смотрел Василий Захарович. После войны на поверхность, к власти, рванули кое-где откровенные карьеристы, а такие, как Корж, остались на обочине... А ведь они – пахари жизни.

* * *

Мне эти разговоры запомнились навсегда. И, наверное,

не случайно, начиная работу в органах госбезопасности, рассматривая тысячи дел по реабилитации осужденных в 1937–1938 годах, бережно относился к судьбе каждого человека. Когда стал руководителем областного, краевого, республиканского масштаба, строжайше следил за соблюдением законности. И в Минске, и в Ставрополе, и в Узбекистане, и в Москве удалось уберечь от тюрьмы многих людей. Школа Коржа сказывалась, запала в душу его наука на всю жизнь.

Жаль, что демократы не оценили по достоинству благородный труд чекистов. Правда, академик Андрей Сахаров с трибуны съезда народных депутатов говорил, что единственными некоррупцированными в СССР были органы государственной безопасности, хотя он имел основания обижаться на них. Спасибо ему за честную оценку.

* * *

Весна 1944 года. Идут тяжелые бои партизанских бригад имени Буденного, имени Кирова, имени Ленина с регулярными немецкими фронтовыми частями. Это уже не бои 1941 года. Начальник штаба Пинского соединения Н. Федотов обращается к Коржу:

– Василий Захарович, подпишите шифротелеграммы в Москву, в БШПД (Белорусский штаб партизанского движения).

– Времени нет. Бои идут. А что у тебя в телеграммах?

– Сообщаем об успехах.

– Николай, об успехах напишут после войны другие. Наше дело не писать, а воевать. Хорошо воюем, Николай?

– Да, Василий Захарович.

– Вот это и есть главное. А писать? Пусть другие пишут.

Возможно, поэтому в архивах так мало материалов о пинских партизанах.

* * *

В Пинском соединении в 1944 году было семь бригад: имени Буденного, имени Молотова, имени Ленина, имени Кирова, имени Куйбышева, «Советская Белоруссия», Пинская и отдельные партизанские отряды. За три года (1119 дней и ночей в тылу врага) пинские партизаны уничтожили 26616 фашистов, разгромили более 60 крупных немецко-полицейских гарнизонов, уничтожили 5 железнодорожных станций и 10 находившихся на них эшелонов с боевой техникой и боеприпасами. Пустили под откос 468 эшелонов с живой силой и техникой врага, обстреляли 219 воинских эшелонов и взорвали 23116 рельсов. В результате диверсий было уничтожено 695 паровозов, 4587 вагонов и платформ, 65 цистерн, 770 автомобилей, 86 танков и бронемашин, 29 орудий, 519 километров линий связи. Взорваны также 62 железнодорожных моста, два депо, 985 мостов на шоссе и грунтовых дорогах.

Сколько понадобилось бы фронтовых сил: пехоты, танков, орудий, самолетов, чтобы получить такие результаты?

Важно и то, как влияли партизаны на моральный дух солдат вермахта.

Несколько лет назад я мирно беседовал за кружкой пива с бывшим гитлеровским солдатом, который сражался против нас. «Это был какой-то ужас, – признавался он. – Когда мне снятся белорусские партизаны, я просыпаюсь в холодном поту».

* * *

Незадолго до кончины П.К. Пономаренко я навестил его в больнице. Выбрал момент и спросил:

– Скажите, Пантелеймон Кондратьевич, почему в Центре к Коржу относились несправедливо?

– Если бы ты почитал, что писали в шифровках о Корже известные тебе товарищи... Не подчиняется партийным органам. Выставляли чуть ли не анархистом, этаким белорусским батькой Махно. Моя вина – поверил... Понадобилось время, чтобы разобраться, кто же такой Корж на самом деле. Он был законопослушным, но на шею садиться никому не позволял. Очень сожалею, что поздно разобрался.

Наконец-то я понял причины несправедливого отношения к любимому командиру. Не исключено, что могли учитывать и другое: Корж по возвращении из Испании был аре-

стован и несколько месяцев в 1938 году провел в тюрьме. Тогда разобрались, вернули ордена Красного Знамени и Красной Звезды, отправили в санаторий, а затем назначили директором зерносовхоза в Кропоткинском районе на Кубани. В войну, наверное, некогда было искать справки в архивах и уточнять, что да как.

* * *

Последний свой подвиг, трудовой, Василий Захарович совершил в 1953 году. Будучи заместителем министра лесного хозяйства, он написал заявление в ЦК КПБ с просьбой направить его работать на село. И возглавил в родных местах колхоз с прекрасным названием «Партизанский край».

Теперь полное название хозяйства звучит так: колхоз «Партизанский край» имени Василия Захаровича Коржа. Именем Коржа названы улицы в Давид-Городке, Сталине, Лунинце, Солигорске, Пинске, Минске, школа в Пинске. На родине Коржа – в д. Хоростово ему поставлен памятник. Василий Захарович – поистине национальный герой.

* * *

Это уже навсегда записано в историю...

Первый партизанский отряд на территории Белоруссии в Великую Отечественную войну создал В.З. Корж.

Первый партизанский выстрел в ту войну сделали партизаны Коржа 28 июня 1941 года.

АЛЕКСЕЙ КОСЫГИН

Это известно всем: Косыгин был выдвиженцем Сталина. Как Устинов, Громыко, Жуков и многие другие. Выдвигались люди знающие, надежные, на которых можно было положиться в трудный час. Мы практически ничего не знали об этих людях. Мы знали только их официальные биографии. И все-таки в народе складывалось вполне определенное отношение к ним. Разве не помните? Сулова, например, недолюбливали. А вот к Косыгину отношение было теплое, о нем говорили с откровенной симпатией. Теперь, когда мы узнали о бывших вождях почти все, подтвердилась извечная истина: народ всегда прав. Прав был народ в своем теплом отношении к Косыгину.

«Если бы меня попросили выделить что-то главное, определяющее в личности Алексея Николаевича Косыгина, я бы сказал: цельность натуры. Он всегда был самым собой, серьезным, внутренне собранным, с обостренным чувством ответственности за свои решения и действия, требовательным и справедливым. Не терпел некомпетентности и верхоглядства, но легко прощал мелкие погрешности и недочеты. Никогда слепо не следовал догмам, тем более предрассудкам. Его жизненным компасом был здравый смысл. Как в экономике, так и в политике. Несмотря на свою внешнюю сухость, даже суровость, умел располагать к себе людей – от

глав государств до официантов, от академиков до школьников.

Никогда не видел его в состоянии праздности, даже на отдыхе. Разве только в баке, где он, как истинно русский человек, позволял себе по-настоящему расслабиться. Он был общителен и раскован в хорошей компании близких ему людей. Терпеть не мог сальных анекдотов и иных пошлостей. С другой стороны, примечал живинку в большом и малом. Но и святошей его тоже нельзя было назвать.

Алексей Николаевич был однолюб. Он очень тяжело переживал кончину супруги Клавдии Андреевны в мае 1967 года...

Никогда не замечал у него проявлений барства, неуважительного отношения к тем, кто рядом. О человеческих качествах Косыгина говорит и то, что у него годами оставался стабильный состав личной охраны и работников других служб, которые обеспечивали его повседневные нужды. Люди это ценили и отвечали взаимностью». Так пишет наш земляк и мой друг Борис Терентьевич Бацанов, который проработал у Алексея Николаевича Косыгина четырнадцать лет помощником.

Я могу добавить к этому кое-какие штрихи...

* * *

Много лет подряд Алексей Николаевич приезжал лечить-

ся в Кисловодск в санаторий «Красные камни», в один и тот же номер 27 на втором этаже. Предлагали ему отдыхать на даче, но он отказывался: «Я привык быть со всеми». Поднимался рано, в шесть часов утра уходил на терренкур, то есть на прогулку. После обеда – часовой сон и работа над документами. Вечером – кино или опять прогулка. Не любил застолий и азартных (и не только) игр. Застолье допускалось два раза в месяц – в связи с приездом и отъездом. Выпивал одну-две рюмки коньяка. Пищу любил простую. Питался в общей столовой.

Не любил Косыгин, когда вокруг него суетились, пытались услужить. Однажды, заметив, что его автомашину в Кисловодске сопровождают две машины ГАИ, возмутился:

– Им что, нечего делать? Уберите.

В кинозал санатория шел в сопровождении начальника охраны Евгения Карасева. У входа останавливался и ждал, пока Евгений купит билеты. Как-то главврач санатория А. Перекрестов попытался провести Алексея Николаевича без билета:

– Алексей Николаевич, проходите!

– Не могу.

– Но вы же у нас один председатель правительства. Санаторий не обеднеет из-за 30 копеек.

– В том-то и дело, что я председатель Совмина. Какой же это пример для других, если я буду нарушать порядок? Я нарушу на рубль, другой под эту марку попытается урвать

миллион.

И пока Евгений Карасев не взял три билета (Косыгину, себе и главврачу), в кинозал Алексей Николаевич не вошел.

Мелочь, конечно, но как много говорит она о человеке.

Радовался Косыгин, когда удавалось поговорить с простыми людьми «без протокола».

Зимой 1972 года в Домбае, не доезжая до «Солнечной поляны» километров пять-шесть, остановил авто и пошел пешком. В поселке нас обогнала ватага ребят, как оказалось, это были студенты из Ростова. В руках – буханки хлеба и рыбные консервы. Узнали Косыгина. Обступили тесным кольцом.

– Как поживаете, ребята?

– Хорошо живем, Алексей Николаевич!

– Так уж и хорошо?

– Не обманываем, хорошо. В магазине хлеб есть, консервы тоже, вот только колбаса дорогая – по 2 рубля 80 копеек.

Г. Подольский (из охраны) начал фотографировать. Не все попадали в кадр. Ребята сразу загалдели:

– Алексей Николаевич, сфотографируйтесь с нашей группой на память.

– И с нашей...

Взрослые уже, но еще как дети. Косыгин фотографировался со всеми, по-доброму улыбаясь.

Когда студенты ушли, Косыгин сказал:

– Какой же народ у нас необыкновенный. Ржаной хлеб и банка консервов, а они – хорошо живем. Мы же в вечном

долгу перед ними. С таким народом под силу все...

И тут я увидел, что украдкой Алексей Николаевич смахнул слезу. Словно в глаз попала соринка. Стеснялся он своей сентиментальности.

* * *

В очередной приезд Алексея Николаевича на Кавказ я навестил его в санатории. Хотел узнать о планах поездок по краю. Вроде ничего не намечалось. Разговор был в субботу. Условились с начальником охраны Карасевым, что он своевременно известит меня в случае чего. Приехал в Ставрополь вечером в воскресенье, изрядно уставшим. Дорога тяжелая, метель, вьюга. В понедельник в девять утра Карасев звонит по ВЧ-связи на квартиру:

– Выезжаем в Архыз.

– Когда?

– Минут через 20–30, машины уже вызваны. Алексей Николаевич предупредил: никого не извещать, ни в Карачаево-Черкесии, ни в крае.

– Ну, ребята, так до инфаркта доведете. Предупредить никого в Архызе не успею. Где поесть, где отдохнуть?

Правда, успел позвонить начальнику девятой службы в Кисловодске В. Христофорову: «Быстро в машину – и в Архыз». Позвонил первому секретарю крайкома М. Горбачеву, но его не оказалось на месте.

Быстренько собрался. Дочь Галина упаковала в дорогу сумку: хлеб, лаваш, сало, колбаса из дикого кабана и две бутылки клюквенной – домашней «фирменной» водки. Большого в холодильнике на тот момент и не было.

«Волга» у меня скоростная, с восьмицилиндровым двигателем. Шофер Семен Никитович – с тридцатилетним стажем. Но дорога до Архыза не близкая. Мчались до Черкесска на пределе. Догнал косыгинские машины за станицей Зеленчукская. Около аула Архыз Косыгин оставил машину, все тоже пошли пешком. И я к ним пристроился. Косыгин оглянулся:

– А вы откуда взялись? Я же сказал никого не предупреждать.

– Никого и не предупреждали. А я по службе. Я отвечаю за вашу жизнь на территории края. Поэтому, извините, здесь.

Прошли по аулу. Вид домишек – убогий. Завернули на турбазу какого-то завода. Как на грех, там еще утром отключилось электричество. Холодно и голодно. Даже туристов завтраком не кормили. Все ждут. Я на кухню к поварам:

– Выручайте, приготовьте что-нибудь по-быстрому.

В столовой холодно, сидим не раздеваясь, ждем. Подали тарелки с хлебом. Вижу, Алексей Николаевич отщипывает по чуть-чуть, проголодался, значит. Вспомнил о своих запахах в багажнике автомашины. Нарезали колбасы, сала, налили клюквенной. Выпили, на душе потеплело.

– Что это за водка такая приятная? – спросил Косыгин.

– Жена готовит по собственному рецепту.

– Что за рецепт, откуда на юге клюква?

– Из Белоруссии, присылают друзья.

– Любопытно, надо попробовать сделать в Москве...

Подали щи или борщ, не помню. Помню только, что капуста и свекла не уварились. И соленое варево получилось. Я пару ложек съел, солено, не могу есть. А Косыгин терпеливо ел. Подали баранину. Жесткое мясо. Видно, барашек старый попался.

Полуголодные вышли из столовой, и сразу обступили отдыхающие:

– Сфотографируйтесь с нами, Алексей Николаевич!

У меня сохранились те фото: улыбающийся Косыгин и туристы на фоне сугробов снега.

Из Архыза поехали в Астрофизическую обсерваторию Академии наук СССР. Там был смонтирован самый большой в мире телескоп – шесть метров в диаметре. Никто нас на объекте не ждал, не предупредили о приезде. Охрана не пропускала автомашины. Пришлось мне воспользоваться своим правом начальника краевого управления КГБ.

Весть о том, что приехал Косыгин, немедленно стала известна всем обитателям маленького поселения. Начальник обсерватории оказался в отъезде. Пояснения давал главный инженер, толковый человек. Алексей Николаевич вникал во все детали. Ко мне подошел кто-то из администрации:

– Можно съездить в райцентр продукты купить? Хотим

стол накрыть.

– Не успеете. Нагрейте чайку. Это будет то, что надо.

Сидим, чаевничаем. Одна сотрудница принесла печенье домашнего приготовления. Косыгин доволен, что побывал на объекте. Ведь в то время к строительству обсерватории был повышенный интерес. Туда часто приезжали президент Академии наук М. Келдыш, министр обороны Д. Устинов, другие министры.

Через несколько часов в горы примчались начальник обсерватории, первый секретарь обкома Ф. Бурмистров и председатель облисполкома М. Боташев.

– Что же вы, Алексей Николаевич, не предупредили нас?

– Зачем отрывать вас от дела? Я все посмотрел, можно сказать, пощупал своими руками. Люди здесь толковые, самоотверженные. В условиях высокогорья не просто жить и работать. А они хорошо работают.

– Как-то осенью заехал в санаторий «Красные камни». Зашел в комнату охраны минут на десять, намереваясь потом поехать на обед. И в коридоре неожиданно встретился с А.Н. Косыгиным.

– Вы обедали? – спросил он. – Пойдемте в столовую, а потом, если не возражаете, на терренкур.

Вышли из столовой быстро. Через полчаса мы уже были на прогулочной тропе номер 2, которую до сих пор называют косыгинской. В пути разговаривали не о политике, а о чем-то бытовом, уже не помню. Вдруг Алексей Николаевич

неожиданно спросил:

– Почему мне в 1965 году не дали провести экономическую реформу? – Видно, мучил его этот вопрос. – В стране появились бы в достатке одежда, обувь, продовольствие. Мы после нэпа лишились мастеров – портных, сапожников. Хороший портной – это как талантливый художник. Его за один день не подготовишь. Где сегодня хороший костюм сшить? Мне-то сошьют в кремлевской мастерской. А другим? Раньше в Москве на каждом углу сидел сапожник в будке. Мелкий ремонт, почистить обувь за копейки – пожалуйста. Пирожки горячие на каждом углу предлагали. А мне возражали: подорвем твоей реформой устои социализма. Это частник-портной подорвет устои? Бред какой-то...

Не мог я ответить на вопрос Косыгина.

* * *

Еще одна картинка. Косыгин возглавлял в Политбюро комиссию по аграрным вопросам.

– Скажите, зачем нам производить тракторы К-700 и более мощные? Это же настоящий танк.

– Алексей Николаевич, такой трактор нужен на Юге России, в Поволжье, в Казахстане – на огромных полях. А в Белоруссии, на Полесье, где поля по десять – двадцать гектаров, он не нужен.

Подробно аргументировал свой ответ. Но Косыгин оста-

НОВИЛ.

– Откуда вы это знаете? Разве генералов учат этому?

– Я, Алексей Николаевич, прежде чем стать генералом, прошел иную школу. Вырос на Полесье в селе, в колхозе, был первым секретарем сельского райкома партии. Да и сейчас стараюсь следить за тем, что и как делается на земле.

Зимой 1979 года мне самому довелось отдыхать в санатории «Красные камни». Через несколько дней приехал туда и Алексей Николаевич. Встретились в столовой. Мне показалось, что он обрадовался встрече.

– Где вы сейчас? В Средней Азии?

– Нет, служу в ГДР, Алексей Николаевич.

– Расскажите, как там.

Мои рассказы о жизни и быте людей он слушал заинтересованно. И снова вспомнил о сибирской потребкооперации в годы нэпа.

– Вы представляете, как были обустроены сибирские тракты? На постоянных дворах чисто и уютно. Хорошо, сытно кормили в придорожных трактирах. Не хуже, а лучше, чем в немецких гаштетах. Человек должен каждый день иметь возможность попить пивка, чайку в недорогом кафе.

Алексей Николаевич искренне сожалел, что не сумел осуществить перестройку потребкооперации и довести ее до европейского уровня.

* * *

Косыгина считали суровым человеком. Он не часто улыбался. В коридорах правительства ходила такая шутка: если Алексей Николаевич сегодня с утра улыбался, то неделю улыбается весь Совет Министров.

На самом деле, он был доброй души человек. Не гнушался прийти на день рождения Евгения Карасева, начальника охраны, или доктора Анатолия Прохорова.

* * *

У А.Н. Косыгина была феноменальная память. Рассказывают о таком случае. Вышел он на трибуну Кремлевского дворца съездов читать доклад о 45-й годовщине Октября и обнаружил, что взял с собой не те очки – не для близи, а для дали. Стал читать по памяти. Благо доклад готовил сам, выверяя каждую фразу.

Феноменальная была способность к вычислениям. В памяти держал множество данных бюджета страны, пятилетнего плана.

Косыгин работал при Сталине, Хрущеве, Брежнев. Он никогда ни к кому не приспособливался. Он всегда оставался честным и добросовестным человеком, компетентным, ответственным за порученное дело. Поэтому о нем в народе сохранилась добрая память.

О людях, с кем встречался, вспоминал. Были мы как-то

в колхозе имени Ленина Предгорного района. Понравилось ему хозяйство, поразили его огромные сады. Через год спрашивает:

– Ну а как дела у Маслова, кажется Александр, председатель колхоза. Как урожай яблок в садах?

* * *

Освободили Алексея Николаевича Косыгина от должности в пору, когда он еще многое мог сделать.

Умирал он в одиночестве. Почти не навещали соратники. Своему верному помощнику Евгению Карасеву сказал однажды:

– Остались мы с тобой вдвоем. Подошло мое время умирать...

* * *

Скажите, можно ли поставить рядом с этим человеком, рядом с этим государственным деятелем кого-нибудь из выдвиженцев Ельцина уже в новейшей истории России? Например, Силаева, Бурбулиса, Гайдара, Чубайса, Немцова, в разное время бывших на первых или вторых постах в российском правительстве.

Косыгин и они – фигуры просто несравнимые, согласитесь...

Куда им всем до Косыгина.

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО

Как генерал КГБ я ничего не могу сказать о нем. Не сводила меня жизнь с Лукашенко. Не было у нас контактов.

Я его не только не знал, но и не слышал о нем в 70–80-е годы. Впервые узнал о нем в 1994 году...

Он для меня интересен как личность неординарная, которая у одних вызывает симпатии, у других – ненависть.

Первое знакомство состоялось при необычных обстоятельствах. В 1994 году пригласили меня в Минск на торжества по случаю 50-летия освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков. Торжественное заседание проходило 2 июля во Дворце спорта. Мой ряд был седьмой. Впереди была делегация России во главе с Черномырдиным. Рядом присел незнакомый мне человек. Познакомиться не успели, как подошли люди с повязками «распорядитель» и предложили незнакомцу уйти на 11-й или 12-й ряд. Никакие объяснения не помогли. «Распорядители» были настойчивы.

Я спросил у соседа:

– А кто это был? Почему ему места не дают?

– Это – Лукашенко.

– Кандидат в президенты?

– Да, он самый.

– Господи, стыдоба-то какая! Кандидат в президенты рес-

публики – и не в президиуме. Кандидат в президенты Кебич сидит там, а Лукашенко даже не пригласили.

Как же это можно проявлять такое неуважение к сопернику?

* * *

В день выборов я был у своих земляков в Пинске. Поехал на рыбалку. Припозднился, рыбаки уже уху сварили. Пригласили отведать.

– Что ж это вы, друзья, на выборы не пошли?

– А мы уже проголосовали за Лукашенко.

И пошел разговор «за жизнь».

– Наш мужик, за народ стоит.

Дома зять, рабочий «Кузлитмаша», с гордостью сообщил: «Рабочие за Лукашенко дружно проголосовали».

– А ты, Володя, откуда знаешь Лукашенко?

– Как же, приезжал к нам на завод. Во мужик!

Через несколько дней поехал в райцентр Иваново. Иду по улице, рядом дед постарше меня. Как водится, разговорились: каким был Янов-Полесский (Иваново) до и после войны. Хорошо в советские годы отстроили райцентр... И я решил взять деда «на крючок».

– Хорошо-то хорошо, а президентом выбрали вроде бы не того...

Он остановился, посмотрел на меня сердито:

– Ты думаешь, мы дурни, не ведаем, за кого голосовать? Мы ведаем, кого выбирать!

* * *

Вот такие уроки я получил на Полесье. Уехал в Москву. На заседании Ассоциации культурных и экономических связей Беларуси и России заявил: «Давайте оставим наши вчерашние симпатии. (Я лично агитировал за В. Кебича.) Народ избрал Президентом Беларуси А.Г. Лукашенко. Будем его поддерживать. Надо ему помогать».

Почему востребован Лукашенко? Были ведь и другие кандидатуры, их было шесть. Но время востребовало именно Лукашенко.

Он бескомпромиссный боец. В этом его плюс и в этом минус. Минус потому, что надо иногда быть более гибким, вовремя сделать шаг назад.

Если бы меня лично спросили, чем же он так подкупил? Тем, что он мужественно проголосовал против Беловежского сговора. Этим он отстоял честь Беларуси, своего народа.

Его сила в том, что он такой же, как многие. Простой белорус, не профессор, не академик. Он один из нас.

* * *

Все эти годы я внимательно присматривался, как из ма-

лоизвестного Лукашенко рос крупный государственный человек, ставший известным сейчас и в Европе, и в Азии, и в Америке, а не только в СНГ.

Я знал всех руководителей республики за последние 60 лет: с кем-то работал, с кем-то был близко знаком – К.Т. Мазуровым, Н.С. Патоличевым, М.В. Зимяниным, П.М. Машеровым, С.О. Притыцким, Т.Я. Киселевым, В.И. Козловым. Молодое поколение, кому сейчас 30–40 лет, знает их только по рассказам. Оно помнит Слюнькова, Соколова, Малофеева. Последние 10–12 лет на слуху были попеременно Шушкевич, Кебич и другие.

Лично зная многих руководителей других государств и республик, могу сравнивать Лукашенко с ними. Он для настоящего времени наиболее подходящая кандидатура.

* * *

Лукашенко пришел к руководству в тяжелое время, время смуты, время развала государства, время беспредела. Надо было спасти республику, не дать ей скатиться в пропасть. Тяжелейшее экономическое положение. Развалились хозяйственные связи с другими регионами СССР.

Сборочный цех Советского Союза в одночасье оказался не у дел. Первоклассные предприятия мирового, европейского уровня оказались никому не нужны. Высокопрофессиональные кадры – без зарплаты.

Можно себе представить, как нелегко в таких условиях было удержать на плаву республику.

А людям нужна не только высокая политика, но и тепло зимой, и транспорт, и хлеб, и...

Думаю, что пройдет время, и люди оценят его героический труд за последние годы. Большое видится на расстоянии.

Почему – пройдет время? Да потому, что действующего политика нередко оценивают по сиюминутным проблемам, по тому, какая зарплата, какие цены и т.д. и т.п. И это тоже верно. Как верно и то, что в сегодняшний непростой день закладывается завтрашняя перспектива.

Часто в разговорах, когда критикуют Лукашенко за низкую зарплату (справедливо, а порой и несправедливо), я говорю людям: благосостояние республики зависит от многих факторов, она ведь живет не на острове. Поднимутся Россия, Украина, Молдова и другие – и Беларусь поднимется. Может быть, даже быстрее других.

Главное, сохранили за эти годы потенциал и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Сохранили фундамент экономики, базу.

Конечно, нелегко живется сегодня. Трудно будет и завтра. Не верю тем, кто обещает рай за 2–3 года. Не будет рая. Рай на земле делают человеческие руки. Легко и быстро разрушить, тяжело и долго восстанавливать.

* * *

В преддверии выборов 1994 года С. Шушкевич уверял избирателей, что он через два года сделает Беларусь второй процветающей Японией. Как мог профессор, доктор наук не знать, что Японии понадобилось не одно десятилетие для своего подъема. Это при том, что США влили в Японию миллиарды долларов. Почему? Проще простого: американцам нужна была сильная Япония, как противовес Китаю и Советскому Союзу.

* * *

Говорят, Лукашенко делает ошибки, а кто их не делает? Не ошибается тот, кто ничего не делает. Если он и делает ошибки, то искренне. Но лучше, конечно, их не делать. Особенно кадровых.

Я далек от мысли обобщать отдельные кадровые назначения президента. Есть много удачных выдвижений. К примеру, многие министры, посол в России Владимир Григорьев – блестящий дипломат, весьма уважаемый в дипкорпусе. Или, к примеру, председатель Комитета государственного контроля А.А. Тозик. Незаурядный организатор. Волевой, целеустремленный, умный, современный руководитель. Доктор наук. К тому же честен и неподкупен. Удачные выдвижения делают честь президенту. Но на слуху, к сожалению,

нию, и неудачные выдвигания. Они-то, эти бывшие выдвиганцы, сегодня и бьют в спину Лукашенко. Жаль, что он в свое время доверился этим людям.

Умных, толковых людей в Беларуси много – и на областном, и на районном уровне. Умных много, а мудрых, к сожалению, что-то не видно (дефицит на мудрых людей не только в Беларуси). Выдвигать нужно мудрых и смелых людей, кто имеет мужество говорить правду. Угодников и подхалимов хватало во все времена. Их, как говорят в народе, не сеют и не пашут, они сами растут.

Кто имеет глаза и уши – видит, какой прессинг оказывают на Беларусь, в первую очередь США. Лукашенко им как кость в горле.

Кому неудобно, кому ненавистен Президент Беларуси А.Г. Лукашенко? Западу! Почему? Потому что отстаивает интересы Беларуси, не дал ее разворовать.

Я регулярно читаю белорусские газеты, в том числе и оппозиционные. С каким сарказмом они обрушиваются на тех, кто скажет доброе слово о Лукашенко.

Спешу сообщить: меня Лукашенко никогда и ничем не обласкал. «Он мне не сват и не брат, не друг и не враг», как поется в песне. Но я не приемлю, когда на Лукашенко «вешают всех собак».

* * *

Мое отношение к оппозиции? Оппозиция, конечно, должна быть. На то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Я как-то посмотрел старую записную книжку (конец 40 – начало 50-х годов) и удивился самому себе: выступление на областной партийной конференции – критика и в адрес обкома, и облисполкома. Аж искры летели. Причем в конкретные лица. Критика была жесткая, но конструктивная, с желанием не чернить, не оскорбить, а поправить дело.

Сегодня я не вижу конструктивной критики у оппозиции. Она больше похожа на истерию. Остро не хватает приличия, этических правил «дорожного движения». Нападки нечистоплотных крикунов. Их не интересует истина. Эти «критики» из числа плюющих в колодец, из которого сами пьют.

* * *

Не думайте, что я не вижу недостатков Лукашенко. У всех они есть.

Не один раз приходилось читать в некоторых российских газетах: «Лукашенко – душитель прессы». Давайте разберемся, какой он на самом деле душитель.

Вот свежий пример – май 2001 года.

Редакция пинской газеты «Полесская правда» оказалась под угрозой выселения, получила категоричное предписание – освободить занимаемые комнаты в бывшем здании горкома партии. Освободить, сдать по акту... и прочие строгости.

Редактор газеты Юрий Скороход, растерянный и убитый свалившейся на него бедой, думает: что делать? «Полесскую правду» уже выселяли: первый раз – в июле 1941-го – немецкие оккупанты. И она стала издаваться в подполье. Второй раз – в августе 1991 года – дорвавшиеся до власти, опьяненные свободой «демократы». Тогда журналисты устояли. И вот третий раз – в 2001 году.

Посоветовал Скороходу обратиться к председателю горисполкома Шусту.

– Был у него, не помогло. Требуют освободить помещение – и никаких гвоздей! Взамен ничего не предлагают.

– Спрашивал, а как же быть журналистам, куда деваться?

– Спрашивал. Ответили, что это ваши проблемы.

Дальше советую:

– Не помог Шуст, тогда обращайся в Брест.

– Стучался я и в облисполком. Бесполезно.

– Ну тогда, Юрий Сергеевич, напиши Лукашенко.

– Не дойдет до него. Да разве президенту до таких мелочей? Бесполезно.

Но все-таки 16 мая написал. Коротко, всего два абзаца.

Опустим детали. Важен конечный результат. А он таков: 17 мая о ситуации с газетой доложили Лукашенко. О его реакции на письмо редактор «Полесской правды» узнал в тот же день. Его срочно разыскали в Парохонском сельсовете по междугородному телефону.

– Извините за головотяпство городских бюрократов. Спо-

койно работайте, никто журналистов выселять не будет.

Вот такая простенькая история. Какой же Лукашенко душитель прессы после этого?

* * *

Не хотел рассказывать, но расскажу. Сталкиваясь с бюрократами в Беларуси, я заочно иногда ругал вышестоящие власти, в том числе и Лукашенко. Какими помощниками он себя окружает, не достучишься. Вот пример. В 1999 году от имени ветеранов Пинска обратился к нему с письмом, обстоятельно объяснил проблему.

Через месяц получил ответ за подписью заместителя руководителя Администрации Президента И. Пашкевича. Ответ на двух страницах. Он примерно был таков: в огороде бузина, а в Киеве – дядька. Никто не вник в суть, и заканчивалось письмо примерно так: «В ваших советах и критических замечаниях не нуждаемся».

Вот вам один бывший президентский чиновник – И. Пашкевич.

А вот другой государственный чиновник – Урал Латыпов. Будучи в Минске, позвонил по телефону Латыпову. Он оказался в командировке в Молодечно. На второй день утром снова позвонил. Секретарь ответила, что сейчас он принимает делегацию, будет после 14.00. Оставил свой телефон (гостиничный). И махнул рукой, бесполезно, навер-

ное... Принялся за просмотр газет. Вдруг телефонный звонок, в 14.00: «Здравствуйте, я Латыпов. Когда вы могли бы прийти?».

– Сейчас возьму такси и через полчаса буду у вас.

– Зачем такси, времени маловато. Пришлю машину.

Я набросал перечень вопросов для разговора, их оказалось немало.

Встретил Латыпов доброжелательно, по-деловому. По двум вопросам сразу сказал: это требует серьезного изучения. По остальным были приняты решения или даны советы. Причем удивительно быстро вник в суть проблем. Не отфутболил ни одного вопроса.

Вот это стиль делового человека. За последние 10 лет я почти не встречал такого ни в России, ни в Беларуси.

А теперь, читатель, сравните двух чиновников: И. Пашкевича с его барским: «Не лезь с критикой и своими советами» и У. Латыпова. Правильно кем-то сказано: имей в помощниках двух Пашкевичей, и враги не понадобятся.

Если бы в команде Лукашенко было побольше таких, как У. Латыпов, то половина проблем в Беларуси разрешалась бы быстрее, а другая половина, может быть, и не возникала бы.

* * *

Кто и почему травит Лукашенко, массированно и зло кри-

тикует?

В первую очередь «западники», в том числе и российские. Изображают его чуть ли не исчадием ада. Он что, на самом деле такой?

Дело в другом. Критикуют-то Беларусь, ее стойкий, самоотверженный народ. А Лукашенко принимает удары на себя, как громоотвод во время грозы. Бьют-то по вершине, бьют по голове.

Достоверно и давно известно, что против Лукашенко готовятся обвинения во всех смертных грехах, о которых ему и не снилось. Такого «черного пиара» Беларусь еще не видела. Оппозиция все это выплеснет в решающий момент избирательной кампании. Готовьтесь, земляки, отмываться, грязи будет много.

От клеветы трудно защищаться. Она хуже змеи. Змею можно обойти, а клевету не обойдешь. Кто может защитить Президента Лукашенко в этой драке? Только народ. Другой опоры у него нет.

Один известный московский демократ, узнав, что я еду перед выборами в Беларусь, сказал мне: «Что наши СМИ делают? Не понимают, что льют воду на мельницу Лукашенко? Чем больше выльют на него грязи, тем больше он получит голосов избирателей. Идиоты безмозглые».

Правда, злобных наскоков в московских СМИ поубавилось за 3 недели до выборов. Дошло до некоторых!

* * *

Чего хотят люди?

Спокойной совместной работы, достойной жизни, достойной оплаты труда. Общество ищет твердой почвы под ногами.

Оппозиция же настойчиво зовет не к работе, а к драке, к борьбе бескомпромиссной и жестокой. Устали люди от всего этого.

Запад подвергает Беларусь беспрецедентному политическому и экономическому обструкционизму. За что? За славянскую строптивость и солидарность с Россией. За то, что отстаивает свои национальные интересы, экономическую безопасность.

Российские правые и белорусская оппозиция на критике, на травле Лукашенко работают против национальной безопасности и Беларуси, и России.

* * *

P.S. Очерк о Лукашенко был написан в августе 2001 года для «Народной газеты», накануне выборов Президента Республики Беларусь.

Выборы состоялись. Народ поддержал А.Г. Лукашенко. Теперь он может работать спокойно. Лукашенко уловил настроения народа. Извлек уроки из критики избирателей. За-

менил руководителей ряда министерств, ведомств. Сформировал новое правительство.

Некоторые назначения последних лет кажутся мне неудачными – просто слабые люди. Может, они лично преданные, но слабые. Наверное, кое-кого предстоит заменить в районах. Зазнались, зарвались некоторые. Такие, к сожалению, есть (и всегда были).

Я переживаю за А.Г. Лукашенко, когда он срывается, нервничает. В этом – слабость. Политику такого ранга надо уметь сдерживать свои эмоции. Но что поделаешь, у каждого свой характер.

Мне нравятся более взвешенные, спокойные высказывания Лукашенко. Это радует и обнадеживает. Сможет ли он довести реформы и преобразования в республике, как того требует время? Надеемся. Хотя очень сложно, и не все зависит от него.

История отвела ему время. Посмотрим. А чего смотреть? Помогать надо.

КИРИЛЛ МАЗУРОВ

Все, кто лично знал Кирилла Трофимовича Мазурова, отмечают его государственную и человеческую мудрость. Он был тонким политиком и трезвым прагматиком. Его отличали глубокий природный ум, трудолюбие, интеллигентность, большие организаторские способности, исключительная простота и скромность. Он был личностью огромного масштаба. В вопросах воспитания кадров его сравнивали с заботливым, умным садовником: где-то делает хороший подвой, где-то срежет лишний сучок... Немаловажно разумно разместить в саду деревья, учитывая их совместимость. Заботясь о взрослых насаждениях, не забывать о подрастающих саженцах. Без преувеличения можно сказать, что именно Мазуров вырастил, воспитал, выдвинул сотни высококлассных, талантливых руководителей. И в том, что Петр Машеров состоялся как выдающаяся личность XX века, — немалая заслуга Мазурова. Эти два имени нераздельны в истории Беларуси.

Стоит напомнить основные вехи жизненного пути Кирилла Трофимовича Мазурова: первый секретарь обкома комсомола, первый секретарь ЦКЛКСМБ, первый секретарь горкома партии, первый секретарь обкома партии, Председатель Совета Министров республики, первый секретарь ЦК КПБ, первый заместитель Председателя Совета Министров

СССР – член Политбюро ЦК КПСС. В силу своего высокого должностного положения этот человек в прямом смысле решал судьбы многих людей. И решал так, что его вспоминают добрым словом. Я тоже считаю себя учеником и выдвиженцем Кирилла Трофимовича Мазурова.

* * *

Сентябрь 1942 года. В отряде получена радиogramма: вызывает на беседу товарищ Виктор – уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения и ЦК.

Из Хоростова до Любанщины дорога не далекая и не близкая, теперь на автомобиле можно за 2–3 часа домчаться. А тогда суток за четверо дошел. По пути – вражеские гарнизоны, случались засады... Однако дошел. Лесные тропы там были мною исхожены еще в 1941 году.

Прибыл в штаб Минского соединения. Доложился по всей форме. Вышел молодой человек, старше меня лет на семь-восемь. В гимнастерке, пилотке, сапогах. Выправка военная. Стройный, подтянутый. На груди медаль «За отвагу». Представился:

– Виктор.

Беседа была обстоятельной. Его интересовало все, что делается на Пинщине, в Старобинском, Житковичском, Краснослободском, Любанском, Стародорожском, Слуцком районах, там, где я провел 1941 и 1942 годы. Людей и обстанов-

ку я знал. Обсудили кандидатуры будущих секретарей райкомов комсомола.

Товарищ Виктор – это и был К.Т. Мазуров, секретарь ЦК ЛКСМБ и уполномоченный БШПД. Он с первого дня, вернее, с первых минут, находился на войне. Выходил из Бреста, из окружения, был ранен, контужен. Его фронтовой опыт весьма пригодился партизанам. Сотни километров прошел Кирилл Трофимович по тылам врага в Минской, Пинской, Полесской, Барановичской и Брестской областях. Он внес весомый вклад в организацию всенародного сопротивления оккупантам.

* * *

Ранняя осень 1943 года. Товарищ Виктор прибыл к нам, в западные районы Пинщины, за Днепровско-Бугский канал. Он и сопровождающие его товарищи по пути не раз попадали в засады, огнем из автоматов отбивались от преследования.

Виктор подробно расспросил меня о делах подпольных райкомов комсомола. Не обошлось и без взбучки.

– К тебе претензии со стороны ЦК ЛКСМБ.

– Воюю плохо?

– Нет, в этом нет претензий.

– А в чем они?

– Мало пишешь докладных о работе.

– Главное для меня, товарищ Виктор, воевать, дело делать, а не писать.

– Информирование Центрального комитета – тоже дело. Учти это.

Кирилл Трофимович еще в 1942 году советовал мне:

– Пиши подробный дневник, каждый день пиши.

Как бы все пригодилось теперь, если бы послушался совета! Лишь много лет спустя я понял мудрость этой подсказки.

В другой раз Кирилл Трофимович упрекнул меня:

– Ты почему не прислушиваешься к советам старших?

– О чем вы?

– Ты по-прежнему лезешь в каждый бой. А твое дело руководить подпольем, райкомами, а не в атаку рваться!

У меня сплошное недоумение.

– Да, да. В Пинском соединении – тысячи партизан. Есть кому ходить в бой. Это не 41-й год.

– Увидев, что до меня не доходит, Кирилл Трофимович объясняет по-другому:

– Представь, что ты погиб в бою. С тобой будут утрачены связи, явки и т.п. Начинай все сначала. Пойми, ты отвечаешь не только за себя, а за сотни людей.

Такая вот наука. В общем-то простая. Кирилл Трофимович умел подметить главное, самое существенное и убедить в своей правоте.

* * *

Из глубокого тыла К.Т. Мазуров постоянно писал письма в ЦК ЛКСМБ, посылал донесения в ЦК КП(б)Б, БШГЩ. Теперь все это – архивные документы, которым храниться вечно. Вот строчки из тех посланий:

«Нордман – геройский парень. Однажды надел немецкую форму, подобрал «полицейских» и в роли «коменданта» разоружил несколько гарнизонов...»

«Ребятишки – до конца преданный народ... Дня них партизаны – великие и таинственные герои, и они помогают партизанам чем могут...»

«Организовали в партизанских зонах лесные школы...»

«Вы, наверное, знаете, какой подарок мы преподнесли Родине в честь Октября – взорвали мост на реке Птичь. Рвали хорошо. Я участвовал в этой операции на правах военспец-консультанта и бойца, участвовал в штурме – было весело, стрельбы было много. Потрепали немцев...»

Участники того боя Николай Симонов и Алексей Каширов рассказывали: партизанские отряды после ночного броска скрытно подошли к хорошо охраняемому мосту на Птичи. На рассвете завязался бой. В какой-то момент штурмовавшие дрогнули. Немцы оправились от шока, наступавшие партизаны попятились. В этот драматический момент товарищ Виктор поднял в атаку автоматчиков. Огнем подавили немцев. Мост был взорван. Решительность, смелость Кирилла Трофимовича определили исход боя. За тот бой и к Герою

можно было представить.

Кстати, в 80-е годы Кирилл Трофимович рассказывал мне. Пришел к нему в Кремль Василий Иванович Козлов. Он уже болел неизлечимой болезнью. Пришел и говорит:

– Кирилл, я вот из больницы сегодня выписался, недолго мне жить осталось. Пришел к тебе попросить прощения. Это я порвал твой наградной лист на Героя Советского Союза. Обижен был на тебя за критику...

Вот такие повороты судьбы...

* * *

В феврале 1989 года корреспондент «Советской России» Татьяна Бондаренко в интервью задала председателю Всесоюзного совета ветеранов войны и труда Кириллу Трофимовичу Мазурову и такой вопрос: «...Мазуров, будучи первым секретарем ЦК в Белоруссии, сам водил «Чайку», а рабочий день начинал с рейдов по магазинам, вокзалам, предприятиям?..».

Не знаю, как насчет «Чайки», а вот летом 1954 года, будучи Председателем Совета Министров БССР, К.Т. Мазуров за рулем «Победы», без охраны и помощников приехал в глубинку – в Телеханский район, где в то время я работал первым секретарем райкома партии. Дорога от Ивацевичей до Телехан (46 километров) была, как выражаются танкисты, «земля – небо». На гребле у деревни Козики в дождь

ни пройти, ни проехать. Если мне надо было на ГАЗ-69 ехать в Брест, то я просил председателя колхоза выслать в помощь гусеничный трактор. Такая же дорога была и на Пинск.

Кирилл Трофимович как-то добрался самостоятельно, побывал на полях колхозов имени Ленина, Молотова, Жданова, осмотрел посевы, побеседовал с крестьянами. К сожалению, ни меня, ни председателя райисполкома в районе не было – вызвали на областное совещание в Брест.

Кирилл Трофимович зашел в секретарскую хату (старый одноэтажный дом, удобства во дворе). Дома была только наша нянька и хозяйка Прасковья Семеновна, кстати, тоже партизанка. Входит человек:

– Здравствуйте, я – Мазуров.

Заохала, засуетилась бабка, да это же глава правительства. Предложила присесть. Накормила чем бог послал: борщом, яичницей.

На следующий день звонит Кирилл Трофимович мне в райком:

– Что же это получается? Единственный раз приехал к тебе в гости, а хозяина дома нет. Ну, брат, и дороги у вас. Как же вы там живете, как работаете?

– Кирилл Трофимович, во все двери уже стучался, просил, умолял – помогите дорогу построить, неумоги людям без дороги.

– Давай договоримся: приезжай в Совет Министров с письмом, что-нибудь придумаем.

Через пару недель прибыл я в Совет Министров. Кирилл Трофимович пригласил председателя Госплана Коханова, министра финансов Шатилло, начальника УШОСдора Шарапова:

– Давайте поможем этому хлопцу дорогу построить на Телеханы.

– Все деньги расписаны вперед на всю пятилетку, Кирилл Трофимович.

– Даю вам трехдневный срок. Изыскать возможности.

Через дней десять получил ответ: выделено пять миллионов рублей. По тем ценам это значило, что хватит на пять километров дороги.

Опять поехал в Минск – и в Совмин, к Мазурову:

– Кирилл Трофимович, это же издевательство – всего на пять километров дороги.

– Не горячись, главное – забить первый колышек, а потом вся дорога будет.

Я понимал, что план планом, пятилетка пятилеткой, а у каждого министра, тем более у правительства загашники все же были. На случай крайних ситуаций. Да и пятилетки-то тогда шли с перевыполнением.

В 1955 году я уехал из района на учебу. Дорогу достраивали уже другие. Теперь сто километров от Ивацевичей до Пинска – отличная асфальтовая трасса. Приятно осознавать, что и ты к этому доброму делу причастен.

Первое серьезное столкновение К.Т. Мазурова с Н.С. Хрущевым произошло тогда, когда ЦК КПБ возразил против расчленения единой партии на две – промышленную и сельскохозяйственную.

Этот абсурд был виден на примере любого района республики. Именно в те годы политический работник, каким был 1-й секретарь райкома партии, превращался в заурядного хозяйственника, завхоза района. Утрачивалось главное – связь партии с народом. Пленумы партийных комитетов, партийные собрания превращались в хозяйственные совещания.

Мазуров и его соратники сопротивлялись этим нововведениям Хрущева. В результате тот ставил вопрос о снятии Мазурова с поста 1-го секретаря ЦК КПБ и освобождении от обязанностей кандидата в члены Политбюро, оскорбительно называл его «негодным руководителем».

Мы, рядовые работники, не все знали об этой острейшей борьбе в верхах. Публичное противостояние Мазурова и Хрущева относится, если не ошибаюсь, к 1960 году. (Это событие заслуживает отдельного разговора.)

Как это было? В театре оперы и балета собрался республиканский актив. Большой президиум – человек пятьдесят, а может и шестьдесят, – во главе с «дорогим Никитой Сергеевичем». На трибуне – докладчик, 1-й секретарь ЦК КПБ К.Т. Мазуров. Доклад – глубокий анализ состояния экономики,

перспективы и планы на ближайшее будущее. Докладчик перешел к проблемам сельского хозяйства. В Белоруссии планировали возродить льноводство, традиционную культуру для многих районов. Без хорошего предшественника – клевера – не получишь хорошего урожая льна. Назывались цифры, сколько засеять многолетними травами, картофелем.

Хрущев взорвался, что называется, вскипел:

– Как это так, площадь под кукурузу сокращаете, а под клевер и картошку – расширяете.

И начал подсчет кормовых единиц. Кукуруза – это царица полей, а вы... бульба, клевер.

Мазуров стоял на трибуне, терпеливо ждал, когда кончится поток хрущевских слов.

– Согласен с Вами, Никита Сергеевич, что кукуруза дает рекорд кормовых единиц с гектара. Но она, как правило, не дает высокого урожая на песчаных и подзолистых почвах.

Хрущев с новой силой обрушился на докладчика:

– Посмотрите на него. Это первый секретарь ЦК? Не понимает простых вещей. Заладил: клевер, картофель...

Оборачивается к знаменитому председателю колхоза «Рассвет» К.П. Орловскому:

– Вот мой друг мудрый Орловский скажет, сколько он будет в этом году сеять бульбы, а сколько кукурузы.

Орловский:

– Никита Сергеевич, засеяли в прошлом году 900 гектаров бульбы, в этом будем сеять 1200. Нельзя нам без нее, это

второй хлеб.

У Хрущева от возмущения чуть челюсть не отвалилась:

– И это мой друг Орловский. Предал меня...

И продолжил яростно ругать Мазурова.

Кирилл Трофимович – бледный, как полотно (до сих пор помню), стоял за трибуной и молчал.

Хрущев иссяк. Насупился, надулся.

Мазуров спокойно продолжал доклад и свою линию: будем в республике увеличивать посевы клевера и картофеля. Назывались цифры по областям.

Хрущев снова взорвался:

– Ничего не понял Мазуров, какой из него руководитель республики.

И понес... Когда успокоился, Кирилл Трофимович снова продолжал доклад.

Я переживал за него, думал, каким мужеством надо было обладать. Можно было и инфаркт, и инсульт схлопотать на трибуне. Хрущев переключился на морганистов-вейсманистов: «Вы своего земляка, Жебрака, сюда пригласили». Так оскорбительно, по-хамски к выдающемуся генетику и селекционеру Антону Жебраку мог обращаться только невежда в науке Лысенко.

В зал прибежали люди в белых халатах, Жебраку стало плохо, и его увезла «скорая помощь».

Вот такой принародный конфуз случился. Но с тех пор К.Т. Мазуров на Хрущева действовал, как красное полотно

на быка.

В 1964 году, после смещения Хрущева, Мазурова избрали членом Политбюро ЦК КПСС и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Справедливость восторжествовала, но чего это стоило Кириллу Трофимовичу.

Я не стану рассказывать о примечательном инциденте в Беловежской пуще, когда Хрущев не смог «сломать» К. Мазурова и Т. Киселева. Бросил охоту и уехал из пущи. Об этом уже кто-то писал, да и я лично не присутствовал при этом.

* * *

В 1950 году меня «сватали» на работу в Пинское областное управление госбезопасности. Начальником отдела по борьбе с бандитизмом (отдел ББ).

Первый секретарь обкома партии Петр Алексеевич Тетюшев, узнав об этом, заявил мне:

– Я слышал, что тебя прочат в МГБ. Согласия не даю. Уцелел в войну, а теперь под пули бандитов полезешь? Не пущу.

По старой партизанской дружбе решил посоветоваться с Мазуровым – в то время секретарем Минского обкома партии.

– Как быть? – переспросил он. – Ты уже взрослый, решай сам. Но знаешь, у меня на днях был полковник госбезопасности и слезно просил помочь ему уйти из органов, не может

больше...

И я понял, что Мазуров не советует мне переходить в МГБ.

В 1958 году я получил диплом Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Зашел в ЦК КПБ к заведующему орготделом Алексею Алексеевичу Смирнову спросить, куда определяют на работу.

– Вчера на секретариате ЦК приняли решение, что ты пойдешь работать к Александру Ивановичу, – ответил Смирнов.

– Кто такой Александр Иванович?

– Председатель КГБ республики Перепелицын.

– А что я там буду делать?

– Это тебе объяснят в комитете.

Буквально через несколько минут я уже был в кабинете Перепелицына.

– ЦК рекомендует вас членом коллегии – начальником управления Комитета госбезопасности.

– Но я ведь не знаю работы. Провалю дело. Чем я буду заниматься?

– Когда зачислим в кадры, тогда и объясним. Вас давно и хорошо знают в республике. Участок предстоящей работы – по вам. Научим, не боги горшки обжигают.

После бессонной ночи звоню в ЦК КПБ А.А. Смирнову:

– Может, не надо в КГБ?

– Не надо тех, кто просится, рвется туда. Если ты возра-

жаешь, то жди Мазурова, он вот-вот вернется из Гомельской области. И решай с ним вопрос.

Да, задачка! Что я скажу Кириллу Трофимовичу? За всю жизнь такого не было. Шел работать туда, где надо было. И не возражал. Как же поступить? Когда-то Мазуров не рекомендовал мне идти на должность начальника отдела ББ. А теперь вот рекомендует.

Есть решение, надо соглашаться.

Так по рекомендации Кирилла Трофимовича стал я чекистом. И проработал в КГБ десятки лет. Как работал? А судите сами: за эти годы из-под моего крыла вышло полтора десятка генералов госбезопасности, в том числе и генерал-полковники, генерал-лейтенанты.

Круто повернул когда-то мою судьбу Кирилл Трофимович.

* * *

Было это в 1972 году в Кабардино-Балкарии. К.Т. Мазуров с супругой Яниной Станиславовной отдыхали в Кисловодске. Поехали на экскурсию на Эльбрус. Провели в горах два дня, а в воскресенье хозяева проводили их до границы Ставропольского края. По местному обычаю у обочины дороги Нальчик – Пятигорск развернули на траве «скатерть-самобранку», а там – баранина, куры, индейки, всякие соленья, коньяки, вина. На отдельном ковре – дорогие подарки:

кинжал, рог тура, папаха, традиционная бурка горца, подарки для жены – меха норки и украшения.

Вышли из автомашины, Кирилл Трофимович спрашивает:

– Зачем все это? Мы ведь два часа назад пообедали в горах. Что это за подарки царские? Если это за государственный счет – не приму. Если это за вашу личную зарплату – тоже не приму. Вы же лишили свои семьи зарплаты на полгода.

Хозяева обескуражены... Законы горского гостеприимства предписывают дарить уважаемому гостю самое дорогое.

– Не убеждайте меня, дар не приму. Я – первый заместитель Председателя Совета Министров Союза и всегда препятствую таким замашкам – поживиться за государственный счет.

Наконец Кирилл Трофимович согласился, чтобы ему накинули на плечи традиционную бурку.

– Вот бы такую мне в партизанах или на фронте, – сказал он при этом. – И от снега, и от дождя, и от холода, и от жары. Остальное уберите...

Был я в Кабардино-Балкарии через семнадцать лет после этого случая. Многое уже забылось, а эту историю люди помнят и говорят:

– Вот это был государственный человек! Мазуров преподавал нам урок скромности и бескорыстия.

Горная Кабардино-Балкария помнит одного из лучших сыновей Беларуси.

* * *

Ноябрь 1978 года.

Пленум ЦК КПСС.

Члены Политбюро занимают места в президиуме. Среди них – К.Т. Мазуров.

Генсек Л.И. Брежнев открывает пленум. Повестка дня известна, но Брежнев внезапно объявляет:

– Поступило заявление товарища Мазурова с просьбой освободить его от обязанностей члена Политбюро и первого заместителя Председателя Совета Министров...

«Какое заявление? – думает Мазуров. – Не писал же я ничего...»

– Голосуем. Кто за? Единогласно.

Суслов подсовывает Брежневу записку, мол, надо объявить благодарность.

Брежнев:

– Ах, забыл. Объявляю Кириллу Трофимовичу благодарность. Он долгое время работал вместе с нами.

Раздались аплодисменты. Дружные, теплые.

Так Мазурова «уходили» с вершины власти.

Кирилл Трофимович в своей книге «Незабываемое» несколько по-иному пишет о той отставке. Видать, не хотел никого обижать. Я же пишу, как мне самому рассказывал Мазуров, а затем П.М Машеров, другие участники пленума.

* * *

Кирилл Трофимович Мазуров умер в конце 1989 года – в самый разгар антикоммунистической истерии. Похоронили верного сына земли белорусской в Москве на Новодевичьем кладбище. Проститься с ним в Центральный Дом Советской Армии пришли сотни людей. Когда Янина Станиславовна в декабре 1989 года забирала из больницы вещи мужа, она обнаружила среди них блокнот, в котором был наказ Кирилла Трофимовича внуку Кириллу, вступающему в жизнь:

Будь верен Отчизне —
Измены она не прощает...

Будь честен,
Учись и трудись,
Не гоняясь за чином.

Тогда ты и будешь
Великой страны
Гражданином.

Беларусь помнит Кирилла Мазурова. Одно непонятно. В Минске есть проспекты, улицы Машерова, Рокоссовского, Пономаренко, Козлова, Киселева, Лобанка. И это правильно. А проспекта Мазурова почему-то нет. Хотя всей своей жизнью он заслужил, чтобы его именем был назван проспект. И к строительству послевоенного Минска он имел самое прямое отношение.

Минчане с пониманием и благодарностью восприняли бы появление в столице проспекта Мазурова. Это было бы восстановлением исторической справедливости.

Кирилл Трофимович Мазуров не оставил семье после себя ни дач, ни машин, ни сбережений в банках. Но он оставил значительно больше – доброе имя.

ПЕТР МАШЕРОВ

Осенью 1953 года проходил Пленум ЦК КПБ. Заседали три дня. В зале духота, народу – человек 400. Все устали от речей и долгого сидения. Зал приглушенно гудел. Кто слушал вполуха, а кто вполголоса рассказывал анекдоты.

Мы, пинчане, обменивались мнениями.

– Ну чего переливают из пустого в порожнее? Говорили бы о том, что болит. Давайте скажем о своем...

Кто-то, кажется Иван Коростелев – секретарь Ивановского райкома, подзадорил:

– Давай, Эдуард, ты самый молодой.

Я быстро набросал записку в президиум: «Прошу слова». Когда вышел на трибуну, сказал примерно так:

– Товарищ Патоличев в своем докладе убедительно говорил о необходимости воспитывать кадры в духе принципиальности и честности. Мы в районной организации стараемся от этих принципов не отступать. Но давайте посмотрим, как само Бюро ЦК КПБ выполняло на деле эти принципы.

Обращаюсь к президиуму, где сидели члены бюро. А были там люди еще с довоенного состава.

– О какой вашей принципиальности можно говорить, когда вы порой необдуманно выдвигали руководящие кадры, представляли к орденам, высоким званиям? Хотите примеры? Пожалуйста. Алексей Клещев в июле 1941 года был

оставлен в тылу врага членом Пинского подпольного обкома КП(б)Б. Но в сентябре он покинул своих товарищей, ушел в родную деревню, отсиделся там, отрастил бороду, затем перешел линию фронта и оказался в комфортабельной «землянке» гостиницы «Москва». Просидел в столице до сентября 1942 года. Потом самолетом забросили Клещева в Пинскую область уже секретарем подпольного обкома партии. Через несколько месяцев ему присвоили звание генерал-майора, а затем и Героя Советского Союза. За что? Немца живого в глаза не видел. Уже через год – в октябре 1943 – снова был в советском тылу. А после освобождения Пинска назначили первым секретарем обкома. Позже стал первым секретарем Полоцкого обкома. «Советская Белоруссия» разделала его как бездарного руководителя. И что же? Через пару месяцев, в 1948 году, читаем Указ Президиума Верховного Совета БССР о назначении А.Е. Клещева Председателем Совета Министров республики. И только в июле 1953 года его освободили, направили на «райские курсы» в Москву, в резерв. Где же ваша принципиальность, товарищи члены Бюро ЦК? А как вы подходили к награждениям? Главный снабженец Белорусского штаба партизанского движения – нарком торговли – ухитрился получить не только орден Ленина, но и орден Красного Знамени, опять-таки не выходя из комфортабельной «землянки» гостиницы «Москва»...

Зал притих, не ожидали такого... Сидели так тихо, что пролети муха – было бы слышно. Для многих участников

пленума это было откровением.

К.Т. Мазуров сказал потом второму секретарю Пинского обкома партии В.И. Лузгину:

– Ну не умрет Эдуард своей смертью.

А мне на всю жизнь запомнилась реакция секретаря ЦК ЛКСМБ Петра Машерова. Он подошел ко мне в перерыве – высокий, худощавый, посмотрел, молча пожал руку. Улыбнулся. И – ни слова. Выходит, то, что я сказал с трибуны, было и ему близко. Значит, мы были единомышленниками.

Это подтверждалось потом не раз.

А Пленум ЦК 1953 года, когда я впервые встретился с Машеровым, мне не забыть. Почти полвека прошло, а помнится все, словно вчера это было.

* * *

Петр Миронович Машеров в августе 1955 года стал первым секретарем Брестского обкома партии. А в сентябре я уезжал на учебу в Москву.

– Жаль, что уезжаешь, – сказал тогда Машеров. – Если бы пришел я в область раньше, не отпустил бы. Мы бы еще с тобой вместе поработали.

Все три года учебы Петр Миронович держал в поле зрения нас – брестских студентов: меня, Василия Шваро, Татьяну Дудареву. К Новому году и к 1 Мая мы всегда получали от него весточку – денежный перевод. Для студента, особенно

семейного, это многое значило. А как завидовали нам товарищи из других регионов: «Надо же, три года не забывает вас первый секретарь обкома!..».

Судьба распорядилась так, что в сентябре 1958 года после завершения учебы я неожиданно для себя попал на работу в КГБ Белоруссии. Перед секретарем Брестского обкома партии П.М. Машеровым мне было совестно. Я ведь обещал, что вернусь в Брестскую область. А в апреле 1959 года он был избран секретарем ЦК КПБ. Я обрадовался этому. При первой же встрече сказал Петру Мироновичу:

– Камень с моей души свалился, когда Вас избрали секретарем ЦК, вину свою чувствовал все эти месяцы.

– Ну вот, теперь будем работать в Минске. Поручили мне, брат, курировать оргвопросы, кадры и правоохранительные органы. Ценю, что ты искренне переживал. Однако правильно сделали, послав тебя работать в органы безопасности. Не переживай!

10 мая 1965 года напутствовал меня Петр Миронович на руководящую работу в Москву – в Центр. Мы долго беседовали. Тепло попрощались. Оказалось, судьба развела нас надолго.

* * *

Будучи на отдыхе в Кисловодске, Петр Миронович спросил меня как бы между прочим:

– Вернулся бы в Белоруссию?

– Да я по шпалам пошел бы домой.

Разговор на этом закончился. Я тоже деликатно замолчал.

И Петр Миронович ничего больше не сказал.

* * *

С 1968 года я работал на Северном Кавказе.

В январе 1970 года со мной беседовал Ю.В. Андропов.

Вручая генеральские погоны, Юрий Владимирович сказал:

– Готовься к возвращению в Белоруссию. Будем рекомендовать тебя председателем Комитета...

Проходит месяц, два, три. И председателем КГБ БССР назначают Я.П. Никулкина. До этого его оформляли на пенсию. Ничего не понимаю, и спросить не у кого. Разговор тот был конфиденциальный, присутствовали только В.А. Крючков и

С.Н. Антонов. И только потом мне доверительно сказал Антонов:

– Знаешь, что произошло с твоим назначением?

– Нет, не знаю.

– Когда Юрий Владимирович доложил Брежневу о твоей кандидатуре, тот сказал: «Вы что, не понимаете, что Петро (так Брежнев называл Машерова) подтягивает к себе партизан? Мы же ничего не будем знать, что он там замышляет!».

Мог бы привести и другие факты, подтверждающие на-

стороженность Брежнева по отношению к Машерову.

Знал ли Машеров об этом? Думаю, это для него секретом не было. Но если и не знал, то чувствовал. Ведь он был человеком тонкой душевной настройки.

* * *

Выдающийся математик XX века Андрей Бомбрук утверждал: «Математика приводит в порядок умы. И учит системе доказательств. Человека, который знает математику, труднее провести на мякине. Он сумеет отличить правду от лжи».

Академик не был знаком с Машеровым и не знал, что Петр Миронович был преподавателем математики. Но сказанное им целиком относится к Машерову. Его трудно было «провести на мякине», он умел отличать правду от лжи. Об этих его качествах знали не только в Белоруссии.

* * *

Есть смысл сказать тут и о том, как я оказался на посту председателя КГБ Узбекистана. Выяснилось это, разумеется, позже, спустя годы. Оказывается, Машеров еще раз ставил вопрос о моем возвращении в Белоруссию. Как мог Андропов опять отказать Петру Мироновичу? Причин хаять меня не было. Потому и сделали красивый ход: выдвинули Нордмана, но – в Узбекистан.

Что тут скажешь? Машеров руководствовался добрыми чувствами, а «гореть» в Узбекистане пришлось мне...

* * *

Пять лет я был в почетной, так скажем, командировке в ГДР. Два раза в год приезжал в Союз. Каждый раз меня побратски встречали в Бресте и Минске. Зная занятость Машерова, не позвонил ему в очередной приезд. Совестно было отнимать у него время. Петр Миронович высказал мне обиду:

– Как же так, был в республике и не позвонил? Прошу тебя, впредь не поступай так.

Больше я себе подобного не позволял. В Минске делал остановку на несколько дней. В гостинице «Октябрьская», а чаще в особняке по Войсковому переулку мне всегда было уютно. В каждый приезд наши беседы с Машеровым были долгими и в высшей степени откровенными.

Последняя наша встреча состоялась за год до трагедии.

В 18 часов позвонил помощник Машерова Виктор Крюков:

– Петр Миронович ждет. Машина за тобой вышла.

Приехал в ЦК. Зашел к Крюкову, подождал, пока от Машерова вышел кто-то из секретарей ЦК. В кабинете сразу после рукопожатия Петр Миронович говорит:

– Поедем-ка в Дрозды. Полина Андреевна наготовила

драников твоих любимых. На даче и продолжим разговор.

Лифтом спустились вниз. (Петра Мироновича кто-то из аппарата отвлек по срочному делу.) Стоим с сотрудниками из охраны. Давно знакомые ребята. Во дворе две машины: «ЗИЛ-17» и сзади «Волга» охраны.

– А где, – спрашиваю, – спецмашина сопровождения?

– Она идет у нас впереди метров за 500–600, – отвечает начальник охраны полковник Валентин Сазонкин.

– Как же можно так ездить, да еще в такой туман? Впереди «ЗИЛа» должна быть машина прикрытия.

– Мы не раз говорили Петру Мироновичу, а он – ни в какую. Скажите вы ему, он к вам прислушается.

Сели в «ЗИЛ». Улучив момент, говорю:

– Петр Миронович, непорядок – машины сопровождения впереди нет.

– Ты же знаешь, я не люблю кортежей.

– Да не о кортежах, о безопасности идет речь.

Короче, разговор не получился. Вижу, ушел он от обсуждения этой темы. Но человек я настырный, есть у меня такой грех. Еще раз улучив момент после ужина, я снова взялся за свое:

– Петр Миронович, я очень вам советую изменить порядок сопровождения машины. До добра это не доведет. Разве можно так, да еще при таких туманах? Я бы никогда не позволил такое.

– Я помню, как ты организовывал мою охрану на Север-

ном Кавказе и в Ташкенте. Ты бы мою машину зажал в кольцо.

– В кольцо не в кольцо, а впереди машину поставил бы обязательно. У меня на Кавказе другого выхода не было. Там не было широких минских проспектов. На Кавказе условия более чем жесткие. Но за все годы ни разу не было ЧП, хотя иногда, бывало, на грани ходил, как говорится, по лезвию ножа и не раз хватался за валидол.

– Ну, хорошо, оставим, Эдуард Болеславович, этот разговор.

Человек я заводной, завел разговор о другом, но по сути о том же:

– Вот Вы пристрастились к вертолету и уже два раза садились «на брюхо». Кому это надо?

– Да, но вертолет – дело хорошее. Я в разных точках республики могу побывать за короткое время.

Спор наш слушала Полина Андреевна Машерова. Через лет 6—7 она сказала мне:

– Я до сих пор помню ваш разговор с Петром Мироновичем во всех деталях...

* * *

Самое странное было утром следующего дня. Звоню по вертушке председателю КГБ Я.П. Никулкину (в Белоруссию рекомендовал его друг К.В. Русаков, помощник Генсека, а

потом секретарь ЦК КПСС)...

– Яков Прокофьевич, меня беспокоит, как организовано сопровождение машины Петра Мироновича. Так ведь и до беды недолго.

– А чего тебя это беспокоит? Чего лезешь не в свои дела?

Отбрил он меня, наивного, чисто. В ответ говорю:

– Ты не сердись, Яков, за мое неуместное вмешательство, но ты же понимаешь, чем все может кончиться, когда охрана допускает безразличие к требованиям безопасности охраняемого лица. Ты же знаешь решение Политбюро и приказ КГБ СССР. Там четко записано: лично отвечает за жизнь охраняемого начальник КГБ. В данном случае – ты...

– Знаю, я не раз говорил об этом Машерову. Он слушать не хочет. Пошел он... Сам в Политбюро, сам принимает решения, сам не выполняет, а я должен его убеждать...

Вот такой получился странный разговор...

Уезжал я из Минска с тяжелым сердцем и необъяснимым дурным предчувствием.

Прошли годы, а душа не может успокоиться. Нет ли моей вины в той трагедии, которая случилась 4 октября 1980 года?

Вины моей нет, но все же, все же...

Не сумел убедить Петра Мироновича. Не сумел. В других вопросах мог, а здесь не получилось.

Подсознательное чувство вины остается, избавиться от него не могу, потому что дорогим он был для меня человеком...

* * *

Читатель, видимо, ожидает от меня ответа на вопрос: преднамеренно ли была создана ситуация, приведшая к гибели Петра Мироновича? Был заговор против него или нет?

Анализируя все, что происходило в семидесятые и восьмидесятые годы вокруг Петра Мироновича, я прихожу к однозначному выводу: П.М. Машеров стал жертвой стечения роковых обстоятельств.

Смею предположить, что этих обстоятельств могло и не быть, если бы службу безопасности возглавлял тогда такой генерал, как Леонид Ерин.

БЫЛО 4 ОКТЯБРЬ.

ПРЕДЛАГАЛОСЬ 8 СЕНТЯ

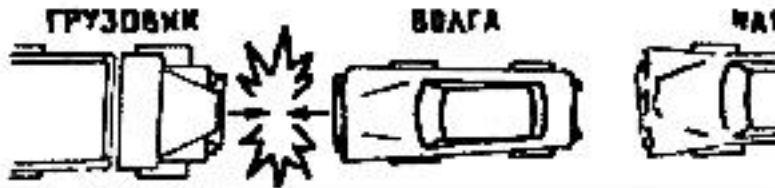

Схема трагической аварии 4.10.1980 г. и как ее можно было бы избежать.

Прошло более двадцати лет со дня той трагедии. За эти годы меня никто из официальных лиц ни прокуратуры, ни КГБ, ни МВД даже не спросил, никто не поинтересовался моим мнением. Только случайно я попал на передачу ОРТ «Как это было». На вопрос ведущего: «Был ли заговор, не преднамеренно ли убили Петра Мироновича?» я дал обстоя-

ательный ответ. Но это было на записи. А в передачу этот ответ не попал. При монтаже остался лишь его «осколок». И это опять информация к размышлению. Пусть читатель судит сам. Пусть сам выстраивает цепочку роковых случайностей. Любой из нас имеет право думать...

* * *

Кто сомневается в популярности Машерова, пусть заглянет на Московское кладбище на Пасху. Там всегда у его могилы лежат разноцветные пасхальные яйца. Их приносят простые люди Беларуси. Не по команде приносят, по подсказке души, сердца, ума.

Я бывал у этой могилы не один раз.

Когда-то он, каменный Петр Миронович, казался мне улыбчивым.

И вот стою здесь снова. И почему-то не замечаю прежней улыбки в облике Машерова.

Понимаю, что так не может быть. Ведь памятник – это камень. Однако на лице Петра Мироновича мне теперь видится почему-то тень глубокой озабоченности.

Понимаю, камень не меняется. И все же, все же...

Видимо, меняемся мы. И в наших душах поселились озабоченность и тревога.

* * *

Теперь иногда говорят, что первый секретарь ЦК КПБ фактически был президентом БССР. Мысль сама по себе симпатичная, но она не соответствует действительности. Первый секретарь ЦК КПБ не отвечал непосредственно за оборону республики. На ее защите стоял лучший в СССР Краснознаменный Белорусский военный округ, все Вооруженные Силы СССР. Первый секретарь ЦК КПБ лишь символически интересовался делами на границе, поскольку границу держали на замке отборные пограничные войска СССР. У первого секретаря ЦК КПБ не очень болела голова за внешнюю политику: МИД Белоруссии спокойно делал свое дело под руководством МИД СССР. А к каждому слову министра Андрея Андреевича Громыко прислушивались в то время на всем земном шаре.

Первому секретарю ЦК КПБ не приходилось искать средства на более или менее крупную стройку – на такие объекты давала деньги великая Страна Советов.

Не был Машеров президентом БССР.

Он был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КПБ, членом Президиума Верховного Совета СССР, Героем Советского Союза, Героем Социалистического Труда.

Он был одним из лучших сыновей белорусского народа.

Он был во всех отношениях порядочным человеком.

СЕРГЕЙ ПРИТЫЦКИЙ

Сергей Осипович по праву считается видным белорусским государственным деятелем, прославленным участником национально-освободительного движения. Был замечательный фильм «Красные листья». Это о нем, о Притыцком. Правда, говорят, что в фильме есть домысел. Не без этого, наверное. Но главное состоит в том, что фильм построен на реальной биографии молодого западнобелорусского революционера. Главное в этом фильме – его четыре выстрела 27 января 1936 года в здании Виленского суда.

* * *

Из записок С.О. Притыцкого

26 января целый день блуждал по улицам Вильно с пистолетами в карманах, испытывал наслаждение жизнью и всем, что меня окружало. Кто знает, буду ли я жить завтра. День был пасмурный и холодный, но он казался мне чудесным. Никогда я так жадно не вдыхал воздух, никогда для меня не были такими прекрасными небо и вода в Вилии, как в тот день. И все люди мне казались необычайно добрыми...

Утром 27 января направился в окружной суд.

Наконец председатель суда объявил: «Пригласить свидетеля Якова Стрельнука». Раскрылись двери, и из кабинета

прокурора вышел он, провокатор.

Мгновенно вынув из карманов оба пистолета, направился к судейскому столу. Направив один пистолет под правое ухо, второй в спину, нажал на оба курка одновременно. Прозвучали два выстрела. В зале поднялась большая паника. Судья и прокурор полезли под стол, публика бросилась к выходу. Для большей уверенности я послал еще две пули...

Шпики выхватили пистолеты и открыли по мне огонь... И только тогда перестали стрелять, когда посчитали, что я мертв.

В июне 1936 года Виленский окружной суд вынес мне приговор: смертная казнь через повешение...

Полтора года просидел в камере смертников в ожидании той минуты, когда меня поведут на виселицу... Потом смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Свобода пришла в сентябре 1939-го...

** * **

Работали мы в 50-е годы в разных областях: Притыцкий – в Гродненской, Барановичской, Молодечненской, я – в Пинской и Брестской. Думаю, что до лета 1953 года он мог обо мне и вовсе ничего не знать. Был я тогда первым секретарем райкома партии в полесской глубинке, в Телеханах.

В 1960 году встал вопрос о начальнике Минского управления КГБ. Полковника Зимина сняли за грехи 1937 года.

Ивана Терентьевича Скарубина утвердили в этой должности на бюро обкома партии. При этом первый секретарь обкома партии Сергей Осипович Притыцкий не согласовал вопрос ни в ЦК КПБ, ни в Комитете Союза. А там возражали против кандидатуры Скарубина. Кажется, были претензии по доверенной работе. Подробности не знаю.

Прошло три-четыре месяца, а может быть и больше. Скарубин работает, но «наверху» его не утверждают. Притыцкий твердо стоит на своем, не отступает. Ни Мазуров – первый секретарь ЦК, ни Машеров – секретарь ЦК по кадрам никак не могут убедить первого секретаря обкома. Наконец сказали безоговорочно: «Скарубин работать не будет».

Летом 1961 года позвонил мне в КГБ БССР по правительственной «вертушке» П.М. Машеров.

– Зайди ко мне в ЦК.

Зашел.

Состоялся разговор о делах вообще, об обстановке в КГБ республики.

– Ну вот что, пойдешь работать начальником областного управления – Минского или Брестского, – сказал Машеров.

– Петр Миронович, Брестская область – это моя область. Там вырос, знаю людей, и меня знают. Но небольшой чекистский опыт не позволяет мне согласиться с вашим предложением. В Бресте, на границе, надо ежедневно принимать решения. Что же я буду каждый день бегать в КГБ республики за советом? А Минская область для меня почти что новая.

Никого здесь не знаю.

Так и разошлись, не приняв решения.

Через парочку дней снова последовал звонок от Петра Мироновича:

– Я звонил Кириллу Трофимовичу в Карловы Вары, советовался с ним. Он сказал: «Решайте сами на месте». Думаю, что у тебя резонные возражения по Бресту. Пойдешь работать в Минскую область.

Меня удивило то обстоятельство, что в КГБ республики со мной никто не говорил, в Минском обкоме – тоже. Притыцкий в те дни отдыхал на юге.

Утвердить-то утвердили, но как работать в области, если первый секретарь обкома согласия не давал?

Помню мой первый доклад у Притыцкого. Не скажу, что был холодный прием, но и не теплый.

– Ну что ж, работайте...

– В том смысле, раз уж утвердили...

Так продолжалось несколько месяцев.

Как-то мне пришлось по поручению первого секретаря обкома разбираться в одном кляузном деле. Клубок склочников – это как клубок змей. Разобрался, принес справку по делу. Притыцкий задал единственный вопрос:

– Насколько достоверна ваша информация? Могу докладывать в ЦК?

– На 99 процентов достоверная, но, повторяю, ситуация скользкая.

– Ну что ж, не впервой, выдюжим. Давайте бумаги, распишусь.

– Думаю, вам не надо этого делать, Сергей Осипович. Если вы доверяете мне, то в случае скандала я все возьму на себя. Зачем же мне вас подставлять? Я умею отвечать за себя.

Притыцкий с удивлением посмотрел на меня и произнес:

– А меня всегда просили визировать документ в острых случаях.

Как мне кажется, после этого эпизода отношение ко мне изменилось. До конца своих дней С.О. Притыцкий относился ко мне доверительно и тепло.

* * *

Вообще-то у Сергея Осиповича были основания обижаться на чекистов сороковых годов. Министр госбезопасности Белоруссии Лаврентий Цанава готовил его арест, получив на то согласие Берии. Тогдашний первый секретарь ЦК КПБ Н.С. Патоличев решительно запротестовал и не дал свершиться черному делу. Патоличев позвонил Сталину, рассказал о планах Цанавы. Сталин выслушал и сказал:

– Притыцкого надо сбережь.

Этого оказалось достаточно.

Было и такое. И тем не менее можно с уверенностью сказать, что к работе чекистов Притыцкий относился с пониманием и уважением. Он всегда умел дойти до истины...

* * *

Случилось ЧП в БГУ. Группу студентов отделения журналистики исключили из университета и комсомола за «антисоветчину» и злостное хулиганство. Звонит первый секретарь обкома партии С.О. Притыцкий:

– Почему не докладываешь о ЧП в университете?

– А что случилось, Сергей Осипович?

– УКГБ даже не знает, что случилось?

– Дело в том, что мы оперативно не занимаемся университетом. Этот вопрос не ко мне.

– Я прошу разобраться. Дело серьезное, уголовное.

– Естественно, я сообщил о звонке С.О. Притыцкого председателю КГБ республики В.И. Петрову.

– А чего разбираться, там все ясно, – сказал Петров. – С ректором я разговаривал.

– Но у меня персональное поручение Притыцкого.

– Ну, раз поручение, то разбирайся.

Я пригласил Разуменко и Свиржевского – молодых и толковых чекистов – и попросил разобраться и доложить «из первых рук».

Они быстро выяснили суть конфликта.

Случай был, конечно, безобразный, но исключать студентов, уже сдавших государственный экзамен, было чрезмерно жестоким наказанием. Тем более что не имелось оснований

возбуждать уголовное дело, к тому же по «антисоветской» статье.

На второй день я попросил пригласить университетских «героев» на беседу в управление. Ребята, конечно, перетрусили.

В КГБ! Что-то будет теперь с ними. Мало того, что исключили из университета с «волчьим билетом», так еще и в КГБ зовут.

Студенты рассказали, все как было.

А было так. Сдали последний экзамен и решили, как водится, отметить. Скинулись, купили водки, вина, немудреной закуски. Захмелели. Потом сложились еще, прикупили вина. На закуску уже не хватило. Хмель и ударил в молодые головы. И пошли выяснять отношения с преподавателем марксизма-ленинизма, который занимал комнату в том же студенческом общежитии. Припомнили ему девочек-студенток, к которым он был равнодушен. Слово за слово, и кто-то по-революционному решил: «Жуй партбилет, негодяй, или выбросим в окно с четвертого этажа». Кто-то уже схватил донжуана за шиворот. Слава богу, до трагедии не дошло.

Банальная история. Можно было понять ребят, оскорбленных в своих мужских чувствах.

Перепуганный преподаватель утром написал большое заявление ректору и в партком. Доложили в горком, министру, в ЦК. Чем больше вовлекалось людей, тем страшнее выгля-

дело дело.

О результатах расследования доложил С.О. Притыцкому. Надо было видеть его возмущение:

– Вот как можно извратить факты и покалечить судьбы людей.

– Какие предложения, Сергей Осипович?

– Отменить приказ об исключении ребят из БГУ. Преподавателя П. привлечь к ответственности за аморальное поведение.

– Как же люди, вчера исключавшие, будут восстанавливать?

– Ректор – человек мудрый, поймет. Думаю, что он действовал под влиянием необъективной информации. Другим, кто давал указание «привлечь и строго наказать», будет наука. К судьбам людей нельзя относиться под влиянием эмоций.

Как сложилась судьба молодых журналистов, спасенных от «волчьих билетов», не знаю, так как вскоре уехал на работу в Москву. Но в январе 1968 года получил от Валерия Высоцкого (главного «героя» этого дела) небольшой сборник очерков с надписью: «Дорогому Эдуарду Болеславовичу в знак уважения и на память о Минске от автора». Не стану скрывать, это была для меня приятная неожиданность и награда.

На охоту и рыбалку ездили всегда вместе. Он не любил шумных компаний и застолий. Осенью и зимой на охоте –

100 граммов для «сугрева», сало, черный хлеб, луковица. Никаких разносолов. И терпеть не мог на охоте или рыбалке обсуждать деловые вопросы.

Как-то напросился на охоту министр финансов. И пошел о делах. Он не знал, что Притыцкий в подобной обстановке не выносил таких разговоров. Больше министра в охотничью компанию не приглашали.

* * *

Из почты С.О. Притыцкого. 24.3.1956 года

... Уже солнце светит по-весеннему, хотя ночью жмет не мартовский, а февральский мороз. Снег на солнце тает и, как дым, уносится в воздух. Если так будет и дальше, то земля останется ненапоенной водою, а луга неудобренными весенним половодьем. Таким образом, и без того запущенная и опустошенная наша белорусская земля не даст должного урожая, о котором так много мы беспокоимся, пишем и говорим....

Хорошо помню ваше приглашение приехать к вам в Молодечно. Этого я не забываю и очень хочу поехать к вам...

Якуб Колас

* * *

Еще один штрих к портрету Сергея Осиповича.

В мою бытность начальником Минского УКГБ возник «бунт». К зданию обкома партии пришла большая группа рабочих и работниц тракторного и других заводов. Возбужденные люди требовали встречи с первым секретарем обкома. Встреча состоялась.

Рабочие возмущались, почему их детям не дают учиться в русских школах. Доводы о том, что русских школ в Минске достаточно, их не убедили.

– Вы своих детей учите в русских школах, а нашим – только белорусские. Почему такая несправедливость к рабочему человеку? Почему закрываете нашим детям дорогу в ленинградские и московские институты?

– Да наши дети учатся в минских институтах...

Пришлось учитывать требования людей.

Долго не мог успокоиться Сергей Осипович, коренной белорус: Вот пугают белорусским национализмом. А каким «...измом» назвать это явление?

Сергей Осипович помнится мне простым, скромным, веселым, принципиальным.

Он был настоящим коммунистом, а не партбилетчиком.

* * *

Имя Притыцкого уже вписано в историю Беларуси. В ней есть свои приливы и отливы, в разное время она может иметь разную окраску, но Притыцкий непременно остается в памя-

ти народной. Такие самородки из народных глубин выдвигаются не так часто.

В Минске есть улица имени Сергея Притыцкого. Иногда по ней проходит уже немолодая, но красивая в свои годы женщина. Здесь ее никто, пожалуй, и не знает. Это Татьяна Ивановна Притыцкая, прошедшая вместе с Сергеем Осиповичем всю жизнь, пережившая с ним все, что пережил он.

* * *

– Ты был в Чехословакии?

– Да, Сергей Осипович.

– А в Лидице был?

– Не был. Видел в кинохронике. Читал, слышал.

– Чехословаки сумели сделать мемориал сожженной деревне, а мы вот до сих пор не смогли. Есть, конечно, обелиски. Есть неплохие памятники в глубинке. А надо бы сделать мемориал, доступный людям, недалеко от Минска. Подумай, партизан, поразмышляй.

– А чего размышлять, Сергей Осипович. Я знаю – целые районы сожжены, люди уничтожены.

Стал перечислять: «На Полесье, в Витебской области и других местах».

– Надо, чтобы это было в центре республики, желательно недалеко от Минска и дороги. Мы уже обсуждали этот вопрос с К.Т. Мазуровым, П.М. Машеровым, В.И. Козловым. Они тоже знают сотни сожженных деревень. Есть прикидки.

Но и ты подумай.

Взялся за дело с радостью. Побывал во многих местах. Вдоль Логойского шоссе много сел, сожженных фашистами. Они отстроены заново. В одном селе оккупанты расстреляли около 500 человек. Но на этом месте построили коровник. В другом – многие были в партизанах, но и в полиции было немало.

В воскресенье поехал за грибами в излюбленное место. Кругом молодой сосняк и ельник. Встретил старика. Разговорились:

– Что за деревня была на этом месте? Почему не отстроили заново?

– Деревня Хатынь. Строить некому. Всех людей немцы уничтожили. Один я остался в живых.

Долго и подробно рассказывал старик о трагедии Хатыни. Грустным был рассказ Иосифа Каминского. С него, с натуры, талантливый белорусский скульптор Сергей Селиханов изваял старика с мальчиком на руках.

В понедельник я рассказывал С.О. Притыцкому о тех деревнях, где можно было, на мой взгляд, строить мемориал. Рассказ о Хатыни его заинтересовал.

Вскоре К.Т. Мазуров, П.М. Машеров, Т.Я. Киселев, С.О. Притыцкий, А.Т. Кузьмин, В.Ф. Мицкевич поехали смотреть место. Так рождалась всемирно известная Хатынь. Скульпторы и архитекторы просто и гениально увековечили трагедию белорусского народа. Ничего не придумано. Толь-

ко правда, трагичная, горькая правда. Людская скорбь, символ мужества.

* * *

Притыцкий знал всех белорусских писателей. Со многими дружил. Особенно теплые отношения у него были с Якубом Коласом, Кондратом Крапивой, Петрусем Бровкой, Михасем Лыньковым, Аркадием Кулешовым, Иваном Шемякиным, Максимом Танком, Янкой Брылем. У рыбацкого костра на Нарочи иногда засиживались до утра...

* * *

Татьяна Ивановна часто с ним советуется, как с живым, старается представить, как бы он отнесся к тому, что происходит сегодня в нашей жизни...

Жизнь, которую так любил Сергей Осипович, продолжается...

Фильм «Красные листья» я смотрел не один раз. Появится он на телеэкране снова – буду смотреть опять.

ШАРАФ РАШИДОВ

Осенью 1974 года я прибыл в Ташкент в должности председателя Комитета госбезопасности республики.

Узбекистан был на подъеме. Руководящие кадры в ЦК, Совете Министров, ведомствах производили хорошее впечатление – грамотные, компетентные люди. Многие работают до сих пор.

Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидов помогал мне освоиться с обстановкой. Он был человеком высокой культуры. Непьющий. Много ездил по областям. Предпочитал ездить поездом, ночевал в вагоне. Излишеств не допускал. Участник Великой Отечественной войны. В 1942 году старший сержант Рашидов был ранен на фронте.

В общем, я попал в хорошую, благожелательную обстановку. Начало было обнадеживающим. Вскоре меня избрали депутатом Верховного Совета СССР по Самаркандскому округу № 616. Республика большая – 11 областей и Каракалпакская АССР, население более 20 миллионов человек (теперь уже 25). Забот хватало.

Вроде бы все шло хорошо. Но беспокоило то, что в руководстве республики была какая-то напряженность, шла подспудная борьба, плелись интриги. Я в них участия не принимал.

Ю.В. Андропов, посылая работать в Узбекистан, особо

подчеркивал: «Твоя основная задача делом убедить узбекских товарищей, что КГБ не работает против них». Дело в том, что шли жалобы в ЦК КПСС, будто чекисты подслушивают, «разрабатывают» их и прочие вымыслы. Но если члены Бюро ЦК вскоре поверили, что я не веду двойной игры, ко всем отношусь ровно и непредвзято, то кое-кому (фамилии не называю сознательно) это не нравилось, и в ход пошли наговоры. В конечном итоге Рашидов начал верить им...

Были ли попытки использовать КГБ в борьбе одной группы против другой? Попытки были, но успеха не имели.

Шараф Рашидович – личность незаурядная. Очень много сделал для развития экономики, науки, искусства, литературы в республике. При нем выросли кадры, способные решать сложные проблемы Узбекистана. Один из них – Ислам Каримов, талантливый организатор и мужественный политик. Сегодняшние лидеры многим обязаны тому времени, когда Рашидов 30 лет руководил республикой.

Я никогда не верил вымыслам и домыслам о Рашидове. Добрые отношения были и с его семьей. Подавал большие надежды сын Володя (Ильхом). Умный, исполнительный был офицер КГБ. Ничего не знаю о его теперешней судьбе.

Допускал ли ошибки Рашидов? Конечно, ошибался. Мог ошибаться, но иногда умел и признавать свои ошибки.

Приведу пример. Летом 1983 года меня вызвали из ГДР в Москву по поводу новой работы. Заместитель председа-

ля КГБ СССР генерал-полковник Г.Е. Агеев, только что вернувшийся из командировки в Ташкент, поделился со мной впечатлениями о поездке: «Знаешь, что сказал мне Рашидов? Я допустил большую ошибку и сожалею о том, что убрал Эдуарда с поста председателя КГБ республики».

Думаю, он понял, что если бы я оставался в Узбекистане председателем КГБ, разгула беззакония Гдляна – Иванова не допустил бы никогда. Уверен в этом.

Боролся я вместе с Ш. Рашидовым и другими товарищами против негативных проявлений в республике. А их было немало. И это беспокоило первого секретаря ЦК. Вспоминаю, как однажды вечером Шараф Рашидович пригласил меня прогуляться по даче. Долго мы ходили, может, два, может, три часа. Обсуждали проблемы республики. Особую тревогу у него вызывали случаи коррупции, взяточничества. В то время МВД возбуждало одно дело за другим. Министр Хайдар Яхьяев демонстрировал по телевидению золото, украшения, пачки изъятых денег. Это производило впечатление.

– Как бороться с коррупцией, взяточничеством? Что Вы посоветуете? – обращался ко мне Рашидов.

– Я думаю, что Вам, Шараф Рашидович, надо на готовящемся Пленуме ЦК в своем докладе резко, жестко сказать об этих явлениях и предупредить всех, что ЦК будет беспощадно наказывать, невзирая на лица, невзирая на ранги и старые заслуги.

Ваш авторитет очень высок и Ваше слово будет действен-

ным, отрезвит кое-кого. Если Вы лично возглавите борьбу – это будет благом для узбекского народа. Если эту борьбу возглавят другие, со стороны, то я не могу предсказать последствия.

Он поблагодарил меня за совет. Обещал сделать. Но не сделал.

* * *

Шла подготовка к очередному республиканскому партийному активу. С докладом должен выступать первый секретарь ЦК КП Узбекистана, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ш.Р. Рашидов. В повестке дня вопрос: «Об усилении идеологической работы в республике».

Шараф Рашидович попросил меня подготовиться к выступлению на собрании (на нем присутствовало около тысячи человек). Пытался отказаться под предлогом того, что я новый человек в республике и мне рано давать какие-то оценки идеологической работе. Не помогло. Выступать пришлось.

Готовился тщательно. Выверял каждую мысль, каждую фразу. Это ведь было мое первое выступление перед такой аудиторией. Приходилось учитывать, как слушатели будут оценивать нового председателя КГБ. Если отделаться общими фразами из передовицы «Правды», то придаться будет не к чему. Если сказать резко о том, чем располагал комитет,

то последствия непредсказуемы. Как поступить?

Решил говорить правду, аккуратно формулируя каждый тезис. Действовать, как выражаются футболисты, «на грани фола», но говорить правду. О проявлениях национализма, об усилении реакционной секты «Братья-мусульмане». И особо щепетильная тема – коррупция и взяточничество. Я зачитал письмо узбека – рабочего из Хорезма, в котором он с возмущением говорил о поборах при поступлении детей на учебу, обращении за справками и т.п. Перед выступлением проверил, не анонимный ли автор. Нет, рабочий человек, семья – 8 детей. Комментируя письмо, спрашивал аудиторию: «Что сказали бы нам, сегодняшним, коммунисты 20–30-х годов? Советская власть – и взяточничество? Это позор нам, коммунистам 70-х».

Выступление вызвало большой резонанс в республике. С трибуны было сказано то, о чем говорили втихаря, шушукаясь.

Правда, Рашидов со мной после этого холодно здоровался, может, месяц, а то и два. Ю.В. Андропов сказал при встрече: «И чего ты вылез на трибуну? Ты мне живой нужен в Узбекистане».

В общем, я сам себе подписал первый приговор. Как говорили древние китайцы, кто говорит правду – своей смертью не умирает.

Восток – дело тонкое. Расскажу один житейский эпизод, достойный внимания.

Было традицией: на открытие охоты на уток в сентябре выезжать небольшой компанией – Ш.Р. Рашидов, второй секретарь ЦК КП Узбекистана, командующий ТуркВО и председатель КГБ. В 1976 году пригласили меня, впервые. Командующий округом Степан Ефимович Белоножко предупредил об этом недели за две. Для охотника этот день – святой. Готовится снаряжение – патроны, одежда и т.д. О еде не беспокоились, так как охотились на военно-спортивной базе округа. Спустя неделю Белоножко звонит мне:

– Не пойму Рашидова, поедет он на охоту или нет. Ты у него будешь, узнай, пожалуйста.

– Хорошо, сегодня буду у него, узнаю.

После доклада деликатно спрашиваю Рашидова:

– Состоится ли поездка на охоту?

– Да, обязательно.

– Шараф Рашидович, можно пригласить на охоту Володю (сына Рашидова, страстного охотника, отличного стрелка)?

– Он Ваш подчиненный. Вы и решайте.

Через пару дней встречаю Володю:

– Ну как, готовишься к охоте? Ружье подготовил?

– Нет, отец ничего не говорил. Он и сам не собирается.

Звоню Белоножко:

– Степан, Шараф Рашидович не собирается ехать, что бу-

дем делать?

– Прошу тебя, Эдуард Болеславович, еще раз уточни у Рашидова.

На второй день снова спрашиваю:

– Планы на выходные дни не изменились, Шараф Рашидович?

– Изменились, не поеду, пишу книгу.

– Ну, тогда я тоже не поеду.

– Нет, Вы обязательно езжайте втроем.

– Да у меня, Шараф Рашидович, в Ташкенте есть заботы.

– Езжайте обязательно, не срывайте охоту.

В пятницу, после работы, выехали автомашинами на спортивную базу ТуркВО. На вечерней зорьке постреляли. Лет утки был слабый. Утренняя зорька была более удачной, убили несколько чирков и одну крякву. К 9.30 вернулись на лодках на базу. Встретил дежурный офицер радиостанции:

– Товарищ командующий, звонил Первый (позывной Рашидова). Приказано к 10.00 всем прибыть в Ташкент, в ЦК. Вертолет вылетел, через 15 минут прибывает.

Гадаем, размышляем, что же случилось? Может, какие-то международные осложнения? Спрашиваем дежурного, может, утром траурную музыку по радио передавали? Нет, все нормально, как обычно.

Сборы были недолгими. Позавтракать не успели. В вертолете продолжали гадать, что случилось? Прибыли в Ташкент на военную вертолетную площадку. Договорились: быстро

побриться и переодеться. Пришли на 5-й этаж в ЦК. Народу собралось много – министры, заведующие отделами ЦК, телевидение, журналисты.

Спрашиваю у знакомых:

– По какому поводу собрались, давно ждете?

– Ждем уже почти два часа.

– Кого ждете?

– Вашего приезда.

Доложили Рашидову о нашем прибытии. Все пошли в зал заседаний.

Рашидов объявляет: поступила телеграмма дорогого Л.И. Брежнева в адрес известного мастера – резчика по дереву. Зачитывает короткую телеграмму с благодарностью за узбекскую табуретку с инкрустациями. Мастеру вручили подарок Брежнева – золотые часы с автографом. Процедура заняла 8–10 минут.

– Все, можете расходиться.

Мы переглянулись и молча выругались.

Через несколько дней поехали в Москву на сессию Верховного Совета СССР. На регистрации в Кремле предупредили: С.Е. Белоножко явиться к министру обороны Д.Ф. Устинову, Л.И. Грекову – к секретарю ЦК КПСС И.В. Капитонову, а мне – к заведующему отделом административных органов ЦК Н.И. Савинкину.

Командующий округом генерал-полковник Белоножко после разговора у министра был расстроен. Деталей разго-

вора не рассказывал. Жалко было смотреть на этого могу-чего, мужественного фронтовика-танкиста. Юмора в министерстве не понимали, врезали генералу. Второй секретарь ЦК Греков только чертыхнулся после разговора у Капитонова.

Ну а разговор со мной у Савинкина:

– Что же это вы решили устроить стрельбу из пулеметов и автоматов по уткам?

– Николай Иванович, охотились на чирка, стреляли бекасинником (размер пшеничного зернышка). Пулеметов и автоматов под такие «пули» не существует в мире.

– На, почитай письмо из Узбекистана.

Читаю: «Когда весь народ республики беззаветно трудился на уборке хлопка, три члена Бюро ЦК Греков Л.И. – второй секретарь, Белоножко С.Е. – командующий ТуркВО и Нордман Э.Б. – председатель КГБ устроили канонаду на водоеме в 100 км от Ташкента. Стреляли из пулеметов и автоматов». Подпись – трудящиеся Ташкента. Почерк письма искажен, но опытным глазом можно было определить, что автор с высшим образованием.

– Николай Иванович, Вы, старый охотник, можете себе представить стрельбу по чиркам картечью или из пулемета? Большого абсурда трудно придумать.

В ЦК с юмором было все в порядке. Меня поняли. Рассказал «в картинках» всю предысторию с охотой. Ясно – провокация. Н.И. Савинкин пожурил, что так по-глупому подста-

вились.

Прочитав анонимное письмо, я попросил Савинкина дать его мне на несколько дней для установления авторства. Неохотно, с оговорками письмо мне дали, но с условием – вернуть обязательно, следов на письме не оставлять, пакет не прошивать.

С тем и поехал в Ташкент. Пригласил надежных чекистов. Те быстро, в течение дня, установили, из какого почтового ящика

(на самой окраине города) отправлено письмо, точное время выемки письма. Установили, что в район почтового ящика в это время выезжала дежурная автомашина КГБ и по чьему распоряжению (существовавший бюрократический порядок регистрации поездок автомашин сослужил хорошую службу). Не составило большого труда установить, в каком кабинете и кто писал анонимку. В тот день три товарища долго сидели, закрывшись в кабинете одного из моих заместителей.

Позвонил по ВЧ-связи в Москву Савинкину.

– Николай Иванович, авторы известны (назвал фамилии и должности). Картина мне ясна. Буду поднимать скандал.

– Не горячись, не предпринимай никаких действий. Скоро позвоню, никуда не отлучайся.

Вскоре раздался телефонный звонок по ВЧ.

– Никаких действий, никому ни слова. Письмо срочно спец-почтой пришли в Москву, конверт не повредите.

Вот и рассуди, читатель, как фабрикуются фальшивки и стряпаются провокации.

Между прочим, мне задали вопрос в ЦК КПСС: как же так можно работать? С кем же ты работаешь? Кто с тобой рядом?

Вот так жили и работали. До сих пор не пойму, почему запретили вывести на чистую воду анонимщиков. Если бы тогда дали по рукам провокаторам, это было бы хорошим уроком. А так ведь они (авторы) до сих пор убеждены, что все шито-крыто. Если сегодня они или их внуки будут настаивать, то я могу назвать поименно каждого. К счастью, живы свидетели и остались вещественные доказательства в архивах.

* * *

Летом 1977 г. меня пригласили заместители председателя КГБ СССР В.М. Чебриков и В.П. Пирожков. Разговор был корректный. После инспекторской проверки было принято решение переместить из КГБ Узбекистана в другие регионы страны некоторых начальников, засидевшихся в Ташкенте.

Мне было предложено быстрее освободить их от работы. Я заявил, что это не в моей власти. Эти товарищи были номенклатурой КГБ СССР. Только Центр мог их назначать и перемещать.

На второй день меня разыскали в гостинице и снова при-

гласили на Лубянку. Беседа в том же составе и в том же кабинете. В.М. Чебриков сказал:

– Тебе надо уезжать из Узбекистана.

– Куда?

– За границу.

– А что произошло за сутки?

– Мог бы и не спрашивать. Рашидов поставил вопрос...

* * *

Приехал я в Ташкент после разговора в КГБ СССР не в лучшем состоянии. Продолжался гипертонический криз. Врачи предписали постельный режим, инъекции и прочее. Через пару дней я позвонил Ш.Р. Рашидову.

– Докладываю Вам о своем прибытии из Москвы. У меня есть необходимость переговорить с Вами.

– Я знаю, что Вам нездоровится (ему докладывало 4-е управление Минздрава – ташкентская «кремлевская» медицина). Поправляйтесь, я готов встретиться с Вами.

– Я могу приехать к Вам, Шараф Рашидович, в любое время, хоть сейчас.

– Ну тогда, пожалуйста, приезжайте.

Приехал в ЦК. В кабинете Рашидова были вдвоем. Телефоны переключены на приемную. Никто не заходил и не звонил.

– Шараф Рашидович, со мной состоялся разговор в Цен-

тре о моей будущей работе. Предложили работу за границей. Я работу никогда не выбирал. Работал там, где поручали – Белоруссия, Москва, Северный Кавказ, Узбекистан. Но раз поставлен вопрос об освобождении меня от работы, то прошу Вас сказать, какие ко мне претензии как к председателю КГБ республики, как к коммунисту, как к человеку.

– Претензий к Вам, Эдуард Болеславович, нет ни как к руководителю Комитета, ни как к коммунисту и человеку. Вы честный человек, и претензий к Вам нет. Вопрос о Вашем освобождении я не ставил. Это Москва.

– Не хочу уточнять детали, Шараф Рашидович. За многие десятилетия работы я знаю механизм назначений и освобождений от дел. Прошу Вас решить вопрос о моем освобождении на заседании Бюро ЦК. Пусть товарищи выскажут все, что они думают о моей работе.

– На Бюро нет необходимости рассматривать. Вы работайте. Никому ничего не говорите о нашем разговоре. Знаем только мы вдвоем.

Кстати, проработал я в республике после того разговора еще около 10 месяцев. Шла борьба за пост председателя КГБ. В этой борьбе я был жертвой. Ю.В. Андропов убеждал Рашидова: «Делаешь ошибку, Шараф, освобождая Эдуарда. Ты в этом убедишься».

В конце той длительной беседы я сказал Рашидову:

– Я не рвусь за границу. Мой выбор продиктован следующим: Вас убеждают в том, что я «качу бочку» на республи-

ку и на Вас. Но это не так. Я говорил неоднократно о том, что докладываю Центральному Комитету и Вам как руководителю республики значительно больше, чем в Москву. Вы напрасно верите наговорам.

Мне было известно, кто в Москве плел интриги, настраивал Рашидова против меня. Не вытерпев, я однажды прямо высказал Андропову все, что думал о грязных информаторах в Центре. Голос мой не захотели услышать.

Я продолжал:

– Шараф Рашидович, если я останусь работать в Союзе, то Вам будут по-прежнему нашептывать, что я «качу бочку» на Вас. Если же уеду за границу, то повешу замки на рты клеветникам. В Союзе знают, как Вы расправлялись с некоторыми председателями КГБ, покидавшими республику.

– Кого Вы имеете в виду?

Я назвал фамилии.

– Что касается меня, то я не позволю никому перечеркнуть мою сорокалетнюю службу Отечеству. Я буду бороться, буду защищать свое имя. А борьба есть борьба. В этой борьбе я не пожалею никого, в том числе и Вас. Говорю Вам прямо и честно, как это делал всегда.

Надо было видеть Рашидова... Белел, краснел, потел... Не ожидал он такого заявления, не привык к такому прямому разговору.

Надо отдать ему должное. Он не позволил за все 5 лет моей работы в ГДР забросать Старую площадь грязными ано-

нимками в мой адрес (это дело хорошо было поставлено в республике).

Я уже писал, что летом 1983 года первый заместитель председателя КГБ Г.Е. Агеев рассказал о словах Рашидова: «Я допустил ошибку, что убрал Эдуарда из республики». Для меня такое признание было дороже ордена.

* * *

В начале марта 1978 года мне объявили решение ЦК КПСС об освобождении от работы, не указав даже причину, как это было принято в таких случаях.

Позвонил по «вертушке» Рашидову:

– Прошу Вас разрешить уехать из республики.

(Чемодан уложен. Других вещей нет. Богатства в Узбекистане не нашёл. Библиотеку отправил в Москву заранее.)

Рашидов ответил:

– 10 марта будет опубликован Указ Президиума Верховного Совета республики об освобождении, тогда и уедете.

Впереди праздничные дни, 8 Марта. Принесли приглашающий билет на торжественное заседание с пометкой «Президиум». Никакого желания идти в театр, сами понимаете, не было. Звоню Рашидову:

– Шараф Рашидович, я не пойду в театр им. Навои на торжественное.

– Прошу Вас придти обязательно. Вы не освобождены от

должности кандидата в члены Бюро ЦК. Надо быть на торжественном собрании.

На таких мероприятиях я всегда садился во второй ряд президиума. На этот раз посадили в первый, рядом со вторым секретарем ЦК. Телевидение несколько раз показало крупным планом. К чему бы это?

В понедельник, 10 марта в газете «Правда Востока» на первой странице Указ Президиума Верховного Совета. Необычный текст: освободить от обязанностей в связи с выездом за пределы республики. Не в связи с переходом на другую работу или, допустим, снят за такие-то грехи, а в связи с выездом.

Сели с женой в «Волгу» – и в аэропорт.

Самолет подали к правительственному павильону. Зал VIP, накрыт стол. Провожали только члены коллегии КГБ республики. Ни одного человека из руководства республики, ни узбека, ни русского. Одним словом, унизили по полной программе, утонченно.

Меня часто спрашивают, возглавлял ли Рашидов мафию, был ли взяточником? Я убежден, что нет. Он был весьма обеспеченным человеком за счет гонораров. Верил и верю в его чистоплотность. Беда была в том, что он не сумел возглавить решительную, бескомпромиссную борьбу с коррупцией. Это сделали другие, да так грязно и преступно, что и во сне не приснится. К тому же и из Бюро ЦК, из республики убрали сразу трех человек, не узбеков – В. Ломоносова, С.

Белоножко и Э. Нордмана, а затем и Л. Грекова. Не думаю, что это пошло на пользу республике.

Была ли обида на несправедливость ко мне в 1978 году?

Была, наверное, как у каждого нормального человека.

Но обиды не было на узбекский народ. Я трезво анализировал ситуацию и понимал: в Узбекистане меня предали не узбеки. Они оказались честнее и порядочнее других.

В Узбекистане у меня остались товарищи и друзья. Это придавало мне силы, не позволяло озлобиться на «весь белый свет». В 1980-х годах, когда в адрес узбекского народа шли потоки грязи и клеветы, я решительно защищал его честь и достоинство. Помню, как в 1989 году в «Правде» тормозилась статья Валентина Архангельского «Узбеки, братья мои». Я использовал свои дружеские связи и возможности, и статья вышла на целую страницу. А сколько было потрачено нервов, энергии и сил доказывать Комиссии Верховного Совета СССР, рассматривавшей «узбекское дело», чью-то невиновность! Одному Аллаху известно.

Об Узбекистане, его людях у меня остались самые добрые воспоминания.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

Николай Иванович Рыжков родился в 1929 г. в Донбассе. Вырос в шахтерской семье. Познал труд рабочего, инженера, начальника цеха, директора гиганта советской индустрии «Уралмаша».

В 1975 году его выдвинули первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения. В 1979–1982 гг. он – первый заместитель председателя Госплана. В 1982–1985 гг. – секретарь ЦК КПСС. А с 1985 по 1990 год – Председатель Совета Министров СССР. От рядового инженера до главы правительства – таков его путь.

Его отличали высокий профессионализм, конкретность, деловитость.

Его любят люди за чуткость, заботу, доброжелательность, строгость к себе и подчиненным. Это – человек дела.

Он убежден, что все доброе в нем от людей. И он старался платить людям тем же. Что такое руководитель правительства с добрым сердцем и руководитель, равнодушный к людским бедам, думающий только о своем благе, о счетах в «забугорных» банках, мы теперь знаем не понаслышке.

Глава правительства Рыжков никогда не отдал бы приказ пролить кровь людскую и расстрелять Верховный Совет. Не позволил бы ограбить народ, обесценить саму жизнь.

На первых выборах Президента России мы потеряли воз-

возможность иметь человеческого, мудрого, честного лидера. Только боязнь М.С. Горбачева иметь во главе России сильного и честного человека не позволила ему в то время согласиться на выдвижение Председателем Верховного Совета РСФСР Н.И. Рыжкова. В результате пришел Ельцин. Выиграли от этого народ, страна? Пусть каждый ответит сам себе. Я же скажу – мы упустили шанс.

* * *

Кремлевский дворец съездов. Идет заседание съезда народных депутатов. Рыжков сделал обстоятельный отчет о состоянии экономики страны. Предложил конкретные меры выхода из кризиса. В том числе повышение цен на ювелирные украшения, меха и прочие товары не первой необходимости. Обосновал необходимость незначительного повышения цен на хлеб и другие продукты.

Я на всю жизнь запомнил звонкий голос депутата Анатолия Собчака, его позу и театрально вытянутую руку в сторону Н.И. Рыжкова: «Вы посмотрите на этого человека. Он предлагает повысить цену на хлеб... на 20 копеек. Уму непостижимо, как это может себе позволить Председатель Совета Министров. Какой же он глава Советского правительства после этого...». И с не меньшим пафосом требовал от съезда депутатов строгой кары для Рыжкова.

Сидевшие рядом со мной возмущались: откуда появился демагог Собчак, кто он такой? Его еще только начинали

узнавать. Он завораживал слушателей зажигательными речами, подавал надежды.

* * *

Страшнейшее землетрясение в Армении. Разрушенный Спитак. Людское горе. Н.И. Рыжков – среди людей, открытым сердцем прикоснулся к кровоточащим ранам. Беду людскую воспринял как свою...

На месте принимал решения. В Армению шли эшелоны со стройматериалами, палатками, продуктами. Большая страна шла на помощь маленькой Армении.

Николай Иванович Рыжков не сдержал эмоций – смахнул слезу с глаз. Его слезы были искренними. «Слабость проявил. Плачущий большевик», – закричали недоброжелатели. Да не слабость то была! Это было высочайшее проявление человечности. Не каждому дано такое. Равнодушному к чужому горю не уронить слезу.

Благодарная Армения поставила ему памятник. Пожалуй, в конце XX века действующему политику памятника не ставили нигде в мире.

* * *

Н.И. Рыжков был тверд в принятии решений. Не менял своих взглядов по нескольку раз в день. Ошибался? Конечно

же, не без этого. Но если его убеждали, умел отказаться от своего мнения. Приведу пример. Не знаю с чьей подачи, но он стал настаивать на ликвидации Госкоминтуриста СССР как министерства. Это было, на мой взгляд, в то время нецелесообразным. Строились гостиницы, кемпинги. Открывались новые туристические маршруты. Годовой доход перевалил за 1,5 миллиарда долларов. Упростился порядок выезда за границу. И вдруг ликвидация... Наши соперники радовались – убирали с рынка мощного конкурента. Объединить «Интурист» со «Спутником», профсоюзным туризмом хотели. Под благим поводом – поможем слабым.

Я, в то время заместитель председателя Госкоминтуриста, написал записку в ЦК КПСС. Объединять мощное хозяйство со слабым – это уже было. Объединяли сильный колхоз со слабыми. И получали, как правило, еще одного бедняка. «Из двух бедных – одного богатого не сделаешь» – эта неформальная фраза в деловом письме привлекла внимание членов Политбюро. Николай Иванович звонит председателю Госкоминтуриста В.Я. Павлову: «Слушай, что это за Нордман работает у тебя заместителем? Что он пишет в ЦК?». Рассердился Николай Иванович на мою дерзость и непротокольные выражения. В.Я. Павлов был человеком далеко не «смелого десятка», на конфронтацию никогда не шел, тем более что собирался на пенсию и заступаться за ведомство не хотел. В общем, предотвратили в то время ликвидацию нашего комитета...

* * *

Конец апреля 1986 года. Авария на Чернобыльской атомной станции. Мир в тревоге: что будет дальше? Ожидали худшего – прогорания поддона под 4-м блоком, выхода радиации в подземные воды, загрязнения вод бассейна Днепра, а дальше – Черное море, Босфор, Средиземное. Могла быть большая беда. Чернобыль сильно ударил по международному туризму. Убытки были миллиардными. 9 мая мне предстояло ехать во главе делегации в Хельсинки на пленарное заседание ВТО (Всемирная туристическая организация). Перед поездкой собрал максимум информации. Академик Е. Велихов, глава Гидромета Ю. Израэль проинформировали меня, что тревога позади, надеются на лучшее.

На пленарном заседании ВТО все с тревогой смотрели в сторону советской делегации, ждали информации. Мое выступление планировалось 13 мая, но генеральный секретарь ВТО попросил меня выступить раньше, так как все с нетерпением ждали информации. Делать нечего. Поднялся на трибуну:

– Дамы и господа, все последние дни мы с тревогой ожидали в Чернобыле худшего. Но критическая точка пройдена. Удалось локализовать очаг. Днепр остается чистым, а это значит, воды Черного, Средиземного морей также останутся чистыми.

Делегаты облегченно вздохнули. Генсек ВТО задал вопрос: «Насколько достоверна информация? Могут ли делегаты сообщить ее своим правительствам?». Я ответил, что информация надежная. Журналисты бросились к теле-тайпам. В вечерних выпусках газет на Западе появились срочные сообщения. Мне же пришлось по просьбе нашего посла Л. Соболева давать шифровку в Москву о том, что в 108 стран ушла успокаивающая информация. Правда, посол, мой однокашник по учебе, посетовал:

– Почему же ты не согласовал свое выступление в посольстве?

– Не мог, не было времени на согласования.

Между прочим, М.С. Горбачев выступил по телевидению только 15 мая. Выступление должно было стать мировой сенсацией. Выжидали, что будет в Чернобыле.

«Интурист» опередил с информацией. Высочайшего поручения на такую инициативу не было.

Интересна реакция Н.И. Рыжкова: «Никогда не думал, что «Интурист» так может ошеломить, дать информацию в 108 стран мира. Это надо же...».

* * *

В 1990 году на заседании Совета Министров слушался вопрос о мерах по развитию иностранного туризма. Доклад и.о. председателя Госкоминтуриста Коновалова был стати-

чен, малоубедителен и впечатления не произвел. Н.И. Рыжков остался недоволен. Из выступавших в прениях только И. Силаев поддержал А. Бирюкову (в то время заместителя председателя Совмина) о необходимости сохранения Госкоминтуриста, остальные, зная прежний негативный настрой председателя, сконъюнктировали. Но вот взял слово председательствующий:

– Вы знаете, что я долгое время выступал инициатором ликвидации Госкоминтуриста. Не удивляйтесь тому, что я скажу – я ошибался. В большинстве стран Европы, Америки, Азии и Африки существуют министерства по туризму. Там, где их не было, они создаются. Зачем же нам ликвидировать то, что другие создают?

Слушая Николая Ивановича, я думал: как важно государственному деятелю уметь отказаться от неверной, ошибочной точки зрения. Ведь от его решений зависят судьбы людей. Рыжков таким драгоценным качеством обладал.

* * *

Демократы во главе с Ельциным в конце 1980-х годов развернули шумную борьбу с привилегиями номенклатуры. Николай Иванович одним из первых заявил, что отказывается от государственной дачи. Купил (уже не новый) деревянный дом в дачном поселке Управления делами. Уплатил, как все, балансовую стоимость 42 тыс. рублей. Немалые деньги по

тем временам.

Какой визг подняла демпресса по этому поводу! Безобразие! Пусть платит по рыночной (спекулятивной) цене. Не было у Рыжкова таких денег, не мог он построить коттедж за миллион долларов, как это сделали после 1992 года «водители демократии» – борцы с привилегиями.

* * *

Одного случая не могу простить Николаю Ивановичу, – случая его... дисциплинированности.

Дело было так. Идут выборы первого Президента Советского Союза. Официально выдвинули М.С. Горбачева. Затем депутат Оболенский выдвинул себя сам. Сейчас не помню, кто выдвинул кандидатуру Н.И. Рыжкова. Настрой у делегатов съезда далек от единодушия. Нависла угроза кандидатуре Горбачева. Большая часть депутатов не склонна поддерживать Михаила Сергеевича. Очень многие склонялись отдать голоса Рыжкову.

Николай Иванович предложил снять его кандидатуру с голосования, взял самоотвод. Депутаты возражали. Причем говорили резко, требовали оставить кандидатуру Рыжкова в списке для голосования. Особенно запомнился депутат Сухов, шофер из Харькова. Рыжкову пришлось «доказывать», что надо избрать Горбачева, а не его. Доводы были стандартными – высокий международный авторитет, политический

опыт и т.д. Борьба мнений была острой. Но Рыжков сумел убедить какую-то часть депутатов отдать голоса Горбачеву. Если бы он промолчал, то чаша весов не склонилась бы в пользу Михаила Сергеевича. А это значит, страна получила бы другого лидера, пошла бы по другому пути. Через много лет Николай Иванович объяснял: «Я – дисциплинированный коммунист, не мог не выполнить коллективного решения». Это тот случай, когда порядочность не пошла на пользу государству.

В остальном, сколько помню, Николай Иванович последовательно и твердо отстаивал интересы государства. Возражал против спешки в проведении некоторых реформ. Был противником непродуманных решений, неразумных инициатив.

* * *

О реорганизации Совета Министров СССР в Кабинет Министров Николай Иванович узнал в автомашине, утром по пути на работу. По ВЧ-связи в автомобиль позвонил Горбачев: «Николай, я подписал указ о реорганизации правительства. Теперь оно будет называться по-другому. Кабинет Министров».

Представьте себе ситуацию. Утром едет председатель на работу в Совет Министров, который, оказывается, ликвидировали, и ты, выходит, уже не председатель.

Вот такая коллегиальность, такой демократизм при принятии кардинальных решений.

* * *

Газета «Трибуна» вышла с большой статьей под броским заголовком: «Почему Рыжков не победит на выборах Президента России». Потому что он слишком честный, порядочный человек. Из-за своей деликатности не сможет победить. Проголосовали за него многие, но не большинство. Мы опять потеряли шанс.

Сегодня Николай Иванович – депутат Государственной Думы, активно отстаивает интересы простого народа, государственные интересы. Не сломили его воли ни инфаркт, ни несправедливость людская.

ЕВГЕНИЙ ЧАЗОВ

На Северный Кавказ часто приезжал Евгений Иванович Чазов. В то время он был начальником 4-го Главного управления при Минздраве СССР и отвечал за здоровье и лечение высшего руководства страны.

Нередко бывал он и в Кабардино-Балкарии, где встречался со своими избирателями как депутат Верховного Совета СССР. Во время отпусков любил поохотиться в горах на тура, дикого кабана. Егеря удивлялись его выносливости. Они поднимаются до 2000–3000 метров над уровнем моря, и Евгений Иванович с ними. Делил все тяготы охотничьей жизни в горах, без всяких скидок на высокое положение.

Его всегда ждали находившиеся на лечении А.Н. Косыгин, Ю.В. Андропов, К.Т. Мазуров, К.У. Черненко, не говоря уже о Л.И. Брежнев.

Он всегда был прост и благожелателен. Он Доктор от Бога. Не потому что профессор, академик, а потому что высокой пробы врач и просто человеческий человек.

Природное обаяние – оно не зависит ни от должности, ни от звания.

Его любили сотрудники санаториев. Он был вежливым, но весьма требовательным. К рядовым врачам, медсестрам, санитаркам относился уважительно. Проявлял заботу о них. Может, потому что сам прошел путь от рядового врача до

всемирно известного кардиолога.

* * *

Студент Киевского мединститута, он, как и многие, подрабатывал, не чураясь черновой работы: семья жила небогато, надо было зарабатывать на кусок хлеба.

После окончания института он хотел поступить в ординатуру. Но в Киеве отказали способному студенту. По одной причине – не украинец. Я был свидетелем одного примечательного разговора:

– Евгений Иванович, нам до сих пор стыдно за наших чиновников, которые отказали Вам, не дали места в ординатуре. Вы представляете, как бы хвастались теперь, когда Вы стали знаменитым, всемирно известным, какого академика вырастил Киев. Могло бы быть, но...

* * *

В девяностые годы было омерзительно слушать хулу на Чазова из уст распоясавшихся новых «хозяев жизни».

Сегодня бессменный руководитель Кардиологического центра пользуется не меньшим уважением (а, может, и большим), чем в прежние времена.

На должности Евгения Ивановича Чазова сейчас не назначают высокое начальство, а избирает коллектив. А людей

не обманешь, они не первый раз избирают его директором на новый срок.

* * *

Академик Чазов уважаем зарубежными коллегами. Я видел, с какой теплотой к нему относились корифеи мировой кардиологии – знаменитый Майкл Дебейки, Антонио Готто, Клод Ланфан и др. Относились как равный к равному. А еще чувствовались неподдельная теплота и уважительность.

10 июня 1999 года в актовом зале Кардиоцентра собрались не только светила медицины и зарубежные гости. Приехали врачи из республик (хочется сказать Союза). Было море цветов и улыбок. Зал был полон. Собрались на заседание ученого совета Кардиоцентра, а попросту говоря, чествовать юбиляра, Доктора Чазова.

На трибуне Евгений Иванович. Смущен. Волнуется. О чем сказать в этот день?

– Скажите о том, что значила медицина в вашей жизни.

– Если коротко, медицина и есть моя жизнь.

* * *

В 1953 году врач Е. Чазов переступил порог госпитальной терапии «Пироговки» Александра Леонидовича Мясникова. Здесь царили принципы старой русской медицинской

школы. Мясников поддержал научные устремления молодого врача, дал возможность воплотить научные идеи в жизнь.

В начале 50-х годов Мясников познакомил Чазова с патриархом американской и мировой кардиологии Полем Уайтом. Этот мудрый человек сказал: «Дорогой доктор! Вы молоды, впереди у вас целая жизнь в медицине. Никогда не забывайте, что мы живем и работаем ради больного. А для этого надо быть не только прекрасным диагностом, но и не менее хорошим психологом. Больному нужны доброта и понимание».

Зная Евгения Ивановича более тридцати лет, я не один раз убеждался в том, что он свято придерживался этих принципов.

Чазов, его соратники и ученики в 60-х годах совершили своеобразную революцию. Они выдвинули три принципа лечения больных инфарктом миокарда: широкое внедрение тромболитической терапии, в т.ч. на догоспитальном этапе, создание системы лечения этих больных – от специализированной «скорой помощи» до палат интенсивного наблюдения и создание системы реабилитации больных.

Сейчас это просто строки в учебниках и руководствах для врачей. За этими сухими фразами – тяжелый труд, бессонные ночи, поиск, сопряженный с риском, дискуссии, борьба с большими и малыми чиновниками.

Сколько тяжелых минут пришлось пережить из-за зависти к успехам молодых ученых...

* * *

Мало кому известно, что Евгений Иванович в пятидесятые годы совершил научный подвиг, решив ввести себе в вену совершенно никому еще неизвестный, не испытанный, полный возможных осложнений препарат, растворяющий тромбы. Он торопился, ибо опасался, что не дадут довести работу до конца.

Успех был бы невозможен без привлечения достижений фундаментальных наук. Не буду утомлять читателя научными терминами. Но то, что сейчас от инфаркта миокарда не умирает каждый второй, как в 1959 году, заслуга ученых, кардиологов.

* * *

Немногие знают, что к первым работам по космической медицине были причастны Е.И. Чазов и его друзья. В.В. Парин, бывший руководитель лаборатории, заложил ее основы. А сотрудник центра Олег Атьков совершил длительный полет в космос.

В Кардиологическом центре, к созданию которого приложил много сил и Чазов, стало возможным проведение многих научных работ. Это научный центр международного уровня. А ведь что только ни говорили тогда: Чазов, дескать,

пользуется своим положением и возводит мраморный дворец, а больницы разваливаются, дескать, последние деньги забирают у бедного здравоохранения.

Такая деталь: центр строился на деньги от Всесоюзного ленинского субботника. А.Н. Косыгин, увидев в первичном плане распределения средств сумму в 5 миллионов рублей, сказал: «Что вы хотите сделать – очередную поликлинику? Вы должны построить международный центр кардиологической науки. За 5 миллионов рублей его не построишь...».

Постановлением ЦК КПСС и правительства определилась система кардиологической помощи с открытием институтов кардиологии. Они были созданы в Ленинграде, Киеве, Минске, Кишиневе, Фрунзе, Тбилиси, Баку, Саратове, Ереване, Ташкенте, Алма-Ате, Новосибирске, а также филиалы в Тюмени и Томске. Это были крупнейшие кардиологические центры не только в СССР.

В жизни Е. Чазова было много всяких событий, но открытие Кардиологического центра в 1982 году значило для него не меньше, чем присуждение в том же году Ленинской премии за научные разработки.

* * *

20 лет он руководил 4-м Главным управлением при Министерстве здравоохранения СССР. Этот период – поистине огромный вклад в советскую медицину. Была создана луч-

шая в мире система здравоохранения, сочетавшая профилактику, диагностику, лечение и реабилитацию.

О сложных и ответственных моментах в лечебной практике, о борьбе за жизнь высокопоставленных пациентов, которые определяли политическую ситуацию в СССР и в мире, можно прочесть в книгах Евгения Чазова «Рок» и «Здоровье и власть». Это удивительные откровения, глубокие размышления мудрого человека. Я не знаю других книг, равных этим.

Можно по-разному относиться к 4-му управлению. Его только ленивый не поливал грязью в последние годы. Но это был полигон и эталон советского здравоохранения. Это была та планка, до которой хотел дотянуть всю медицину страны министр здравоохранения Е.И. Чазов.

В 4-м управлении в 1960–70-х годах работали такие корифеи медицины, как П.Е. Лукомский, Е.В. Шмидт, В.Х. Василенко, В.С. Маят, А.Я. Абрамян, И.Л. Тагер, В.С. Гасилин, А.П. Голиков, Г.А. Рябов, В.Г. Смагин, Н.Н. Малиновский, Н.А. Лопаткин, М.И. Перельман, В.Д. Федоров, И.В. Мартынов, В.И. Покровский, Г.М. Савельева, А.И. Воробьев. Это гордость нашей медицины. Список этот можно продолжить. Были созданы замечательные коллективы врачей.

* * *

Михаил Горбачев настоял на назначении Евгения Чазо-

ва министром здравоохранения СССР. Министр поставил условие – дополнительно выделить 6 млрд, рублей (по тем временам более 7 млрд, долларов). Повысилась зарплата медработников, увеличились нормативы на питание и лекарства больным. Была сформирована хорошая профессиональная команда министерства.

При поддержке Председателя Правительства Н.И. Рыжкова была создана система диагностических центров, которая и сегодня в трудных условиях выжила и является важным звеном в обеспечении диагностики на современном уровне.

Не все смогло сделать министерство, не все успело. Но было сделано главное – снизилась в те годы общая смертность, особенно детская, снизилась заболеваемость туберкулезом, венерическими болезнями, инфекциями. Отмечалось повышение продолжительности жизни.

Е.И. Чазов уделял большое внимание санаторно-курортному делу. В стране строились новые санатории и пансионаты. На Северном Кавказе в те годы были построены санатории: «Дубовая роща» в Железноводске, им. Кирова в Пятигорске, «Москва» в Ессентуках, объекты в Архызе и Домбае.

К их руководству приходили квалифицированные кадры. Среди них выдающийся организатор курортного дела Александр Владимирович Дерябин и главный врач Ессентукского санатория «Москва» Валентина Павловна Демченко – заслуженный врач республики, талантливый руководитель и необыкновенно душевный человек.

Евгений Иванович оставил заметный след в международной деятельности, возглавив с известным американским кардиологом Б. Лауном международное движение врачей за запрещение ядерного оружия, что было высоко оценено общественностью и удостоено присуждения Нобелевской премии.

* * *

Как штрих к портрету Чазова, хочу привести строки из его письма министру здравоохранения Российской Федерации: «Мне стало известно, что готовится представление к моему награждению. Я бы просил Вас, уважаемый Владимир Иванович, не ставить этот вопрос перед вышестоящими инстанциями. В период, когда в стране здравоохранение, наука находятся в бедственном положении, когда ограничены наши возможности помощи страждущим больным, для меня было бы кощунственным принимать высокие награды. Сегодня я их не заслуживаю, а за прошлые достижения меня Родина щедро отметила.

Поверьте, мое письмо не поза, оно проникнуто искренним чувством боли за наше здравоохранение, за наш народ. Мне хотелось бы, чтобы Вы поняли мои мотивы отказа от возбуждения ходатайства о моем награждении».

В этом – весь Чазов.

На юбилейные торжества никто из руководства страны не пришел, в отличие от юбилея известной певицы, отмечав-

шегося в этот же день. Там были шик и блеск. В подарок – драгоценные камни, «мерседесы». И высокий орден. Зато в актовом зале Кардиоцентра море доброжелательных улыбок. Банкет без пышностей, но достойный. Врачи чувствовали себя именинниками в тот день.

* * *

В 90-х годах, как ни старались власть предержавшие при- низить, очернить, игнорировать академика, его талант и ум продолжают блистать. Как ни мажь грязью золото, оно все равно блестит. Успешное выполнение аортокоронарного шунтирования в Кардиоцентре – свидетельство тому.

Когда в прошлом видят только плохое, когда забывают, что сделано прошлыми поколениями, не грешно вспомнить А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Чазов всегда призывал бороться с дикостью.

* * *

Меня сегодня поражают, как и тридцать лет назад, его ум, острота мышления, заряд искренности и доброжелательности, желание и умение помочь любому человеку, кому больно и трудно, его верность слову и делу.

За последнее двадцатилетие менялись жизненные обсто-

ательства, менялись должности, но не менялся доктор Чазов как личность. Он оставался Человеком в высоком понимании этого слова. Именно Человеком.

* * *

И последнее. Некоторых удивила позиция академика в связи с сообщением о выдвижении баллотироваться на должность Президента Российской Федерации В.В. Путина, которого в то время мало знали. Одним из первых Е.И. Чазов высказался публично и решительно в его поддержку. Это было весомое слово авторитетного человека. К его слову прислушались многие. Слово было услышано народом.

ЧЕКИСТЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Об органах безопасности в последние годы пишут в двух тонах: или только в черном – репрессии, гонения на инакомыслящих, или только в героическом – бесстрашие, прозорливость разведчиков (иногда контрразведчиков). И то, и другое – правда. Но это только часть правды. Правды, лежащей на поверхности прошедших десятилетий.

Правда многогранна, о работе госбезопасности – тем более. Многие грани остаются скрытыми или же о них замалчивают по разным причинам, чаще всего по причине конъюнктурности или ослепленности несправедливостью к близким в 30-х годах, отчего и озлобленность ко всему советскому, к Родине. Или же тем, что необъективность оплачена извне.

Когда народу трудно (без зарплаты, без работы), когда назревает социальная напряженность, на телеэкране или в СМИ обязательно появляется очередная порция о зверствах НКВД. Причем, как правило, тыкают пальцем: смотрите – это КГБ (хотя Комитет образован не в 30-х годах, а в 1954). Расчет простой: мало кто вспомнит, что трагедия 1937, Каптынь и ленинградское дело были задолго до создания КГБ. Чекисты 30-х и 60–80-х годов – это не одно и то же.

Я не ставлю целью исследовать процессы и события 1930–40-х годов. Об этом много сказано и справедливо осуждено. Могу говорить только о тех событиях, свидетелем и участником которых был.

В органы госбезопасности я пришел 20 сентября 1958 года. Забегая вперед, скажу, что это были годы трудной, иногда архитрудной работы и жизни. Всякое бывало. Мое мировоззрение иногда приходило в противоречие с господствующими взглядами, традициями того времени. Результат? Опала. Такое было в 60-х и 70-х годах.

Справедливости ради скажу, что в трудные для меня времена находились не только хулители, гонители, но и те, кто умел морально поддержать, не дать свершиться расправе —

Ю.В. Андропов, Ф.Д. Бобков, С.Г. Банников, А.И. Перепелицын, А.В. Кардышев. Кто-то делал это открыто, кто-то мягко использовал свое влияние и авторитет, о чем я узнавал через годы.

Но обо всем по порядку. За моими плечами было уже 20 лет сознательной жизни. Непростой жизни. Видел и голод, и холод, не один раз смотрел смерти в лицо. Было у кого учиться – Василий Корж, Вера Хоружая, Кирилл Мазуров, Сергей Притыцкий, партизанские комиссары Никита Бондаровец и Федор Куньков... Это были люди кристальной чистоты, личности, настоящие коммунисты, беззаветно преданные Родине, народу. Я считал за честь быть с ними в одной партии. В тылу врага 6 ноября 1942 года в разгар тяжелых боев в числе

первых был принят в партию и получил при этом привилегии. Какие привилегии? Первым подниматься в атаку, идти в разведку, отдать последний кусок хлеба раненому товарищу.

Формированию характера, идейной стойкости (устойчивости) способствовали не только условия партизанской жизни, где все было на виду, где фальшь осуждалась, а ценились смелость и отвага в бою. Огромное влияние на формирование личности оказала послевоенная обстановка в Белоруссии. Разруха, работа с утра до ночи. Ни с чем не сравнимый трудовой энтузиазм людей. В белорусской парторганизации господствовал дух принципиальности, непримиримости к язвам общества, которые через несколько десятилетий вылезли наружу и сегодня берут верх. Нас воспитывал комсомол во главе с его вожаками Михаилом Зимяниным, Кириллом Мазуровым, Петром Машеровым – людьми без страха и упрека.

* * *

Органы госбезопасности рисовались мне в дымке романтизма. Идеализировал их работу, людей, служивших здесь. И вот волею судьбы я – начальник управления, член коллегии Комитета госбезопасности Белоруссии.

Встретили меня по-разному. Кто доброжелательно, кто настороженно, кто с любопытством – что за птица пожаловала. Да еще фамилия, имя и отчество интригующие.

Каково же теперь мое впечатление о чекистах?

Во-первых, это люди, преданные Отечеству, готовые жертвовать жизнью за интересы народа. Рыцари без страха и упрека.

И в разведке, и в контрразведке работало много талантливых людей. Преклоняюсь перед их умом и порядочностью. Снимаю шляпу перед ними. Я так говорил сорок лет тому назад, повторяю это и сейчас.

Во-вторых, встречал и прожженных карьеристов, интриганов, подленьких по характеру людишек и в лампасах, и без лампасов. Их было мало. Но они были. О них писать не хочется, брезгливо и гадко.

А вот о первых хотелось бы сказать доброе слово. Это А.И. Перепелицын и С.Г. Банников, Е.П. Питовранов и Л.И. Панкратов, В.М. Чебриков и В.А. Крючков, С.К. Цвигун и Ф.Д. Бобков, Г.Ф. Григоренко и В.Я. Лежепеков, В.К. Бояров и Ф.А. Щербак, Л.В. Шебаршин и Н.С. Леонов, В.Т. Шумилов и В.И. Демидов, П.И. Васильев и Р.А. Власов, А.Н. Инаури и Г.А. Бадамянц, О.А. Гурьянов и В.Ф. Кухлиев, А.П. Рагозин и С.В. Толкунов, А.В. Кардышев и А.С. Евдокушин, С.Н. Антонов и С.С. Шорников, В.И. Алидин и Д.П. Носырев, Г.А. Аракелов и В.С. Христофоров, БДЖирнов и Н.Ф. Лукьянов, Г.Л. Котов и А.А. Казнин, К.Н. Новиков, Л.Н. Чириков, А.И. Дашкевич, И.Л. Лысаковский, Л. Гостевский, А.А. Шпикалов и П.И. Емельянов. Многие спасенные судьбы – это их забота, их работа, часто связанная с риском для

собственной жизни.

На смену шло новое поколение талантливых чекистов – поколение 1970–80-х: В.М. Прилуков, А.В. Измоденов, В.И. Завершинский, В.П. Воротников, Н.А. Волобуев, В.А. Соболев, В.И. Красновский, А.П.Теплов, В.Л. Тимофеев, В.М. Зорин, В.И. Пиванов, Л.Ф. Бурцев, К.Б. Эдиев. Сколько порядочных, хороших товарищей, преданных Отечеству. Невозможно всех перечислить.

* * *

Первым председателем КГБ Белоруссии был Александр Иванович Перепелицын. Человек принципиальный и демократичный. Поработал в Белоруссии с ним недолго. Выдвинули его заместителем председателя по кадрам КГБ СССР.

Сменил его генерал-майор В.И. Петров. Прямая противоположность Перепелицыну. Кадровый «особист», стиль – солдафонский. Затем Никулкин, Балувев и далее в 90-х годах мелькали фигуры, которые я только запоминал по фамилиям. Хорошо отзываются о Мацкевиче, но знаком с ним не был. Нынешнего председателя КГБ Леонида Ерина знаю лучше других. Если сравнивать его с теми, кто был в последние десятилетия в Беларуси, то он наиболее достойная кандидатура. Умный, доступный и доброжелательный. Одним словом – человеческий человек.

Если чекистам Беларуси повезло, их не успели разгро-

мить «демократы», то чекистам России пришлось труднее. «Семья» боялась разоблачений в коррупции. За 10 лет девять раз менялись руководители госбезопасности. Ельцин без усталости подписывал указы об отставках. Так было спокойнее для коррупционеров. Потенциал чекистов для борьбы с этой заразой не был востребован.

* * *

В 1965 году меня выдвинули на работу заместителем начальника службы № 1 Второго главного управления Центра. Работа интересная, напряженная. За три года побывал во многих местах – от Ленинграда до Владивостока. Часто возглавлял инспекторские бригады по проверке местных органов госбезопасности. Помогал другим и учился у них. Работа во Втором главке давала уникальную возможность увидеть в полном объеме оперативную обстановку в стране. Встречался с интересными людьми в республиках и областях. Не умаляя опыта белорусских чекистов, увидел на порядок больше. Мир познания расширился. Это была великолепная школа.

Уже в 60-х годах было тревожно не только на Кавказе. Чекисты обо всем объективно докладывали руководству страны. Кое-кто был склонен обвинять чекистов в том, что они сгущают краски, драматизируют ситуацию. Оглядываясь на прошлое, ловлю себя на мысли: надо было докладывать более жестко. Может, и не дошло бы до развала государства.

* * *

Особняком стоит вопрос о внутренних процессах, личных отношениях между руководителями Комитета госбезопасности, начальниками главных управлений и важных служб. Этот субъективный фактор, безусловно, имел немаловажное значение.

Многим известно о соперничестве и глубокой неприязни двух первых заместителей Андропова генералов армии Цинева Георгия Карповича и Цвигуна Семена Кузьмича. Это была не безобидная ссора Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Они не представляли каких-то группировок в высшем политическом руководстве страны. Один и другой были лично преданными людьми Л.И. Брежнева. Тем не менее, их противостояние не проходило бесследно для чекистов. Взаимоотношения между многими влиятельными генералами тоже были не простыми. Недостатка в интриганах не было во все времена. Такие явления были не только в 30 и 40-е годы. Они продолжались и во второй половине XX века. Обстоит ли дело по-другому в XXI веке? Не знаю, а догадываться в таком сложном вопросе – зыбкая почва для выводов. Я бы не хотел ввязываться в дискуссию на эту тему. Это вещи трудно доказуемые, пусть этим занимаются другие. Это тема для иного разговора.

Ради справедливости надо заметить, что антагонизм меж-

ду различными структурами характерен для всех спецслужб мира. Это не было изобретением МГБ-КГБ.

* * *

Работая долгие годы в органах безопасности, всякое видел. Именно всякое. Лучшими были годы на Ставрополье. Край большой, интересный, работа разнообразная. Управление в разные годы возглавляли известные чекисты. Я лично знал А.А. Тарасова, прекрасного человека, и С.В. Толкунова, проработавшего начальником чуть больше года. Управление в 50–60-х годах не выделялось на фоне других. Генеральских званий ставропольчанам в то время не присваивали. Мне пришлось работать при смене поколений. Выдвигались молодые, энергичные. Я любил работать с молодыми. Из их среды выросли крупные руководители. Мои заместители майор А.С. Сергеев и полковник М.А. Тимофеев стали генерал-лейтенантами. Первый – членом коллегии КГБ СССР и начальником 3-го главка, второй – заместителем министра гражданской авиации СССР; старший лейтенант В.И. Завершинский – генерал-полковником, первым заместителем руководителя СВР; капитан В.Ф. Кухлиев стал генералом, заместителем начальника 2-го главка КГБ СССР, первым заместителем председателя КГБ

Казахстана; С.К. Федоров – генерал-лейтенантом; генералами стали А. Комаров, В. Сафонов, А. Теплинский, А.

Сергеев, Н. Мишин, Ю. Бзаев, А. Долин. Моя заслуга лишь в том, что вовремя заметил их, где-то помог становлению, а где-то просто не помешал их карьере. Горжусь тем, что вместе с ними работал. Сегодня Ставропольское управление прифронтовое. В последние годы его возглавляли генерал-лейтенанты Б.А. Мыльников, П.А. Кондратов, сейчас – генерал, Герой России О.М. Дуканов. Достойные люди, продолжатели славных традиций.

* * *

8 мая 1990 года в актовом зале КГБ собралось человек шестьсот ветеранов Великой Отечественной войны. Партком проводил мероприятие в связи с 45-й годовщиной Победы. Сценарий – по старым шаблонам. В президиуме – руководство, а заранее подготовленные ораторы – на трибуне.

Люди заслуженные, Герои Советского Союза, кавалеры орденов Славы...

Обстоятельно рассказывали о своем участии в боях, о том, как шли от Сталинграда до Берлина.

Говорили правильно, но нас, сидящих в зале фронтовиков, волновало не это. В Москве бушевали митинги. Бушевали страсти. Об этом мы переговаривались между собой, обсуждая свежие события.

Закончил речь последний оратор. Секретарь парткома Николай Назаров спросил, кто еще желает выступить. Жела-

ющих не было.

Но тут я потянул руку вверх. Секретарь парткома явно не замечал моего выразительного жеста, намереваясь объявить собрание закрытым.

Председатель КГБ СССР В.А. Крючков сказал, указывая рукой в мою сторону:

– Просит слова белорусский партизан.

И вот я на трибуне, без бумажки, без конспекта. Думаю, что от меня ждали рассказа о том, как я партизанил. В зале шумок, устали люди от речей. Я же начал нестандартно:

– Товарищи, нас, ветеранов, вчера обокрали, нас обманули...

В зале притихли. О чем это он? А я рассказываю, что вчера, 7 мая, в Кремле собрали ветеранов войны со всех республик.

Делегаты из Украины, Белоруссии и из других мест взволнованно, с болью в сердце говорили о том, что творится на местах. Говорили о том, что голову подняли бандеровцы, националисты... Громко звучало: что пора объявить: «Родина в опасности».

Президент СССР М.С. Горбачев поблагодарил ветеранов за откровенный разговор и заявил, что он разделяет их тревогу. При этом пообещал, что вечером по Центральному телевидению будет передано все, что здесь было сказано.

Главный идеолог, секретарь и член Политбюро А.Н. Яковлев в это время ушел из президиума за кулисы. Наверное,

отдавать указание телевидению.

В 16 часов 7 мая по Первому каналу начали передавать краткую информацию о состоявшейся встрече ветеранов в Кремле. Ожидали, что вечером, как обещал Горбачев, передадут полностью все выступления. Но в 21.00 в программе «Время» об этом было сказано вскользь. Ничего не передали и утром следующего дня.

– Я обратился к собравшимся с вопросом:

– Как понимать происшедшее? Обещали передать целиком все выступления, а передали крохи, да и в то время, когда люди еще на работе и телевизор не смотрят. Прошу вас, Владимир Александрович, как члена Политбюро ЦК, председателя КГБ, донести наше возмущение до президента.

И дальше продолжил:

– Здесь хорошо рассказывали фронтовики, как шли от Волги до Берлина. Давайте будем внукам рассказывать, как кто воевал, не надо самих себя убеждать... Наше место сейчас на улицах, на площадях, там, где бурлит народ, кипят страсти. Там наше слово нужнее. Осенью 1941 года мы остановили фашистов на подступах к Москве. Памятник – «надолбы» на пути в аэропорт Шереметьево – тому свидетельство. Тогда, в 41-м, не пропустили фашистов, а сегодня, через 45 лет, отдали Красную площадь. Кому? 1 Мая руководство страны трусливо покинуло трибуну Мавзолея. Мы просим вас, Владимир Александрович, довести до сведения президента не только нашу обеспокоенность, но и наше возму-

щение всем происходящим.

Выходили из зала плотной толпой. Ветераны жали руку и одобряли выступление. Секретарь парткома был обижен и демонстративно не замечал меня. Поломал я ему прекрасный сценарий.

* * *

В августе 1991 года высшее руководство страны дезориентировало чекистов, а затем и предало их.

ФИЛИПП БОБКОВ

Генерал армии, первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков... Но генералами, как известно, становятся не сразу. В шестнадцать лет в декабре 1941 года Филипп начал работать на заводе в Кемеровской области. Приписав себе пару лет, зимой 1942 года добровольцем ушел в Сибирский добровольческий стрелковый корпус. Отец – рядовой бронебойщик и сын – рядовой пехоты встретились на фронте в мае 1943 года. В тяжелейших боях на Смоленщине при штурме Гнездиловских высот под Спас-Демьяновском в районе станции Павлиново на высоте 233,3 Бобков-младший был ранен и награжден медалью «За отвагу».

В октябре 1943 года за бой под местечком Ленино награжден второй медалью «За отвагу», а вскоре за бои под Оршей отмечен солдатским орденом Славы III степени, был тяжело ранен – в его теле оказалось множество осколков. Восемь месяцев провел на госпитальной койке. И снова в полк, в пехоту. Летом 1944 года на глазах сына был смертельно ранен отец.

День Победы 9 мая 1945 года командир взвода старшина Филипп Бобков встретил в Курляндии. А уже в июне он – курсант Ленинградской школы контрразведки. В 1946 году младший лейтенант Бобков направляется на оперативную

работу на Лубянку, где и отработал долгих 45 лет. Здесь проявились его лучшие человеческие качества. Оставался самим собой, не поддавался конъюнктуре, не кривил душой перед людьми, не уходил от ответственности и оставался законопослушным.

Фронтовик и я, партизан, впервые встретились в сентябре 1958 года. Сходство военных судеб и мировоззрений сблизило нас на десятилетия. Помню его молодым майором, начальником отдела. Человек он был обязательный, обстоятельный, рассудительный. О таких говорят – мудрый. Не принимал необдуманных решений, не рубил сплеча. В его руках были судьбы людей, и он бережно относился к каждому человеку. Писатели, художники, артисты – скольких он уберег от беды и от тюрьмы. Что отличало его от других сотрудников? Всегда находил в человеке то, что оправдывало, а не только то, что обвиняло. Согласитесь, это немаловажное качество для чекиста.

Итак, в сентябре 1958 года мне присвоили звание майора и назначили начальником управления КГБ БССР. Стажировать меня предстояло Филиппу Бобкову. Так решил генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов.

Помню мой первый разговор с ним:

– Евгений Петрович, прошу Вас еще раз взвесить: не делаете ли Вы ошибки? Опыта-то у меня нет.

– Ну, это не совсем так. Вы прошли хорошую школу жизни: подпольный обком комсомола, партийная работа... Что

касается практической деятельности, то Вам поможет Бобков, Ваш ровесник, фронтовик.

Питовранов не ошибся в Бобкове. А Бобков постарался передать мне опыт, организовать стажировку и в дальнейшем оберегал от ошибок.

В последние годы Бобкова не один раз атаковали (вернее, шельмовали) СМИ – зарубежные и российские. Но даже в обстановке разнузданности, вседозволенности 90-х годов ему не могли предъявить серьезных обвинений. Вот что значит быть честным перед народом, сохранить верность долгу и Отечеству.

* * *

Не могу не сказать о Питовранове. Человек трудной судьбы. Его в 1946 году выдвинули начальником управления Министерства госбезопасности СССР, затем – заместителем министра. В 1951 году в результате известных провокаций Рюмина его арестовали. В подвалах Лубянки и в Лефортове он провел больше года. (Сидел в одной камере с писателем Львом Шейниным). 4 ноября 1952 года его освободили, а через 2 дня назначили начальником внешней разведки.

С приходом в 1953 году Л.П. Берия министром его освободили от должности и отправили в Берлин. Там он оставил добрый след. В 1957 году вернули в Москву, назначили начальником управления, а в 1960 году направили в Пе-

кин официальным представителем госбезопасности. Здесь он попал «не в дугу» (возражал против разрыва с Китаем), и его «убрали» на должность начальника Высшей школы КГБ. Работал он нестандартно.

Умному человеку всегда бывает трудно, когда рядом менее умные. Недоброжелатели не успокоились. В 1965 году его уволили из органов безопасности.

Умнейший специалист, интеллигент, энциклопедист оказался не у дел. В конечном итоге утвердили его руководителем Торгово-промышленной палаты СССР. И здесь проявился его талант организатора.

ВИТАЛИЙ БОЯРОВ

Его карьера началась в шестнадцать мальчишеских лет радистом Украинского штаба партизанского движения. Вернувшись в Киев из эвакуации (из Оренбурга), Виталий обратился к старому другу отца генерал-лейтенанту Строкачу с просьбой отправить его на фронт. По его рекомендации В. Бояров был принят в школу партизанских радистов. В ней учились сыны полков, дети погибших воинов. Отец Виталия в первые дни войны возглавил батальон добровольцев, который был вскоре преобразован в партизанский отряд. В 1942 году отец погиб в бою.

В сентябре 1945 года в 17 лет Виталий Бояров получил первичное офицерское звание – младший лейтенант. Служил в радиоконтрразведке МГБ Украины. В 1949 году перевели во Второе управление. В 1959 году он уже начальник отдела.

После обучения в разведшколе Боярова направляют заместителем резидента КГБ в Лондон. Работа в Англии проходила весьма успешно. Но на Запад бежал сотрудник КГБ Носенко, который мог «сдать» Боярова, так как знал его лично. Из Москвы выдворили второго секретаря английского посольства и в августе 1965 года, в качестве ответного хода, В.К. Боярова объявляют в Англии «персоной нон гра-та». Москва не имела претензий к своему сотруднику. Пра-

вительственную награду ему вручил председатель Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микоян.

В том же году его назначают заместителем начальника службы № 2 (внешняя контрразведка) 1-го Главного управления КГБ СССР, а в январе 1970 года – начальником этой службы.

Боярову пришлось окунуться в самые сложные операции, которые выпали на долю разведки. За успешную работу он был награжден орденом Красной Звезды и знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». В 1972 году ему присвоено звание генерал-майора. В 1973 году его утверждают заместителем начальника 2-го Главного управления, а в 1980 году – первым заместителем. Он курировал все основные подразделения, которые действовали против американской, английской, германской и других резидентур на территории СССР.

В 1980 году был показан телесериал «ТАСС уполномочен заявить». Фильм был снят по сценарию Юлиана Семенова, а основу сюжета составляло т.н. «Дело Трианона». Это дело – безусловная удача КГБ. Под именем генерала Константинова, которого играл народный артист СССР В. Тихонов, выведен В.К. Бояров. Именно он руководил той операцией, именно ему принадлежит идея создания фильма.

Генерал-лейтенанта Боярова высоко отметило государство, наградив орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени.

Московская Олимпиада. Идеальный порядок в столице. И непростая обстановка. Олимпиаду бойкотировали США и другие страны в отместку за ввод наших войск в Афганистан. Ожидались провокации арабских экстремистов. Еще свежа была в памяти трагедия в Мюнхене, когда погибли израильские спортсмены.

В этой напряженной обстановке оперативный штаб (Ф. Бобков, В. Бояров, Б. Шумилин) принял решение изъять боевые патроны, чтобы не было даже непредвиденного случайного выстрела. Зрители видели вооруженных солдат и офицеров, но не догадывались, что они не могут сделать ни одного выстрела. Мы спокойно следили с внуками за спортивными событиями на трибуне в Лужниках и не догадывались о той напряженной работе чекистов. Им мы были обязаны тем, что безмятежно насладились великолепным зрелищем.

* * *

Имея прямое отношение к обеспечению безопасности в сфере экономики, Бояров активно участвовал в разработке концепции реорганизации таможенной службы страны. Она была одобрена правительством. Для ее реализации было создано Главное управление государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР. Работая первым заместителем, а затем и руководителем таможенной службы, В.К. Бояров оставил заметный след в ее деятельности.

При нем был создан современный Таможенный кодекс. Были пресечены попытки крупных поставок наркотиков в страну. Организация борьбы с наркотиками была выстроена как элемент мировой системы.

В июле 1991 года Бояров покинул пост руководителя таможенной службы и создал Международную ассоциацию по правовым и налоговым вопросам, стал ее президентом. Эта ассоциация – одна из наиболее авторитетных компаний, оказывающих юридические и аудиторские услуги российским и иностранным фирмам.

* * *

Последний штрих к портрету. Боярова всегда отличали высокая интеллигентность и культура в работе. Глубина мысли и гуманное отношение к человеку. Книголюб и страстный охотник.

ЛЕОНИД ШЕБАРШИН

Одной из ярких личностей в разведке был генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. Ас-разведчик. Прошел все ступени службы – от низшей до самой высокой. Человек чести. Глубокий, трезвый аналитический ум. Оптимист. Неиссякаемый юмор. Мастерски владеет пером. Можно до бесконечности цитировать его книгу «Из жизни начальника разведки» (Москва, 1994). Приведу лишь пару страничек из одной его книги (1992).

«Я чувствую себя беспредельно униженным, обманутым и ограбленным, бунтуют остатки человеческого достоинства, возмущенного надругательством над ним. Ведь не только для того я жил, чтобы сытно есть и сладко пить. Я считал себя в меру образованным, в меру разумным, в меру порядочным человеком. Казалось, что так меня и мне подобных воспринимают и другие.

56 лет – немалая жизнь. В ней были война, голод, теснота, бедность, смерть близких, обстрелы и осады, разочарование в людях и в себе – обычный набор обычного русского человека моего поколения. Не о чем особенно горевать и нечему особенно радоваться. Но зачем же меня так часто и так гнусно обманывали люди, которым я обязан был верить, зачем же меня заставляли обманывать тех, кто был обязан и хотел верить мне?

Перечень предательств и лжи тягостен, но совершенно необходимо изложить его, вытвердить на память хотя бы для того, чтобы никому не позволить еще раз насмеяться надо мной, над дурацкой верой в порядочность власть имущих.

Нас предали первый раз, когда заставили поверить в полубожественную гениальность Сталина. Мы были еще слишком молоды для цинизма, для того чтобы подвергать сомнению мудрость старших. (Может быть, идиотом был только я? Имею ли право обобщать? Уверен: имею.)

Я и мои сокурсники плакали в марте 1953 года настоящими горькими слезами. Умер Сталин, черная туча грядущих горестей надвинулась на страну и на нас, ее бедных детей. Мы были слишком неопытны, чтобы за траурной пеленой разглядеть лихорадочный блеск глаз одержимых жаждой власти соратников и наследников «вождя всех времен и народов».

В 1956 году нас заставляли поверить в то, что Сталин был преступником (не просто знать, а поверить), что все, во что нас раньше, совсем недавно, заставляли верить те же самые, сегодняшние вожди, – все это было чудовищным обманом. Унизительно даже вспоминать культик нашего дорогого Никиты Сергеевича, а затем героя Великой Отечественной войны, героя целины, героя возрождения, махрового аппаратчика Леонида Ильича Брежнева, жалкую фигуру Черненко.

В феврале 1984 года, когда стало известно о кончине Ю.В. Андропова, сидя в маленькой комнатке информационной

службы, мы гадали, кто же станет нашим вождем, и гнали прочь мысль, что это место может занять бывший заведующий гаражом и бывший заведующий канцелярией Черненко. Уже через неделю на собраниях и совещаниях звучали льстивые слова о «лично товарище Константине Устиновиче Черненко». В этот период уже не обязательно было глубоко и искренне верить, но совершенно обязательно было публично врать.

Обстояло ли дело по-другому при Андропове? Обаяние его личности в моем кругу оперативных работников разведки среднего и рядового эшелона было велико. Оно возрастало в личном общении с Юрием Владимировичем. Он был дальновиден, практичен и остроумен, говорил просто и по делу. Не пришло бы в голову в разговоре с ним прибегать к текущим лозунгам, привычной риторике. Случись такое, думаю, разговор был бы последним. Но и Андропов вольно или невольно заставлял нас верить в ложь и лгать самим.

Из официального лексикона исчезло слово «совесть». Ложь стала и ступенькой к успеху, и инструментом в политических играх, и условием выживания. Но совесть, человеческое достоинство могли исчезнуть без следа только в высших и приближенных к ним сферах, где пьянящий аромат власти и всеислия заглушал все.

Они врали ради власти, заставляли нас врать ради своей власти, а мы были вынуждены делать вид, что верим, старались искренне верить всей этой своекорыстной и тупой бол-

товне. Искренне верить, ибо иначе жить человеку, в котором сохранились хоть какие-то частицы совести, невозможно.

Настали новые времена. Если ложь и не отменили, то по меньшей мере уравнивали в правах с правдой. Уходила в прошлое непререкаемость единой канонизированной истины, носителями которой были верховный жрец и таинственный синклит мудрецов, именуемый «политбюро». Еще принимались подозрительно к словам блюстителя былой идейной чистоты, но становилось ясно, что каждый может верить в то, что ему кажется правдой, и открыто об этом говорить. Появилась робкая надежда, что даже если наши вожди не очень мудры, то по меньшей мере честны.

Право на правду, однако, было вновь использовано для обмана. Нас предали в очередной раз».

* * *

В августе 1991 года, пробыв два дня исполняющим обязанности председателя КГБ СССР, Л.В. Шебаршин отказался от предложения занять пост первого заместителя председателя КГБ (у В.В. Бакатина). А в сентябре в знак протеста против дури Бакатина подал рапорт об отставке. Она была принята незамедлительно и с радостью.

А чему радоваться? Начальник сильнейшей разведки мира вышиблен из седла. Для государства это большой урон. Талант и опыт до сих пор не востребованы. Как же надо не

дорожить своим золотым фондом – людьми, чтобы бросаться такими генералами, такими «мозгами»?

Сегодня, когда борьба с терроризмом встала во весь рост, бесценный опыт Шебаршина, знающего Восток, нужен не только России. Лучшего консультанта трудно найти. Такого профессионала надо еще поискать. Таких не так уж много в мире.

* * *

Любопытно высказывание Гора Видала, крупнейшего американского писателя, историка и публициста (брата экс-вицепрезидента А. Гора). Он дает весьма лестную оценку потенциалу чекистов: «В конце концов, русский лидер может быть выходцем только из недр КГБ... Они единственные, кто знает, как работает остальной мир... Они неутомимы...». Он дает характеристику В. Путину: «Это спокойный, осмотрительный, современный управленец, который даже мог бы встать во главе нашего Пентагона и руководить им с легкостью».

А разве Россией руководить легче? Кстати, Дж.Буш (старший) руководил ЦРУ, Ю.В. Андропов – КГБ СССР.

* * *

До сих пор не утихают стенания либералов по поводу при-

хода к руководству страной чекистов. В первую очередь камушки бросают в огород президента.

При этом почему-то забывают, что Путин не первопроходец. У него были предшественники с Лубянки, которых история призвала руководить страной на переломных этапах истории, проводить реформы со знаком «плюс».

В феврале 1924 года, когда Россия была в разрухе, остро нуждалась в реформировании, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) возглавил Ф.Э. Дзержинский. Он оказался решительным сторонником нэпа, сторонником рыночных отношений, поддерживал частную инициативу.

«Дзержинский категорически возражал против директивного планирования производства. Он был убежден в эффективности развития тяжелой промышленности на основе крестьянского рынка и не считал возможным проведение индустриализации, как того требовал Троцкий и «левые», за счет крестьянства, его благосостояния. Накопления в государственном секторе посредством снижения себестоимости выпускаемой продукции и ускорения оборота (а не военно-феодалная дань с мужика) были для Железного Феликса выходом из кризиса» (П. Евдокимов). Под руководством чекиста Дзержинского ВСНХ стал самым демократичным органом хозяйственного управления и внес огромный вклад в экономическое возрождение страны.

В 1926 году (перед смертью) Ф.Э. Дзержинский писал В.В. Куйбышеву: «Если мы не возьмем правильной линии в

руководстве народным хозяйством, не найдем правильного темпа, то оппозиция наша будет расти и страна тогда найдет своего диктатора...».

На памяти нашего поколения приход Ю.В. Андропова к руководству страной. Это был мудрый, трезвый политик, убежденный сторонник проведения реформ. Помните его знаменитое: «Нам надо разобраться, в какой стране мы живем». И далее: «Нам надо очень серьезно проанализировать ситуацию в СССР и понять, как мы можем из нее выйти».

Мне недавно рассказывал А.И. Вольский о реакции на это заявление: «Никогда не забуду, как в огромном зале Дворца съездов в едином порыве поднялись со своих мест пять тысяч человек. Такого шквала искренних аплодисментов не припомню».

Андропов сказал то, что думали миллионы людей. Вдумайтесь в это, прежде чем обвинять всех коммунистов в ретроградстве.

Я хорошо помню начало 70-х годов (далеко до «перестройки»), как Ю.В. Андропов, мучительно переживая за положение в стране, искал пути выхода из застоя. Я был невольным свидетелем его сокровенных рассуждений.

А.И. Вольский приводит такой пример. Летом 1917 года (между двумя революциями) на съезде Союза промышленников миллионер Рябушинский заявил: «Господа социалисты и социал-демократы! Не разрушайте здание, в котором мы живем! Постройте рядом новое, а в старом мы хотя бы

укроемся от дождя, если он пойдет». Ю. В. Андропов мыслил провести реформы таким же образом. И не случайно китайский лидер Цзян Цзэмин утверждал, что Китай пошел именно по андроповскому пути и благодаря этому избежал распада.

У всех на памяти недавний приход к руководству правительством России Е.М. Примакова – бывшего шефа разведки.

Так что у Путина В.В. были умные предшественники с Лубянки. Их положительный опыт реформирования полезен. Отрицательное оставим за бортом. В отличие от первого президента России В. Путин не машет кадровым топором, не сменяет людей при первых неудачах, заставляет учиться на собственных ошибках. А то, что расставляет на ключевые посты выходцев из госбезопасности, проверенных людей, – правильно делает. Ему «демократы» не подготовили иного кадрового резерва.

Чекисты во власти – это политическое зло или благо? Уверен, что история ответит – благо.

ДОРОГИ... ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ...

Жизнь сводила меня со многими неординарными людьми, крупными государственными и политическими деятелями XX века. Это – К.У. Черненко, П.К. Пономаренко, Ф.Д. Кулаков, Г.А. Алиев, Д.А. Кунаев, Д.С. Полянский, В.В. Гришин, А.И. Вольский, А.Н. Шелепин, В.Ф. Промыслов, П.Н. Демичев, В.В. Кузнецов, П.А. Абрасимов, Н.С. Патолитчев, В.С. Мураховский, Б.Е. Панюков, Е.М. Тяжельников и другие интересные люди, которые заслуживают того, чтобы о них помнили.

Приходилось встречаться и с зарубежными политиками, среди которых Александр Дубчек и Милош Якеш, Тодор Живков и Янош Кадар, Рауль Кастро и Аугустиньо Нетто, Эрих Хоннекер и Эрих Мильке, Урхо Кекконен и король Испании Хуан Карлос...

Сколько их было – встреч... Если Господь отпустит мне время и будут силы – напишу, хоть кратко, но напишу о них.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не писал биографии, не рисовал портреты. Я ставил более скромную цель – написать штрихи к портретам. Штрихи и есть штрихи. Они скупы, лишь что-то добавляют, какие-то частности, но они – бесценные свидетельства, без них портрет – не портрет. Маленькие штрихи могут приобретать большое значение.

От меня ждали сенсаций, «жареных фактов». Мое отношение к этому – отрицательное. Конечно, я многое знал и знаю, но считаю недостойным выносить на публичное обсуждение сугубо личную жизнь людей. Это непорядочно, недостойно для нормального человека. Мне многие верили, доверяли, и я не могу обмануть их доверие. Совесть человека должна быть чиста. С ней, чистой совестью, спишь лучше.

Мои публикации «Штрихов» в «Народной газете» в 2001 г. и «Кавказской здравнице» в 2002 г. были благосклонно приняты читателями. Высказанные мне критические замечания относились не к тому, что написано, а к тому, что не написано.

*Пинск – Москва – Кисловодск.
2000–2002 гг.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АГЕЕВ Г.Е. – генерал-полковник, заместитель, 1-й заместитель Председателя КГБ СССР (по 1991 г.).

АЛЕКСЕЙЧИК Я.Я. – известный журналист, руководитель БелТА (Белорусского телеграфного агентства) с 1988 по 2002 г.

АЛИЕВ Г.А. – председатель КГБ Азербайджана, с 1969 по 1982 г. – 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана, с 1982 по 1987 г. – 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Политбюро, с 1993 г. – Президент Азербайджана, дважды Герой Социалистического Труда.

АНДРОПОВ Ю.В. – с 1957 г. – зав. отделом, секретарь ЦК КПСС, с 1967 по 1982 г., – председатель КГБ СССР, с 1982 г., – секретарь, а с ноября 1982 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро с 1973 по 1984 г.

АНТОНОВ С.Н. -с 1965 по 1978 г.-начальник9-гоУправления, с 1978 по 1984 г. – заместитель председателя КГБ.

БАННИКОВ С.Г. – с 1960 по 1967 г. – начальник 2-го Главка, заместитель председателя КГБ СССР, с 1967 г. – заместитель Председателя Верховного суда СССР.

БАЦАНОВ Б.Т. – помощник Председателя Совета Министров СССР Косыгина А.Н. (1966-1980 гг.).

БЕЛОНОЖКО С.Е. – генерал-полковник, в 70-е гг. – ко-

мандующий войсками ТуркВО.

БОБКОВ Ф.Д. – генерал армии, с 1968 по 1983 г. – начальник 5-го управления, с 1983 по январь 1991 г. – заместитель, первый заместитель председателя КГБ СССР.

БОСЕНКО Н.В. – с 1967 по 1973 г. – председатель Ставропольского крайисполкома.

БОТАШЕВ М.А. – с 1956 по 1979 г. – председатель Карачаево-Черкесского облисполкома.

БОЯРОВ В.К. – генерал-лейтенант, с 1973 по 1989 г. – заместитель, 1-й заместитель начальника 2-го Главка КГБ СССР, с 1989 по 1991 г. – председатель ГТК, действительный государственный советник.

БРЕЖНЕВ Л.И. – с 1960 по 1964 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1964 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС и одновременно – с 1977 по 1982 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

БУРМИСТРОВ Ф. – с 1968 по 1978 г. – 1 -й секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС.

ВАСИЛЬЕВ П.И. – генерал-лейтенант, начальник управления кадров КГБ СССР, заместитель представителя КГБ СССР в ГДР

ВОЛЬСКИЙ А.И. – в 1969-1991 гг. – зам.зав. отделом ЦК, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, президент РСПП.

ГОРБАЧЕВ М.С. – секретарь Ставропольского крайкома ВЛКСМ, секретарь горкома КПСС, 2-й секретарь Ставро-

польского крайкома, а с 1970 по 1978 г. – 1-й секретарь, с 1978 по 1985 г. – секретарь ЦК КПСС, с 1985 по 1991 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС и одновременно – в 1989–1990 гг. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, в 1990–1991 гг. – Президент СССР.

ГРЕКОВ Л.И. – в 70-е годы -2-й секретарь ЦК КП Узбекистана.

ГРИГОРЕНКО Г.Ф. – с 1970 по 1983 г. – начальник 2-го Главка, заместитель председателя КГБ СССР, с 1983 по 1992 г. – заместитель министра общего машиностроения СССР.

ГРИГОРЬЕВ В.В. – секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель Брестского облисполкома, 1-й секретарь Витебского обкома, с 1998 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол РБ в России.

ДЕМИЧЕВ П.Н. – с 1961 по 1974 г. – секретарь ЦК КПСС, с 1974 по 1986 г. – министр культуры СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

ДЕМЧЕНКО В.П. – заслуженный врач России, главврач санатория «Москва» (г. Ессентуки).

ДОЛГИХ В.И. – с 1958 по 1969 г. – главный инженер, директор Норильского комбината, с 1969 по 1972 г. – 1-й секретарь Красноярского крайкома КПСС, с 1972 по 1988 г. – секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда, доктор технических наук.

ДЕРЯБИН А.В. – выдающийся организатор курортного

дела.

ДУКАНОВ О.М. – генерал, герой России, с 2002 г. – начальник Ставропольского УФСБ.

ЕЛЬЦИН Б.Н. – с 1976 по 1985 г. – 1-й секретарь Свердловского обкома КПСС, с 1985 по 1987 г. – 1-й секретарь Московского горкома КПСС, кандидат в члены Политбюро, с 1990 по 1991 г. – Председатель Верховного Совета РСФСР, с 1991 по 1999 г. – Президент РФ.

ЕРИН Л.Т. – генерал-лейтенант, с 1995 г. – 1-й заместитель, с 2002 г. – председатель КГБ Республики Беларусь.

ЕФРЕМОВ Л.Н. – председатель Куйбышевского облисполкома, 1-й секретарь Курского, Горьковского обкомов КПСС, заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, кандидат в члены Политбюро, с 1964 по 1970 г. – 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС, с 1970 г. – 1-й заместитель председателя ГКНТ СССР.

ЗАВЕРШИНСКИЙ В.И. – генерал-полковник, 1-й заместитель директора СВР.

ЗИМЯНИН М.В. – 1-й секретарь ЦК ЛКСМБ, 2-й секретарь ЦК КПБ, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР во Вьетнаме и Чехословакии, заместитель министра иностранных дел, главный редактор «Правды», секретарь ЦК КПСС в 1976 – 1987 гг.

КАРАСЕВ Е.С. – полковник, с 1964 по 1981 г. – начальник охраны Косыгина А.Н.

КАРДЫШЕВ А.В. – генерал-майор, в 60-е годы – пред-

седатель КГБ Азербайджана, с 1963 по 1967 г. – начальник службы №1, заместитель начальника 2-го Главка КГБ СССР.

КАРИМОВ И.А. – 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана, член Политбюро, Президент Республики Узбекистан.

КЕБИЧ В.Ф. – директор завода, секретарь Минского горкома КПБ, председатель Госплана и заместитель Председателя Совета Министров БССР, председатель Правительства Белоруссии в 1990–1994 гг.

КИСЕЛЕВ Т.Я. – секретарь Брестского обкома КПБ, 2-й секретарь ЦК КПБ, Председатель Совета Министров Белоруссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР, 1-й секретарь ЦК КПБ, кандидат в члены Политбюро.

КЛЕЩЕВ А.Е. – Герой Советского Союза, 1-й секретарь Пинского, Полоцкого, Кокчетавского обкомов партии, Председатель Совета Министров БССР в 1948–1953 гг.

КОЗЛОВ В.И. – Герой Советского Союза, генерал-майор, секретарь Минского подпольного обкома КПБ, Председатель Президиума Верховного Совета БССР

КОНДРАТОВ П.А. – генерал-лейтенант, в 1999-2002 гг. – начальник Ставропольского УФСБ.

КОРЖ В.З. – генерал-майор, Герой Советского Союза, легендарный партизанский командир. Председатель колхоза «Партизанский край».

КОСЫГИН А.Н. – с 1960 по 1964 г. – 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1964 по 1980 г. – Председатель Совета Министров СССР.

КРЮКОВ В.Я. – помощник 1-го секретаря ЦК КПБ, зав. общим отделом ЦК КПБ.

КРЮЧКОВ В.А. – с 1972 по 1988 г. – начальник ПГУ и заместитель председателя КГБ СССР, с 1988 по 1991 г. – председатель КГБ СССР, член Политбюро.

КУЗЬМИН А.Т. – секретарь Минского обкома КПБ, секретарь ЦК КПБ по идеологии в 1960 – 1984 гг.

КУЛАКОВ Ф.Д. – с 1960 по 1964 г. – 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС, с 1964 по 1978 г. – секретарь ЦК КПСС, член Политбюро.

ЛАТЫПОВ У. Р – министр иностранных дел РБ, с 2001 г. – руководитель Администрации Президента РБ, доктор юридических наук.

ЛЕЖЕПЕКОВ В.Я. – с 1966 по 1969 г. -2-й секретарь Минского обкома КПБ, с 1969 по 1978 г. – начальник политуправления погранвойск, начальник Управления кадров, с 1978 по 1983 г. – заместитель председателя КГБ СССР, с 1983 по 1985 г. – заместитель министра внутренних дел СССР.

ЛУКАШЕНКО А.Г. – с 1994 г. – Президент Республики Беларусь.

ЛЫЖИН Н.М. – секретарь Брестского подпольного обкома ЛКСМБ, в 50 – 60-е гг. – секретарь Ставропольского крайкома КПСС по кадрам и 1-й секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС.

МАЗУРОВ К.Т. – один из организаторов партизанского

движения в Белоруссии, секретарь ЦК ЛКСМБ, 1-й секретарь Минского горкома, обкома КПБ, Председатель Совета Министров БССР, 1-й секретарь ЦК КПБ, 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Политбюро, Герой Социалистического Труда.

МАЧУЛЬСКИЙ Р.Н. – Герой Советского Союза, командир партизанского соединения, 1-й секретарь Пинского обкома КПБ, председатель Брестского облисполкома.

МАШЕРОВ П.М. – секретарь подпольного Молодечненского обкома ЛКСМБ, секретарь ЦК ЛКСМБ, 1-й секретарь Брестского обкома КПБ, секретарь, 1-й секретарь ЦК КПБ, кандидат в члены Политбюро, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда.

МИРЕК ЭРИХ – в 1941 г. – солдат 293 немецкой дивизии.

МИЦКЕВИЧ В.Ф. – председатель Минского облисполкома, 1-й секретарь Гродненского обкома партии, секретарь ЦК КПБ, 1-й заместитель Председателя Совета Министров БССР.

МУРАХОВСКИЙ В.С. – 1-й секретарь Кисловодского и Ставропольского горкомов, Карачаево-Черкесского обкома и Ставропольского крайкома КПСС, с 1985 по 1989 г. – 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР.

МЫЛЬНИКОВ Б.А. – генерал-полковник, в 1995-1999 гг. – начальник Ставропольского УФСБ, с 2000 г. – руководитель антитеррористического центра, 1-й заместитель Директора ФСБ России.

ОРЛОВСКИЙ К.П. – командир партизанского отряда «Соколы», Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Рассвет».

ПАНЮКОВ Б.Е. – с 1979 по 1989 г. – заместитель, 1-й заместитель, с 1989 по 1992 г. – министр Гражданской авиации СССР.

ПАТОЛИЧЕВ Н.С. – 1-й секретарь Ярославского, Челябинского, Ростовского обкомов КПСС, секретарь ЦК ВКП (б), 1-й секретарь ЦК КПБ, заместитель министра иностранных дел СССР, министр внешней торговли СССР, дважды Герой Социалистического Труда.

ПИРОЖКОВ В.П. – генерал-полковник, с 1969 по 1970 г. – начальник управления кадров, с 1971 по 1989 г. – заместитель председателя КГБ СССР.

ПИТОВРАНОВ Е.П. – генерал-лейтенант, заместитель министра МГБ СССР, начальник 4-го Управления КГБ СССР, начальник Высшей школы КГБ, председатель ТПП СССР.

ПОДГОРНЫЙ Н.В. – с 1963 по 1965 г. – секретарь ЦК КПСС, с 1965 по 1977 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро.

ПРИТЫЦКИЙ С.О. – легендарный подпольщик в Западной Белоруссии (Польша), в 1936 г. приговорен к смертной казни. В результате протестов мировой общественности приговор заменен пожизненным заключением. Начальник польского штаба партизанского движения, 1-й секретарь Грод-

ненского, Барановичского, Молодечненского, Минского обкомов партии, 2-й секретарь ЦК КПБ, Председатель Президиума Верховного Совета БССР.

ПОНОМАРЕНКО П.К. – генерал-лейтенант, с 1938 г. – 1-й секретарь ЦК КПБ, начальник Центрального штаба партизанского движения, член военных советов ряда фронтов и армий, Председатель Совета Министров БССР, секретарь ЦК ВКП (б), министр культуры, министр заготовок СССР, 1-й секретарь ЦК КП Казахстана, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Польше, Индии, Непале, Нидерландах.

ПУТИН В.В. – Президент Российской Федерации.

РАЛЬКО В.А. – партизан, дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Оснежицкий».

РАШИДОВ Ш. Р – 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана, кандидат в члены Политбюро, дважды Герой Социалистического Труда.

РЫЖКОВ В.С. – директор Уралмашзавода, заместитель Председателя Госплана СССР, секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров в 1985 -1990 гг., член Политбюро.

СЕРГЕЕВ В.С. – генерал-лейтенант, в 60-70-е гг. – заместитель начальника Ставропольского управления КГБ, председатель КГБ Кабардино-Балкарии, начальник Алтайского УКГБ, начальник 3-го Главка КГБ СССР.

СИМОНОВ Н.И. – начальник штаба, начальник разведки партизанского отряда им. Н. Гастелло, с 1964 по 1978 г. – помощник 1-го заместителя Совмина СССР К.Т. Мазурова.

СКОРОХОД Ю.С. – редактор «Полесской правды».

СМИРНОВ А.А. – зав. отделом ЦК КПБ, 1-й секретарь Брестского обкома КПБ, секретарь ЦК КПБ, председатель Центросоюза СССР.

СОКОЛОВ Е.Е. – с 1977 по 1987 г. – 1-й секретарь Брестского обкома партии, с 1988 по 1990 г. – 1-й секретарь ЦК КПБ, член Политбюро.

ТИМОФЕЕВ М.А. – генерал-лейтенант, заместитель начальника УКГБ Ставропольского края, начальник УКГБ Хабаровского края, заместитель начальника 2-го Главка, КГБ СССР, заместитель министра Гражданской авиации СССР.

ТОЗИК А.А. – генерал-майор, доктор исторических наук, председатель Комитета государственного контроля РБ.

ХОРУЖАЯ В.З. – Герой Советского Союза, легендарная партизанка (погибла в 1942 г.).

ХРИСТОФОРОВ В.С. – с 1970 по 1983 г. – начальник 9-й службы УКГБ Ставропольского края.

ЦВИГУН С.К. – генерал армии, с 1963 по 1967 г. – председатель КГБ Азербайджана, с 1967 по 1982 г. – первый заместитель председателя КГБ СССР, Герой Социалистического Труда.

ЦИНЕВ Г.К. – генерал армии, начальник 3-го, 2-го Главков, с 1970 по 1984 г. – заместитель, 1-й заместитель КГБ СССР, Герой Социалистического Труда.

ЧАЗОВ Е.И. – всемирно известный кардиолог, академик РАИ и РАМН, лауреат Ленинской и 3-х Государственных

премий, начальник 4-го Управления Минздрава СССР, с 1988 по 1991 г. – министр здравоохранения СССР, Герой Социалистического Труда.

ЧЕБРИКОВ В.М. – с 1967 по 1982 г. – начальник управления кадров, заместитель председателя КГБ, с 1982 по 1988 г. – председатель КГБ СССР, с 1988 по 1989 г. – секретарь ЦК КПСС, член Политбюро.

ЧЕРНЕНКО К.У. – с 1965 по 1976 г. – заведующий общим отделом ЦК КПСС, с 1976 по 1984 г. – секретарь, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

ШАПОВАЛОВ П.Г. – секретарь подпольного Пинского обкома партии (погиб в 1941 г.).

ШЕБАРШИН Л.В. – генерал-лейтенант, с 1988 по 1991 г. – начальник ПГУ, заместитель председателя КГБ СССР.

ШОРНИКОВ С.С. – генерал-лейтенант, в 1968-1987 гг. – комендант Московского Кремля.

ШУМИЛИН Б.Т. – генерал-полковник, с 1966 по 1988 г. – заместитель министра МВД СССР.

ЮДЧИЦ А.А. – журналист, заместитель главного редактора газеты «7 дней».

ЮФЕРОВА Я.Б. – известная журналистка («Комсомольская правда», «Известия», «Труд», «Российская газета»),

ЯКОВЛЕВ А.Н. – руководитель отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, посол СССР в Канаде, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» ОТ 7 ОКТЯБРЯ 1976 г.

– *Какие черты характера Вы цените ?*

Э.Н. Прежде всего я ценю искренность, принципиальность, доброжелательность, умение и желание всегда помочь человеку. Я ценю бескорыстие в дружбе... В годы войны мне приходилось встречать разных людей. Видел подлецов, которые губили своих товарищей. Видел гордых и мужественных людей, которые шли на смерть, чтобы выручить товарищей из беды...

«НЕДЕЛЯ», № 12, 1987 г.

– *Трудно первым подниматься в атаку? Она может быть и последней в твоей жизни...*

Э.Н. Первому всегда трудно. Но кто, если не ты? Это – в войну. А сегодня?.. бороться за правду не всегда просто и легко. Но кто, если не ты? За многие десятилетия убедился: правду нельзя сломать. Согнуть можно, но не сломать. В семидесятые годы, работая в Узбекистане, находился в нелегкой обстановке. Освободили от работы, невнятно объяснив мотив: «Претензий к Вам нет, но не сработался с Ш.Р. Рашидовым». Тяжело на душе, когда качели твоей биографии идут вниз, находятся люди, готовые отвернуться, перейти на другую сторону улицы... Не сломался! Верил: правда вос-

торжествует. Приспособленцам, подхалимам тогда было легко: обласканы чинами и наградами. А сегодня? Я с чистой совестью встречаю день. Может ли быть выше награда, чем победа правды?

«НАРОДНАЯ ГАЗЕТА» ОТ 15 ФЕВРАЛЯ 2002 г.

– *Эдуард Болеславович, вот вы опять в Минске, и я позволю себе спросить о том, какой у вас все-таки здесь интерес?*

– От Беларуси мне сейчас ничего не надо. Она дала мне не только жизнь, но и путевку в нее. Родила, вырастила, обучила, а теперь пришла пора отдавать ей долги. Отдай все, что можешь.

– *Вы, знаю, были активным свидетелем президентских выборов в Беларуси. А сейчас, спустя время, как смотрите на нашу жизнь и что думаете?*

– На выборах Александр Лукашенко получил кредит доверия от народа. Извлек уроки из критики избирателей, заменил руководителей ряда министерств, сформировал новое правительство. Некоторые назначения предыдущих лет кажутся мне неудачными – просто слабые люди. Может, они и лично преданные, но слабые. Лукашенко их заменяет и дальше будет вынужден заменять, в том числе в районах и городах. И правильно, потому что кое-кто работу не тянет, да и по личным качествам слабоват.

– *Короля, известно же, делает свита...*

– Да. Вокруг руководителя всегда собирается команда

единомышленников, умных людей. А если в свите дурак, то тень – на начальника. Порой уж лучше врага иметь, чем такого соратника.

– *О чем еще думаете здесь?*

– После выборов Александр Григорьевич ведет себя спокойно и взвешенно. Это радует и обнадеживает. И я надеюсь, преобразования и реформы состоятся. Впрочем, чего надеяться? Надо делом помогать президенту.

– *Но сегодня его критикуют...*

– А где не критикуют? Кто работает, того и критикуют.

– *От победивших и проигравших на выборах народ ждет одного – улучшения жизни.*

– Конечно. Поэтому победившие призваны не расслабляться, а удвоить энергию.

– *А проигравшие?*

– С ними сложнее. Читая газеты оппозиции, ловлю себя на мысли, что у них преобладает психология мелких политических склочников. Кому сегодня нужна конфронтация? Людям надоела драчка. Оппозиции нужно сделать мужественный шаг – признать поражение.

– *Знаю: вы не кривили душой, поэтому к вашим советам прислушивались Андропов, Машеров, Косыгин, Мазуров... А сейчас?*

– Имеете в виду в Минске? Иногда прислушиваются, в окружении Президента Лукашенко есть умные люди. А хороший совет – дороже денег. Но, к сожалению, некоторые

считают: раз его назначили начальником, то он семи пядей во лбу. Вот таким советы не нужны.

– А в Москве?

– Если бы прислушивались к советам и учли прошлый опыт, то, может быть, сохранили бы тысячи жизней в Чечне.

– Но, может, хватит о политике. Давайте поговорим «за жизнь». Вы в годы войны 1119 дней были в тылу врага, потом свыше 30 лет – в госбезопасности. Это, конечно же, трудно...

– Не то слово. У генералов отчего случаются инфаркты? От сладкой, спокойной жизни? Это только в шуточной песне поется: «Как хорошо быть генералом...». А в жизни – постоянное напряжение, стресс... Руководя большими и маленькими коллективами, я всегда придерживался простого принципа: не мешай работать толковым, умным сотрудникам, не дергай ежечасно. Замечай хороших людей, уважай их труд. Если ты начальник, то не думай, что ты самый умный. Извините за повтор.

– А в войну?

– Командир, береги людей!

– Что больше всего, Эдуард Болеславович, цените в людях?

– Искренность, принципиальность, умение и желание помочь человеку. Бескорыстие в дружбе. А вот зависти, лицемерия, интриганства не переношу. Не люблю сплетников.

– Сталкивались со сплетниками?

– А кто с ними не сталкивался?! Сплетник ведь говорит о том, что было, чего не было и чего не могло быть.

– *Ошибались в людях?*

– Бывало, хотя у меня нюх на хороших людей. Обидно, когда доверял, а человек оказывался подлецом.

– *Как ни странно, но такие часто и наград отхватывали будь здоров...*

– Меня удивляет, когда у чиновника пять-шесть орденов Трудового Красного Знамени или три-четыре «Знак Почета». Вроде вместе, рядом служили, а «иконостас» у него – до пупка. Рвение, именно рвение к наградам у меня всегда вызывало чувство неприятия.

– *Как награждали в партизанах, в тылу врага?*

– С горечью думал и думаю: в каком же долгу перед партизанами и подпольщиками Родина? Скупно награждали партизан. Медалью «Партизану Отечественной войны» награждено 127 тысяч человек на 1 миллион 400 тысяч партизан. Это много или мало?

– *А вас часто награждали?*

– За 60 лет – с 1941 по 2001 год – два ордена Красного Знамени, два – Отечественной войны I степени, орден Октябрьской Революции. Как видите, ни одного «по поводу» или «по случаю»... Первым орденом Красного Знамени наградили 26 августа 1942 года. В том указе этой награды удостоили только двоих пинских партизан – Василия Коржа и вашего покорного слугу. Я был самым счастливым челове-

ком, гордился и сейчас горжусь этим орденом.

– Вручали его в тылу врага?

– Тут такая история. Из Москвы привез на Любанщину ордена и медали для вручения Василий Иванович Козлов. Я в то время был далеко от тех мест—за Днепровско-Бугским каналом. Слух донес до штаба соединения, что я погиб (группа моих партизан нарвалась на засаду и погибла в марте 1944 года). Штабисты сделали отметку: «Погиб».

После освобождения Белоруссии в сентябре или октябре 1944 года в Минске, в театре им. Янки Купалы, В.И. Козлов вручал партизанам награды. Я сидел в зале и ждал. Но... на сцену не вызывали. После церемонии подошел к президиуму:

– А почему меня нет? Меня же наградили летом 42-го?

– Приходи завтра в Дом правительства, разберемся.

Пришел я в Верховный Совет БССР. В картотеке – отметка: погиб в апреле 44 г на Днепровско-Бугском канале. Все правильно, поэтому тебя, брат, в список для вручения и не включили. Разобрались. Вручили орден буднично, поэтому сейчас уже не помню, как. Но носил и ношу его с гордостью. Заслуженно, потому и с гордостью.

Вообще же пинских награждали редко. Легендарный Василий Корж был в августе 1942 года отмечен орденом Красного Знамени, затем Отечественной войны I степени, и только после освобождения Белоруссии ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Не обходилось без субъективизма. Кто-то заслужил, а кому-то повезло. Так и в званиях. В начале 90-х годов некоторые от полковника до генерал-полковника за полтора года... Уважение определяется не количеством звезд на погонах. Полковник Юрий Гагарин разве ниже известного маршала авиации? То-то же...

– *На каком-то определенном этапе произошла девальвация правительственных наград. Почему?*

– Потому что их стали вручать массово. У меня и товарищей пропало уважение к наградам после того, как Л.И. Брежнев получил третью Золотую звезду Героя Советского Союза... в связи с днем рождения. Даже не юбилея, а рядового дня рождения. Как можно после этого уважать награжденного?

– *Карьера состоялась. Была «волосатая» рука?*

– Была, была. Деда Ивана... Когда ему было девяносто шесть лет, мог поднять два мешка ячменя и перенести. Мне было восемь. И его мощная волосатая рука помнится всю жизнь. Защищал меня, «малого», от обидчиков. А вот в юности, когда на кусок хлеба не хватало, до стипендии 3–4 рублей, такой руки, к сожалению, не было. Ну а когда в 50–70-е годы карьера шла в гору, всякое говорили: мол, есть у него «рука», женат на сестре члена Политбюро... А жена у меня из Смоленской области, дочка колхозника, живем вместе 57-й год. Пора медаль за выслугу давать (смеется).

– *Слышал про вас: в войну пулям не кланялся, после войны*

не прогибался. А понуждали согнуться?

– Пытались, и не один раз. Меня никто не может упрекнуть ни в Белоруссии, ни в Москве, ни на Ставрополье, ни в Узбекистане. Не ложился ни под кого. Правда, за это наград не давали (смеется).

– Вы активно работаете в ветеранском движении. Были членом Советского комитета ветеранов войны, Всесоюзного совета ветеранов войны и труда. Сейчас почетный председатель Пинского совета ветеранов-партизан и городского совета ветеранов. Энергично занимаетесь сооружением партизанского мемориала...

– Это мой последний солдатский долг перед теми, кого уже нет. Мемориал возводится в память о тех, кто в первые дни, недели, месяцы войны стал на защиту Отечества.

Тысячи людей внесли свой скромный вклад. Главный архитектор города Пинска О.Б. Василенко безвозмездно разработала проект, а директор ОАО «Полесье» С.Е. Дорофеев за 3 месяца построил «Поляну партизанской славы». Это скромное сооружение переживет века.

– Нет помех в строительстве?

– Открыто никто не мешает, а втихаря пять лет саботировали. На собранных ветеранами копейках кое-кто наживается. Госконтроль скоро об этом скажет свое слово.

– Семья – это тыл солдата...

– У меня семья большая, трудовая. Жена Ольга Александровна была на фронте с июля 1941 года. За бои под Моск-

вой награждена медалью «За отвагу». Прошла «круги ада» под Вязьмой, Гжатском. Дочь Светлана – биолог, Галина – кардиолог, врач от Бога. Моя надежда – внуки: Илья – хирург, защитил диссертацию, Александр – тоже хирург, готовится к защите, Катя – искусствовед, Нана – студентка. Любимец семьи – 4-летний Георгий растет хорошим человеком. Зятя и невестка – трудятся. Так что тыл надежный.

– Потому и пишется вовсю?..

– Ну, не вовсю, но помаленьку пишу. Книга «Штрихи к портрету» готовится к печати. Работаю над книгой «1119 дней в тылу врага». Заинтересовать читателя может и очерк «Десять лет в Интуристе» – о В.В. Карпенко, А.Н. Гулевице, П.А. Абрасимове, В.И. Михайленко, Н.И. Шувере, Р.М. Юлгушеве, Л.В. Керестеджиянце, П.П. Смекалкине, Б.А. Школьникове, В.К. Бойченко, Б.С. Ванюшине, И.А. Лукинове и других. Если хватит сил, в 2003 году продолжу «Штрихи к портрету».

– В феврале отметите 80-летие. Как, Эдуард Болеславович, сохранили крепость тела и духа?

– Я грибник с детства, рыбак и охотник. Еще пару лет назад пешком ходил по двадцать-тридцать километров. Всю жизнь болею за минское «Динамо». А с болячками борюсь вместо химии народными средствами. Живу без зависти и злобы...

МЫСЛИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

«Сравнивать предателя не с кем, и не с чем. Я думаю, что тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы» (*М. Горький*).

«Человек разумный – снисходителен» (*Мицкевич*).

«Человек, не могущий управлять собой, не пригоден для управления другими» (*Пенн*).

«Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» (*Теренций*).

«Человек редко может заставить себя любить, но заставить себя уважать может всегда» (*Фонтенель*).

«Мастер находить оправдания редко бывает мастером в чем-нибудь еще» (*Франклин*).

«Многие целуют ребенка, а смотрят на няньку» (*Джон Хейтвуд*).

«Человека можно уничтожить, но его нельзя победить» (*Хемингуэй*).

«Каждый человек—книга, если знаешь, как ее прочесть» (*Ченнинг*).

«У человека не может быть иной цели, кроме как быть человеком» (*Шеффер*).

«Идея, которая не может быть претворена в жизнь, подоб-

на мыльному пузырю» (*Ауэрбах*).

«У нас все есть... Только не для всех» (*А. Райкин*).

«Если истина остра, как кинжал,
Ты, как заяц, перед ней не дрожи.

Я поблажек в трудный век избежал,

Не унизился до лести и лжи» (*Зейнал Халил*).

«Хороший клев бывает либо до того, как вы начали ловить, либо после этого» (*из законов Мерфи*).

Говорят в народе, что у доброго и справедливого человека больше врагов, чем у плохого...

«Если бы Бог считал богатство чем-то ценным, он бы не давал его негодяям» (*Джонатан Свифт*).

«Каждый хочет, чтобы его информировали честно, беспристрастно, правдиво – и в полном соответствии с его взглядами» (*Гилберт Честертон*).

«Не спрашивай о том, что будет завтра» (*латинское изречение*).

«Мир – это когда стреляют где-то в другом месте» (*Гэбриэль Лауб*).

«Обвинить можно и невинного, но обличить – только виноватого» (*Апулей*).

«Мужество подвергается испытанию, когда мы в меньшинстве, терпимость – когда в большинстве» (*Ральф Сокман*).

«Иные лекарства действуют медленнее, чем болезни» (*Тацит*).

«По идеям из ружья не стреляют» (*Равароль*).

«Идеи могут быть обезврежены только идеями же» (*Бальзак*).

«Глупые мысли бывают у каждого, только умные их не высказывают» (*Буш*).

Жизнь каждого человека извилиста, и часто мы выбираем направление.

«Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен» (*Михаил Булгаков*).

«Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости» (*А.С. Пушкин*).

Говорят, герой тот, кто в данную минуту делает именно, что нужно.

«... для славы мертвых нет» (*Ахматова*).

Люди без совести пророками не бывают.

«Перевороты совершаются в тупиках» (*Бертольд Брехт*).

Абсолютная неспособность признавать свои ошибки...

«Археологи выкапывают из земли историю, которую закопали политики» (*Габриэль Лауб*).

Надеюсь, что сделал в этой жизни что-то угодное Богу. Он хранит меня до сих пор.

«Большая политика – это всего лишь здравый смысл, примененный к большим делам» (*Наполеон*).

«Благородно только то, что бескорыстно» (*Жан де Лабрюйер*).

Опыт – не товар, который можно купить в магазине.

«Чем больше я узнаю людей, тем больше восхищаюсь собаками» (*Жанна Мари Роллан*).

Нет большего чуда, чем жизнь живого существа. Каждого живого существа.

«Первая проблема – научить детей, как вести себя в приличном обществе; вторая – найти это приличное общество» (*Роберт Орбен*).

«Государство должно любить своего чиновника только за то, что он говорит правду» (*Конфуций*).

России нужна не твердая рука, а трезвая голова.

Самая большая несвобода – это бедность.

Тот, кто говорит правду – своей смертью не умирает (*древнее китайское изречение*).

«Правда слишком многогранна для того, чтобы кто-либо позволял себе думать, что он знает всю правду» (*Джавахар-лал Неру*).

«Я не замечал, чтобы честность людей возрастала с их богатством» (*Томас Джефферсон*).

Знания стоят дорого, а незнания – еще дороже (*японское изречение*).

«Из этой жизни еще никто не уходил живым» (*А.Н. Толстой*).

ИЗ ШЕБАРШИНА:

У лжи короткие ноги. Поэтому она прочно стоит на ногах. Жадность растет в геометрической прогрессии к богат-

ству.

Только чужая ошибка непростительна.

О своих недостатках или ничего, или хорошее.

Не забегай вперед. Спина – удобная мишень.

Не надо спешить. Жизнь коротка – споткнешься и не успеешь подняться.

Рукописи не горят. Горят издатели.

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но можно дважды сесть в одну и ту же лужу.

Мы платим, когда что-то покупаем, и мы же расплачиваемся, когда нас продают.

Направление реформы подскажут жизнь и кошелек.

Мог бы покаяться только в одном – грешил, но мало.

Старость – это безлюдье.

Что вы цените в женщине? То, что отличает ее от мужчины.

Немногие разбогатели, многие обнищали и все одичали.

Пять дней в неделю бездельничаем и два – отдыхаем.

При советской власти демократов считали за людей – уговаривали, сажали, ссылали. Теперь же никакого внимания не обращают, и это им обидно.

Президент не может обойтись без народа. Это его слабое место.

Ум хорошо, а кум лучше.

Первой жертвой правды становятся те, кто ее высказывает.

Время есть, а жизни нет.

Может ли слепец увидеть очевидное?

Старость—это возраст, когда ноги изнашиваются быстрее, чем башмаки.

Своя лысина дороже чужой шевелюры.

Хорошо знакомая болезнь безопаснее, чем незнакомый врач.

Врачи уходят и приходят, а болезни остаются.

Не каждый гражданин способен ограбить банк, на банк может ограбить каждого.

«Умер своей смертью...» А можно ли умереть чужой?

Нас застает врасплох не погода, а климат. Мы никогда не готовы к зиме. Самый удобный способ передвижения – на чужом горбу.

Совесть занимает в организме самое скромное место.

Губит нас не лень, а бестолковая активность.

У экономистов концепций больше, чем рублей.

Получив по физиономии за нахальный взгляд на чужую жену, не говори, что пострадал за взгляды.

«Если ты не придешь на мои похороны, я не приду на твои».

Баба у меня дура. Да и сам-то я не Эйнштейн.

Чужой крест всегда легче.

Есть две категории преступников. Одни боятся ментов, другие – коммунистов.

Удивительно. Деньги становятся все хуже, а хочется, что-

бы их было больше.

Мы подвели итоги. Итоги подвели нас.

Вечная память у нас длится 9 дней.

Человеку нужно очень немного для счастья и еще меньше для несчастья.

Быстрее времени летят только деньги.

Мир устроен несправедливо. Только это многих и спасает.

Одни живут, чтобы есть, другие – чтобы соблюдать диету.

Мужчины плачут редко, ибо за них плачут женщины.

В мире есть водородная бомба, но нет средства от насморка. Дожил до незаслуженной старости.

Нельзя два раза съесть одну и ту же курицу, а человека можно. Можно стать бывшим министром или депутатом, но нельзя быть ни бывшим генералом, ни бывшим дураком. Эти звания пожизненные.

Не устал я от жизни. Жизнь устала от меня.

Сижу и думаю: «Почему все в президиуме, а я нет?»

Если у правды лицо Бурбулиса, то такая правда мне не нужна. Люди бросают собак. Еще ни одна собака не бросила человека. Бумага и чернила есть. Мысли кончились.

Иллюстрации

Геро
(спр
Павл
Э. Б.
Враг

«Я знал д
ил Серге
года — э
года — уз

ГУВОХНОМА № 116
УДОСТОВЕРЕНИЕ

тов. НОРДМАН Эдуард Болеславович
является Председателем Комитета
государственной безопасности при
Совете Министров Узбекской ССР

Председатель
Совета Министров УзССР
Удостоверение
Совета Министров УзССР

Handwritten signatures

*Председатель КГБ Узбекистана
Э.Б.Нордман в гостях у муфтия.*

Э.Б.Нордман с ветеранами из Узбекистана на

Кисловодск, 1971 г. Ю.В.Андропов, Э.И.Варшавский, В.И.Никитин и врач В.Е.Архипов забирают

*Юрий Владимирович любил фотографировать.
Ю.В.Андропов, Э.Б.Нордман, В.С.Хрущев*

*Неожиданный ракурс... Ю.В.Андропов ф.
Горбачевых и Э.Б.Нордмана.*

«Телега истории». Будущие первые леди (стоит) и Р.М.Горбачева (сидит справа). Архивное фото.

Архыз. Домик туристов. Справа налево, О.А.Федоренко (Нордман).

Кисловодск. Дача № 1, где ежегодно отдыхал Ю.В. Андропов. «Новые русские» в ней редко останавливаются, так как она для них несколько бедновата и скромна.

*Два Михаила Сергеевича. Председат
кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС
Ставропольского крайкома КПСС М.С.И*

В.И. Долгин — один из самых молодых, активных и перспективных специалистов КПСС. Кандидат в члены ЦК ВЛей тяжёлой промышленности и энергетики. Директор лекса. Директор химических н

Премьер-министр Индии Раджив Ганди

Фронтвик 41-го Все-

На высоких постах В.И. Долгих оставался скромным и доступным, не проявляя карьеристских замашек. Для него главным было ДЕЛО. В центре – М.С. Соломенцев, справа - В.И. Долгих.

М.В.Зимянин, первый секретарь ЦК ЛКСМБ, 1944 г. Талантливый был человек, непростой судьбы. Пролетел над землей, словно яркая комета. Богатств не накопил. В

*Партизанский отряд на марше. Зима 1942 года.
Пинская область.*

Пос.

А.А. Свитцов — бесстрашный разведчик. Комиссар отряда «За Родину».

Ю. С. Еруженец

В.З.Корж в 1932 г. (Слуцк) и в 1945 г. (дир, человек-легенда.

Снимок на память в тылу врага. Спр
Ф. Карманов, М. Зимахин, В. Корж, А. Кос

А.Н.
с же
и до

Косыгин всегда был самым собой, ответственным и справедливым. Его уважали среди работников обсерватории в Архе

А.Н.Косыгин не часто улыбался. В коридорах правительства ходила такая шутка: если Алексей Николаевич сегодня с утра улыбался, то неделю улыбается весь Совет Министров.

П
к
м
р
т
К

*К.Т.Мазуров в 1943 г. (слева) и спустя
Его уважали за смелость, отвагу, про
Это в войну, а после нее — за государст
огромное трудолюбие.*

*К.Т.Мазуров (слева) в
горах Кавказа. 1973 г.*

*Глава советской правительственной делегации
Встречи с председателем Президиума*

П. М. Машеров — секретарь Вилейского подпольного обкома комсомола, Герой Советского Союза.

С. О. Притыцкий в президиуме Народной

Притыцкий на рыбалке на озере Нароч

Дважды лауреат Сталинской премии

Д. С. Лихачев

Н.И.Рыжков среди ветеранов на Красн

Н.И. Рыжков никогда не отдал бы приказа пролить кровь людскую и расстрелять Верховный Совет. Не позволил бы ограбить народ, обесценить саму жизнь.

Мало кому известно, что Е.И.Чазов в 50-е годы совершил научный подвиг: ввел себе в вену совершенно не испытанный препарат, растворяющий тромбы. В том, что сейчас от инфаркта не умирает каждый второй, как в 1959 г., заслуга ученых-кардиологов.

Менялись жизненные обстоятельства, должности, но не менялся доктор Чазов. Он оставался ЧЕЛОВЕКОМ в высоком понимании этого слова.

*У подножия седого Эльбруса.
Е.И.Чазов в Кабардино-Балкарии.*

*Чекисты в Кремле, в 9-м управлении. 1
ропов, Я.П.Никулкин, Н.С.Мешков, В.М.
Э.Б.Нордман, Н.М.Ситнов, С.Н.Антонов.*

Бюджетный КФБ в Бюджетном Кремлевском

Генерал В.К.Бояров. Его всегда отличали интеллигентность и высокая культура в работе, глубина мысли и гуманное отношение к человеку.

*П.К.Пономаренко — 1-й секретарь ЦК
Совета Министров БССР, секретарь ЦК
секретарь ЦК КП Казахстана, Чрезвычайный
СССР в Польше, Индии и Непале, Нидерландов,
начальник Центрального штаба партизанского
Верховного Главнокомандования, член
тов. Умнейший человек и выдающийся*

П.Н.Демичев — кандидат в члены Политбюро СССР. На снимке, сделанном во время его поездки в Москву, он второй слева, в центре его супруга Лариса, а третий слева — зять Борис Школьников.

*Гейдар Алиев — член Политбюро ЦК КП
седателя Совета Министров СССР. Зна-
лись самые добрые воспоминания. Эн-
умный человек. На снимке: Г.А.Алиев и*

*С Яношем Кадаром, руководителем Венгрии.
Во время его отдыха в Кисловодске. 1970-е годы.*

*Александр Иванович Серебряков,
президент «Интер В.Т.И. групп».*

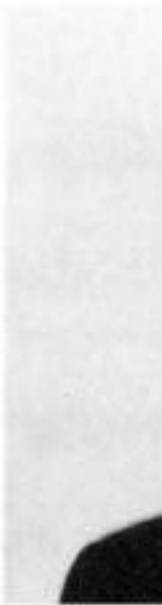
Бо
пр
но

Мои ро
рович
Отец,
помощ
строи
фрон
жил в
роты,
манди
данто
парти
рии, о
ками, в
в 1930

*Начальник Управления КГБ
по Минской области.*

Предсе

*Четыре поколения Нордманов: правнук
Илья и Александр, невестка Кети.*

Об авторе

Один из организаторов партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. С 1941-го по 1944 год провел в тылу врага 1119 дней. Рядовой^ командир отделения разведки, помощник комиссара отряда, потом бригады по комсомолу. Секретарь Пинского подпольного горкома и Пинского подпольного обкома ЛКСМБ. На боевом счету – бронепоезд и 9 вражеских эшелонов, Пущенных под откос, десятки боев и дерзких партизанских операций, о которых ходили легенды.

Работал начальником Минского областного, Ставропольского краевого управлений КГБ, председателем КГБ Узбекистана, в центральном аппарате КГБ СССР.

Почетный гражданин города Пинска, почетный сотрудник госбезопасности.

«В органы госбезопасности я пришел 20 сентября 1958... За моими плечами было уже 20 лет сознательной жизни. Непростой жизни. Видел и голод, и холод, не один раз смотрел смерти в лицо... Встретили меня по-разному. Кто доброжелательно, кто настороженно, кто с любопытством – что за птица пожаловала. Да еще фамилия, имя и отчество интригующие».

Эдуард Болеславович НОРДМАН

Я хорошо знал среду КГБ, в которой было немало честных, порядочных людей. Но даже среди них Нордман,

*бывший белорусский партизан, выделялся своей прямо-
той, простотой и честностью. Он был далек от ин-
триг...»*

Академик Чазов

Выходные данные

Нордман Э.Б. Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает... / Э.Б. Нордман. – Мн.: БЕЛТА, 2004. —168 с.: ил. Издание второе исправленное и дополненное. Мемуары.

УДК 351.746.1(092) ББК 67.401.212 Н 82 ISBN 985-6302-40-4.

© Нордман Э.Б. , 2003 © БЕЛТА, оформление, 2003 © Нордман Э.Б. , 2004

Автор передает гонорар за книгу Пинскому обществу ветеранов войны и труда

Редакторы: Г.К. Киселев, А.А. Юдчиц Художник А.В. Лалин Технический редактор Е.И. Хомченко Корректоры: В.И. Богданович, Л.И. Рудницкая Компьютерная верстка М.Э. Маляревич

[OCR by Palek](#)

Подписано в печать 19.01.04. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Ариал. Печать офсетная. Объем 5,25 ф.п.л. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 1300 экз. Заказ 2729. Отпечатано в ФГУП «Издательство «Кавказская здравница», 357212, г. Минеральные Воды, ул. 50 лет Октября, 67.